

К. Шакиров

**Судебная экспертология: проблемы и решения
(от теории - к практике)**

**Алматы
2016**

УДК 343.148.6
Ш 12

*Рекомендовано к изданию Ученым Советом
факультета международных отношений
и РИСО КазНУ им. аль - Фараби*

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор **А.А. Исеев**
доктор юридических наук, профессор **О.Г. Кузнецов**
кандидат юридических наук, доцент **Р.Б. Тапалова**

*Публикация осуществлена за счет гранта Министерства образования
Республики Казахстан «Лучший преподаватель года»*

Шакиров К.

Судебная экспертология: проблемы и решения (от теории – к практике). – Алматы: Қазақ университеті, 2016. – 218 с.

ISBN

В монографии исследуется комплекс проблем научных и практических основ судебной экспертизы, сформировавшихся на современном этапе развития в самостоятельную отрасль прикладного юридического знания – судебную экспертологию. На основе анализа судебной практики, действующего в республике процессуального института специальных знаний, существующих в научной литературе подходов к оценке науковедческих и методологических положений, отражающих судебно-экспертную деятельность, в работе предложены варианты решения возникающих в данной сфере проблем ее эффективной реализации.

Книга рассчитана на специалистов, интересующихся вопросами теории и практики судебной экспертизы, будет полезна студентам, магистрантам и докторантам.

Введение

Становление и развитие теоретических основ судебной экспертизы на постсоветском пространстве имеют достаточно долгую историю, сопровождающуюся поиском наиболее адекватных ответов на оценку сформированной за длительный период системы научного знания, отражающего сферу судебно-экспертной деятельности. Зародившись изначально в криминалистической науке, данная система знаний на сегодняшний день включает в себя творчески переработанные для нужд судопроизводства сведения из различных отраслей гуманитарных, естественных и технических наук, среди которых данные криминалистики являются лишь одной из составляющих экспертологического знания наряду с данными медицины, психологии, физики, химии, биологии и т. д.

Стремление к разработке оптимальных средств, приемов, методов обеспечения судопроизводства не общеизвестными научными и техническими данными способствовало формированию концептуальных теоретических начал экспертного знания, которые на сегодняшний день конституировались в самостоятельную прикладную отрасль научного знания – судебную экспертологию. Тенденция обращения ученых к анализу концептуальных проблем судебной экспертизы, в частности исследованию формы и содержания ее научных основ с позиций фундаментального знания как условия целенаправленного изучения вопросов частного характера наиболее полно нашла свое отражение во второй половине прошлого века. Выражающий данную тенденцию науковедческий и методологический анализ теоретических начал судебной экспертизы объяснялся необходимостью уточнения и систематизации сформированных научных положений данной области, а также методологической значимостью теоретических построений для выбора наиболее адекватных и оптимальных познавательных средств для решения задач, имеющих в правосудии практическую направленность.

В предлагаемой читателю работе исследование всего комплекса проблем сопутствующих становлению и развитию судебной экспертологии мы начали с анализа института специальных знаний в судопроизводстве. Содержание рассматриваемого процессуального института изначально призвано на научных началах дать практическим работникам правоохранительных и судебных органов четкие рекомендации по дифференциации полномочий специалистов и судебных экспертов в ходе их привлечения в уголовный, гражданский процесс и административное производство. Однако как показано в нашем исследовании это направление научного анализа требует дальнейшей разработки, учитывая что на сегодняшний день ни принятые процессуальные решения в нашей стране, ни имеющиеся рекомендации ученых не отличаются однозначной оценкой.

Далее, изложенные в настоящей работе положения проиллюстрированы примерами, характеризующими становление, формирование и развитие научных и практических основ такой сферы специальных знаний как судебная экспертиза. К сожалению, творческое осмысление учеными проблем рассматриваемой специфической отрасли юридического знания, способствуя становлению и развитию теоретической базы судебной экспертизы, в то же время, выявило наличие различных взглядов среди исследователей на характер и форму обобщения научных основ судебной экспертизы. От констатации теоретических начал судебной экспертизы в качестве раздела то ли криминалистики, то ли процессуальной науки до признания их самостоятельной наукой (теорией) - таков спектр имеющихся в специальной литературе суждений по данному вопросу.

С учетом сказанного и на основе анализа высказанных в литературе суждений ученых автором предлагается и обосновывается собственный взгляд на содержательную основу науки судебной экспертологии, исследованы ее предмет, структурное построение и методологическое содержание. Основываясь на полученных результатах, в дальнейшем в работе нами дан анализ и предложения по наиболее проблемным вопросам судебной экспертизы как сферы практической деятельности. При этом рассмотрены такие составляющие данной сферы как предмет, задачи, объекты и классификация судебных экспертиз.

Работа завершается характеристикой всего комплекса организационных, процессуальных и методических вопросов, сопровождающих назначение и производство судебной экспертизы в Республике Казахстан. Данная глава в большей степени предназначена для практических работников правоохранительной сферы

Предлагаемое исследование явилось развитием положений, рассмотренных в предыдущих работах автора, и учитывало как законодательные изменения в сфере судебной экспертизы, так и появление среди ученых новых суждений при оценке концептуальных научных основ судебно-экспертной деятельности. При этом автор допускает наличие иных мнений, не совпадающих с изложенным мной в настоящей работе, и надеется на то, что она будет полезной для взыскательного читателя.

1. Институт специальных знаний в судопроизводстве Республики Казахстан: законодательные новации и проблемные вопросы

1.1. Институт специальных знаний в судопроизводстве Республики Казахстан: законодательные новации

Институт специальных знаний занимает важное место в судопроизводстве как одно из регламентированных законодательством средств привлечения в уголовный, гражданский и административный процесс сведущих лиц - специалистов и судебных экспертов в целях получения информации, не являющейся предметом правовой либо профессиональной компетенции дознавателей, следователей, прокуроров, адвокатов и судей в ходе досудебного расследования и судебного рассмотрения дел.

Основные положения рассматриваемого института нашли наиболее полное отражение в процессуальном регулировании его применения в уголовно-правовой сфере, поэтому предлагаемый ниже анализ осуществлялся прежде всего на исследовании норм уголовно-процессуального законодательства. При этом учитывался тот факт, что в концептуальном плане применение института специальных знаний в гражданском процессе либо административном производстве имеет в большинстве случаев общие черты с его применением в уголовном процессе.

Принятое в нашей стране действующее уголовно-процессуальное законодательство ввело в оборот ряд новаций, более рельефно и углубленно регламентировавших статус специалиста, придав ему при этом процессуальные полномочия по даче заключения и показаний¹.

Согласно п. 5. статьи 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан специальные знания – это **«не общеизвестные в уголовном процессе знания (здесь и далее по тексту выделения сделано автором. – К.Ш.), приобретенные лицом в ходе профессионального обучения либо практической деятельности, используемые для решения задач уголовного судопроизводства»**. В качестве носителя таковых законодатель называет прежде всего специалиста ибо особенностью законодательства нашей страны является то, что оно, наряду с определением «специальные знания», дает и другое определение – «специальные научные знания», под которыми понимается «область специальных знаний, содержание которой составляют научные знания, реализованные в методиках судебно-экспертных исследований» (п. 6. статьи 7 УПК РК), а в качестве носителя последних назван судебный эксперт. Сказанное подкрепляется и законодательным определением самой судебной экспертизы как исследования материалов уголовного, гражданского дела или дела об административном

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.11.2014 г.). // ИС Параграф [www. http://online.zakon.kz](http://online.zakon.kz).

правонарушении, проводимое на основе специальных научных знаний в целях установления обстоятельств, имеющих значение для его разрешения².

Как следствие, была обновлена норма (ч.2. статьи 111 УПК РК), регламентирующая источники доказательственной информации, в число которых наряду с заключением эксперта включены его показания, а также заключение и показания специалиста.

Рассмотрим несколько подробнее внедренные новации правового статуса специалиста с точки зрения дифференциации в дальнейшем содержания двух форм специальных познаний, применяемых в уголовном процессе.

Статья 80 УПК РК дает характеристику лица, который может быть привлечен для участия в производстве по уголовному делу в качестве специалиста. К нему относится **не заинтересованное в деле лицо, обладающее специальными знаниями, необходимыми для оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств путем разъяснения участникам уголовного процесса вопросов, входящих в его специальную компетенцию, а также применения научно-технических средств.** Специалистами являются также педагог, психолог, участвующие в следственных и иных процессуальных действиях с участием несовершеннолетнего, а равно врач, участвующий в следственных и иных процессуальных действиях, за исключением случаев назначения его экспертом.

В качестве специалиста для проведения исследования и дачи заключения может быть привлечен сотрудник уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан (часть 2 статьи 80 УПК РК).

При этом согласно Закону Республики Казахстан от 6 января 2011 года «О правоохранительной службе»³ к правоохранительным органам относятся органы прокуратуры, внутренних дел, государственной противопожарной службы, антикоррупционная служба и служба экономических расследований, осуществляющие свою деятельность в соответствии с законодательными актами Республики Казахстан. В свою очередь, к специальным государственным органам законодательство Республики Казахстан⁴ относит органы национальной безопасности, уполномоченный орган в сфере внешней разведки, Службу государственной охраны Республики Казахстан.

В части 3 статьи 80 УПК РК достаточно подробно регламентирован правовой статус специалиста. Так, специалист имеет право:

- знакомиться с материалами, относящимися к предмету исследования;

² См.: Закон Республики Казахстан «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.12.2014 г.) // ИС Параграф [www. http://online.zakon.kz](http://online.zakon.kz).

³ Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 года № 380-IV «О правоохранительной службе» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.12.2014 г.)

⁴ Закон Республики Казахстан от 13 февраля 2012 года № 552-IV «О специальных государственных органах Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.01.2015 г.)

- заявлять ходатайства о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения;
- знать цель своего вызова;
- отказаться от участия в производстве по делу, если не обладает соответствующими специальными знаниями и навыками;
- с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, задавать вопросы участникам следственного или судебного действия; обращать их внимание на обстоятельства, связанные с его действиями при оказании содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств и применении научно-технических средств, исследовании материалов дела, подготовке материалов для назначения экспертизы;
- по назначению органа, ведущего уголовный процесс, суда проводить не приводящее к полному или частичному уничтожению объектов либо изменению их внешнего вида или основных свойств исследование, за исключением сравнительного, материалов дела с отражением его хода и результатов в протоколе либо официальном документе, приобщаемом к уголовному делу в порядке, предусмотренном частью девятой статьи 199 УПК РК, которая гласит, что «если в ходе производства следственного действия по результатам исследования специалиста им был составлен официальный документ, он прилагается к протоколу, о чем в протоколе делается соответствующая запись».

В свою очередь специалист уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, вправе:

- проводить сравнительные исследования, приводящие к частичному уничтожению объектов в объеме, не исключающем проведение по этим объектам судебно-экспертного исследования, с отражением его хода и результатов в заключении специалиста, оформленном в соответствии с требованиями статьи 117 УПК РК, регламентирующей порядок оформления заключения специалиста;
- знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он принимал участие, а также в соответствующей части с протоколом заседания суда и делать подлежащие занесению в протокол заявления и замечания относительно полноты и правильности фиксации хода и результатов производившихся при его участии действий;
- приносить жалобы на действия органа, ведущего уголовный процесс;
- пользоваться бесплатной помощью переводчика;
- заявлять отвод переводчику;
- заявлять ходатайство о принятии мер безопасности;
- получать возмещение расходов, понесенных им в связи с участием в производстве следственных или судебных действий, и вознаграждение за выполненную работу, если участие в производстве по делу не входит в круг его должностных обязанностей.

Часть 4 статьи 80 УПК РК предусматривает, что специалист не вправе:

- вести переговоры с участниками процесса по вопросам, связанным с проведением исследования, без ведома органа, ведущего уголовный процесс;
- самостоятельно собирать материалы исследования.

Данные ограничения не распространяются на лиц, указанных частью второй настоящей статьи, а именно на сотрудников уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан.

В свою очередь специалист обязан:

- явиться по вызову органа, ведущего уголовный процесс;
- участвовать в производстве следственных действий и судебном разбирательстве, используя специальные знания, навыки и научно-технические средства для оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств;
- давать пояснения по поводу выполняемых им действий, а в случае, предусмотренном частью второй настоящей статьи, провести исследование и дать заключение;
- не разглашать сведения об обстоятельствах дела и иные сведения, ставшие ему известными в связи с участием в деле;
- соблюдать порядок при производстве следственных действий и во время судебного заседания;
- обеспечить сохранность представленных на исследование объектов.

Согласно части 6 статьи 80 УПК РК за отказ или уклонение от выполнения своих обязанностей без уважительных причин на специалиста может быть наложено денежное взыскание в порядке, установленном статьей 160 УПК, предусматривающей, что:

- денежное взыскание налагается судом;
- если соответствующее нарушение допущено в ходе судебного заседания, то взыскание налагается судом в том судебном заседании, где это нарушение было установлено, о чем выносится постановление суда;
- если соответствующее нарушение допущено в ходе досудебного производства, то лицо, осуществляющее досудебное расследование, или прокурор составляет протокол о нарушении, который направляется следственному судье, который его рассматривает в течение суток с момента поступления в суд. В судебное заседание вызывается лицо, на которое может быть наложено денежное взыскание. Неявка нарушителя без уважительных причин не препятствует рассмотрению протокола;
- по результатам рассмотрения протокола судья выносит постановление о наложении денежного взыскания в размере до пятидесяти месячных расчетных показателей или отказе в его наложении. Копия

постановления направляется лицу, составившему протокол, и лицу, на которое наложено денежное взыскание;

- при наложении денежного взыскания суд вправе отсрочить или рассрочить исполнение постановления на срок до трех месяцев.

В случае заведомо ложного заключения специалист несет уголовную ответственность, установленную законом.

Как уже отмечалось выше, с учетом изменившегося статуса специалиста статья 111 УПК РК «Понятие доказательств» предусмотрела новый источник доказательственной информации - заключение специалиста, под которым в соответствии со статьей 117 УПК РК подразумевается *оформленный в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства и представленный в письменном виде официальный документ, отражающий содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед специалистом лицом, ведущим уголовный процесс, или сторонами.*

Данной статьей также предусмотрены и иные новации, а именно то, что порядок назначения исследования, подготовки сообщения о невозможности дачи заключения, права и обязанности подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и его представителя, свидетеля, защитника при назначении и производстве исследования, гарантии прав и законных интересов лиц, в отношении которых проводится исследование, право участников процесса на присутствие при производстве исследования, правовые требования к объектам исследования, порядок и правовые последствия предъявления подозреваемому, потерпевшему заключения специалиста, основания и порядок получения образцов для исследования устанавливаются главами 34 и 35 УПК РК с учетом особенностей производства исследования специалистом. Отметим, что главы 34 и 35 УПК РК регламентируют получение образцов для экспертного исследования, порядок назначения и производства судебной экспертизы и допроса эксперта.

Далее часть 2 статьи 117 УПК РК регламентирует, что после производства необходимых исследований специалист от своего имени составляет письменное заключение и удостоверяет его своей подписью, при этом указывается, что письменное заключение специалиста, составленное сотрудником уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан, заверяется печатью указанного подразделения.

Кроме того, статья 3 статьи 117 УПК РК регламентирует порядок оформления заключения специалиста. В частности в нем должны быть указаны: дата его оформления, сроки и место производства исследования; реквизиты протокола следственного действия, к которому прилагается заключение специалиста, сведения о специалисте, который проводил исследование (фамилия, имя, отчество (при его наличии), образование, специальность, стаж работы по специальности, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность); отметка, удостоверенная подписью специалиста о том, что он предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения; вопросы, поставленные перед

специалистом; объекты исследования, их состояние, упаковка, скрепление печатью; содержание и результаты исследований с указанием примененных методов; оценка результатов проведенных исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным перед специалистом вопросам.

При этом материалы, иллюстрирующие заключение специалиста (фототаблицы, схемы, графики, таблицы и другие материалы), достоверные в порядке, предусмотренном частью второй настоящей статьи, прилагаются к заключению и являются его составной частью. К заключению также должны быть приложены оставшиеся после исследования объекты, в том числе образцы (ч 4.статьи 117 УПК РК).

Заключение специалиста не является обязательным для органа, ведущего уголовный процесс, однако его несогласие с заключением должно быть мотивировано (ч 7.статьи 117 УПК РК).

Анализируемая статья особое внимание уделяет показаниям специалиста. В частности согласно части 5 статьи 117 УПК РК - устные пояснения специалиста являются доказательствами лишь в части разъяснения данного им ранее заключения, а часть 6 этой статьи дает определение показаниям специалиста как сведениям, сообщенным им на допросе, проведенном после получения заключения, в целях разъяснения или уточнения данного им заключения.

Как видно из вышеприведенного, законодатель, расширив правовой статус специалистов, выделяет в уголовном процессе в числе прочих особую категорию специалистов – сотрудников уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан.

Их особенность заключается в том, данные специалисты вправе с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, проводить сравнительные исследования, приводящие к частичному уничтожению объектов в объеме, не исключающем проведение по этим объектам судебно-экспертного исследования с обязательным отражением его хода и результатов в заключении специалиста, оформленном в соответствии с требованиями статьи 117 УПК РК.

Данное полномочие, как указывалось выше, распространяется и на иных специалистов, но только в случаях сравнительного исследования ими материалов дела с отражением его хода и результатов в протоколе либо официальном документе, приобщаемом к уголовному делу, о чем в протоколе делается соответствующая запись. В остальных случаях по назначению органа, ведущего уголовный процесс, суда такие специалисты не вправе проводить исследование, приводящее к полному или частичному уничтожению объектов либо изменению их внешнего вида или основных свойств

Кроме того, специалисты – сотрудники уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан в отличие от иных вправе вести переговоры с участниками процесса по вопросам, связанным с проведением исследования, а также

вправе самостоятельно, без ведома органа, ведущего уголовный процесс, собирать материалы для исследования.

Ну и наконец, названные специалисты заверяют письменное заключение печатью уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан, в то время как иные специалисты удостоверяют его своей подписью.

Особенностью нового действующего уголовно-процессуального законодательства при определении содержательной части специальных знаний являются также положения, закрепленные в части 3 статьи 490 УПК РК, регламентирующей предварительное рассмотрение ходатайства о пересмотре вступивших в законную силу судебных актов, в которой закреплено, что до предварительного рассмотрения ходатайства «судья-докладчик **вправе поручить соответствующим специалистам подготовить научное заключение в отношении норм законов, примененных по рассматриваемому уголовному делу.** Для пояснений по научному заключению соответствующие специалисты могут быть вызваны на заседание надзорной судебной коллегии». Аналогично часть 2 статьи 492 УПК РК закрепляет, что при подготовке к судебному рассмотрению ходатайства судья коллегии Верховного Суда Республики Казахстан **вправе запросить от соответствующего специалиста научное заключение в отношении норм законов, примененных по рассматриваемому уголовному делу,** и при необходимости вызвать его в судебное заседание.

Таким образом, в приведенных статьях закрепляется право соответствующего специалиста дать в судебном процессе научное заключение в отношении правовых норм, применяемых по рассматриваемым делам.

В связи с приведенными новациями в уголовно-процессуальном законодательстве республики возникает ряд вопросов, как по действующему законодательству, так и в целом по дискуссии, широко развернувшейся в специальной литературе о содержательной сущности специальных знаний. В частности, анализ приведенных норм показывает не совсем ясную трактовку понятия «соответствующего специалиста», которому по запросу суда предстоит дать «научное заключение» в отношении норм законов, примененных по рассматриваемому уголовному делу. Предполагаемая отсылка на то, что это может быть ученый правовед ничего не дает в плане разъяснения ситуации.

Как уже отмечалось ранее, особенностью казахстанского уголовно-процессуального законодательства является строгая дифференциация специалиста и судебного эксперта по уровню обладания знаниями. Специалист в соответствии с законодательным определением является носителем специальных знаний, а судебный эксперт – специальных научных. Поскольку в приводимых статьях УПК РК требуется дача научного заключения по правовым нормам, то, как бы презюмируется, что под соответствующим специалистом можно подразумевать судебного эксперта. Хотя и не исключается приглашение любого специалиста, владеющего

научными юридическими знаниями. Отсюда, не покушаясь на нормы уголовно-процессуального законодательства, можно по аналогии сделать вывод, что в рамках производства судебной экспертизы допустимо решение правовых вопросов.

Здесь, однако, нельзя не отметить, что данная ситуация входит в противоречие с Нормативным постановлением Верховного суда Республики Казахстан от 18 июня 2004 года № 15 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного суда Казахской ССР №14 от 22 декабря 1989 года «Об экспертизе по гражданским делам» согласно которой в постановлении о назначении экспертизы не могут ставиться на разрешение правовые вопросы, как не входящие в компетенцию эксперта⁵. Правда, нельзя не сказать, что указанное постановление выносилось в отношении норм ранее действовавшего гражданско-процессуального законодательства Казахской ССР.

Изложенная ситуация, как впрочем и весь комплекс вопросов, возникающий в сфере применения специальных знаний и в частности судебной экспертизы в судопроизводстве, во многом обусловлены неустоявшимися теоретическими началами как при оценке рассматриваемого института так и судебной экспертологии как научном отражении судебно-экспертной деятельности, анализ которых предлагается далее.

⁵ Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 18 июня 2004 года № 15 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного суда Казахской ССР №14 от 22 декабря 1989 года «Об экспертизе по гражданским делам»// <http://sud.gov.kz/rus/legislation/CAT01/79695/2004>

1.2. К дискуссии о сущности специальных знаний в судопроизводстве

Теоретическое осмысление сущности специальных знаний в судопроизводстве имеет важное значение, поскольку, как было показано выше, от их правильной интерпретации зависят содержательная оценка деятельности специалиста и судебного эксперта и возможность научно обоснованной дифференциации правового положения названных сведущих лиц, привлекаемых в уголовный, гражданский и административный процесс.

Поиск однозначных решений по названным аспектам актуален как для судебной практики, призванной содействовать решению задач судопроизводства на единых правовых основаниях, так и для теории, особенно ввиду существующего в специальной литературе различия взглядов на характеристику понятия «специальные знания» и конкретных его носителей в судопроизводстве.

В этой связи представляется вполне справедливым мнение, высказанное Р. С. Белкиным, который, характеризуя данное понятие, отмечал: «Термин “специальные познания” приобрел такое обыденное звучание, что в теории и практике стал употребляться автоматически, как нечто само собой разумеющееся. Между тем далеко не все бесспорно и ясно и в содержании этого понятия, и в практике его применения как критерия при решении вопроса о привлечении... специалиста или необходимости назначения судебной экспертизы»⁶.

Для иллюстрации неоднозначного понимания сущности специальных знаний в теории обратимся к дискуссии по данной проблематике, развернувшейся в криминалистике, процессуальной науке и судебной экспертологии, которая характеризуется наличием прежде всего двух точек зрения на трактовку понятия «специальные знания» в зависимости от степени его распространения на субъектов процессуального доказывания.

В первом случае ученые исходят из жестко ограничительного толкования исследуемого понятия, распространяя его только на экспертов и специалистов.

Основное содержание этого взгляда заключается в том, что к специальным знаниям, применяемым в судопроизводстве, относятся любые не общеизвестные знания за исключением юридических, поскольку последними в уголовном и гражданском процессе наделены специальные субъекты – следователь и суд. В другой встречающейся в литературе интерпретации содержания специальных знаний подобного разграничения не проводится, в результате чего их носителями, наряду со специалистом и экспертом, признаются также и вышеназванные субъекты доказывания.

К примеру, в теории криминалистики известно высказанное А. А. Эйсманом и поддерживаемое рядом ученых суждение, суть которого сводится к тому, что специальные знания – «это знания не общеизвестные, не

⁶ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики: В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Акад. МВД СССР, 1978. С. 102.

общедоступные, не имеющие массового распространения, короче, это знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов... при этом познания в области законодательства и науки права, иначе – юридические знания, не относятся к специальным познаниям в том смысле, в каком это понятие употребляется в законе»⁷.

Аналогичный взгляд высказал Е. И. Зуев, определяя специальные знания как любые познания в науке, технике, искусстве или ремесле, исключая область процессуального и материального права, применяемые для решения вопросов, возникающих при осуществлении правосудия. Автор пишет, что это «прежде всего основанные на теории и закреплённые практикой глубокие и разносторонние знания приемов и средств криминалистической техники, обеспечивающие обнаружение, фиксацию и исследование доказательств. К специальным познаниям в том же смысле относятся познания в судебной медицине, судебной химии, физике, пожарном деле, автоделе, а также любые иные познания (педагогические, лингвистические, математические и др.), использование которых необходимо для полного, всестороннего и объективного расследования преступления»⁸.

В свою очередь, Г. М. Надгорный на основе анализа классификации и содержания областей специальных знаний дал следующее несколько обобщенное определение рассматриваемому понятию: «Специальные знания – это знания, не относящиеся к общеизвестным, образующие основу профессиональной подготовки по научным, инженерно-техническим и производственным специальностям, а также не общеизвестные знания, необходимые для занятия какими-либо видами деятельности»⁹. Позже автор уточняет предложенное определение и отмечает, что специальные знания – это знания, образующие основу профессиональной подготовки людей, определяющие их специальность. К ним не относятся знания общеизвестные и юридические¹⁰. Тем не менее в дальнейшем он вносит поправку, что в общеупотребительном смысле юридические знания – это также знания специальные.

Анализируя изложенную позицию, В. К. Лисиченко и В. В. Циркаль констатировали, что недостатком предложенного Г. М. Надгорным определения понятия «специальные знания» является то, что в нем не отражена уголовно-процессуальная специфика их применения. «Понятие “специальные знания”, – отмечали они, – не является общенаучным. Это понятие отраслевое, юридическое, применяемое уголовно-процессуальным

⁷ *Эйсман А. А.* Заключение эксперта (Структура и научное обоснование). М.: Юрид. лит., 1967. С. 89, 91.

⁸ *Зуев Е. И.* Непроцессуальная помощь сотрудника криминалистического подразделения следователю. М., 1975. С. 89.

⁹ *Надгорный Г. М.* Гносеологические аспекты понятия “специальные знания” // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1980. Вып. 21. С. 42.

¹⁰ См.: *Надгорный Г. М.* Уголовно-процессуальное законодательство о судебной экспертизе и понятие специальных знаний // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1981. Вып. 22. С. 28.

законодательством для отграничения профессиональных знаний различных специалистов, привлекаемых в практике уголовного судопроизводства для содействия следователю и суду в решении определенных вопросов, от знаний общеизвестных и юридических, которыми владеют соответственно работники органов расследования и суда». Обращая внимание на то, что в юридическом определении понятия «специальные знания» в качестве его существенного признака должны быть указаны процессуальная направленность и специфика применения этих знаний в следственной и судебной практике, авторы рассматривают специальные знания как «не общеизвестные в судопроизводстве научные, технические и практические знания, приобретенные в результате профессионального обучения либо работы по определенной специальности лицом, привлеченным в качестве специалиста или эксперта в целях содействия следователю или суду в выяснении обстоятельств дела или даче заключения по вопросам, для разрешения которых требуется их применение»¹¹.

В. К. Лисиченко и В. В. Циркаль подчеркивали при этом, что понятие «специальные знания» не включает юридические знания, которые по своему содержанию и условиям их приобретения для юристов являются специальными. Юридические знания, на их взгляд, составляют основу профессиональной деятельности лица, производящего дознание, следователя, прокурора, судьи. Они обеспечивают выполнение ими своих профессиональных функций и компетентное разрешение правовых вопросов, возникающих в следственной и судебной практике.

По мнению Т. В. Сахновой, «Специальные знания - это всегда научные знания неправового характера, сопровождаемые адекватными (признанными) прикладными методиками, используемые для достижения определенных юридических целей»¹².

Схожую позицию мы обнаруживаем у В. И. Шиканова, который понимал под специальными знаниями любую возможную совокупность знаний (практического опыта, навыков) за вычетом общеизвестных, т. е. таких, которые входят в общеобразовательную подготовку граждан, а также познаний в области права, связанных с уголовно-правовой оценкой фактических обстоятельств уголовного дела и с решениями процессуального характера. Автор пишет: «Знание и практический опыт, оказавшиеся необходимыми для всестороннего, полного и объективного выяснения обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу в уголовном судопроизводстве, принято называть специальными»¹³.

По мнению же Бишманова Б.М. специальные знания - это «знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов, но которыми не

¹¹ Лисиченко В. К., Циркаль В. В. Использование специальных знаний в следственной и судебной практике: Учеб. пособие. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1987. С. 22.

¹² Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. М.: Городец. 1999, С. 8.

¹³ Шиканов В. И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978. С. 23.

располагает адресат доказывания (следователь, суд, участники процесса и др.»¹⁴.

Более подробно комментирует рассматриваемую ситуацию Т.В. Аверьянова, которая пишет: «Вопросы права являются прерогативой органов расследования. И хотя нередко эксперт – представитель экспертного учреждения – обладает достаточными познаниями в области права, он (точно также как и лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд, обладая специальными (неюридическими) познаниями, по закону не вправе заменить эксперта) не имеет права вторгаться в область деятельности органов расследования, совмещая в одном лице функции эксперта и органа расследования. Если же эксперт при разрешении вопросов берет на себя функции, относящиеся к сфере деятельности следствия и суда, то его заключение лишается силы судебного доказательства. Экспертиза не толкует закон. Специальными являются знания, приобретенные субъектом в процессе обучения и практической деятельности в науке, технике, искусстве, ремесле и основанные на знании научных разработок в соответствующих областях знаний, используемые для решения вопросов, возникающих при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел»¹⁵.

Мы не случайно привели вышеизложенные мнения, отрицающие в целом возможность признания за специальными знаниями юридического содержания, а точнее, отнесения их к правовым в сфере судопроизводства. Если обратиться к носителям этих знаний в уголовном или гражданском процессе – эксперту и специалисту, то, казалось бы, такая постановка вопроса не может вызывать возражений, поскольку и теория права, и практика в качестве носителей правовых знаний определяют прежде всего дознавателя, следователя и суд. Но тогда, естественно, возникает другой вопрос: к какой отрасли знания следует отнести специальные познания в области криминалистики? Общепринято, что данная научная сфера познания принадлежит в соответствии с предметной направленностью юридической науке. Здесь, думается, уместно привести имеющиеся в литературе обоснования правовой природы криминалистики, обобщенные Р. С. Белкиным и заключающиеся по его мнению в следующем:

– Криминалистика – это правовая наука, ибо ее предмет и объекты познания лежат в сфере правовых явлений.

– Криминалистика – это правовая наука, так как ее служебная функция, решаемые ею задачи относятся к правовой сфере деятельности государственных органов, к правовым процессам (расследование, судебное разбирательство).

¹⁴ Бишманов Б.М. Правовые, организационные и научно-методические основы экспертно-криминалистической деятельности в органах внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2004. С. 88.

¹⁵ Аверьянова Т.В. Субъекты экспертной деятельности. Журн. «Вестник криминалистики». Вып. 2. М.: «Спарк». 2001, С. 31, 33

– Все рекомендации, разрабатываемые криминалистикой для практики, носят строго выраженный правовой характер, основаны на законе, соответствуют его духу и букве.

– Юридический характер криминалистики проявляется в нормативно-юридической функции, свойственной ей как отрасли правоведения, под воздействием которой многие научные рекомендации криминалистики вводятся в содержание правовых норм.

– Криминалистические рекомендации носят нормативный характер.

– Исторически криминалистика зародилась в рамках правовой – уголовно-процессуальной науки¹⁶.

По мнению же самого Р. С. Белкина, криминалистика в соответствии с классификацией, принятой в правовой науке, относится к числу специальных юридических наук, которым не соответствует какая-то определенная отрасль права или группа норм из разных отраслей права¹⁷.

Таким образом, правовая сущность криминалистики тем не менее не исключает возможность применения ее положений, в частности такого раздела, как криминалистическая техника, в качестве важной составляющей специальных знаний, используемых не только дознавателем, следователем, судом, но и экспертами и специалистами. Вот почему, на наш взгляд, в литературе обозначилась противоположная точка зрения, более расширительно трактующая рассматриваемое нами понятие.

Наиболее полно ее выразили В. Д. Арсеньев и В. Г. Заблоцкий, которые, не соглашаясь с тезисом о невозможности отнесения правовых знаний к специальным, пишут: «Юридические знания, например, в области криминалистики, используются именно как специальные при производстве криминалистических экспертиз. Точно так же правовые знания в области некоторых специальных вопросов... относятся к предмету соответствующих экспертиз – автотехнической, по технике безопасности, бухгалтерской и т. д. Более того, криминалистические и некоторые другие юридические знания (познания), непосредственно используемые следователями, судьями и иными субъектами, ответственными за ведение уголовного процесса в соответствующей его стадии, тоже относятся к специальным»¹⁸.

Нетрудно заметить, что приведенные определения, в целом правильно раскрывая суть понятия «специальные знания» как не общеизвестных, в число которых обоснованно включаются юридические знания, вместе с тем как бы размывают устоявшиеся в специальной литературе представления о них как о соотносимых прежде всего с процессуальным статусом специалиста и судебного эксперта.

¹⁶ См.: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма, 2001. С. 37–38.

¹⁷ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997. С. 171.

¹⁸ Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986. С. 4–5.

В самом деле, если отталкиваться от подобного варианта толкования понятия «специальные знания», то тогда требуется признать, что оно в равной степени может быть распространено как на экспертов и специалистов так и на любого участника процесса, чьи познания используются для решения задач судопроизводства в качестве специальных. С другой стороны, признавая приводимые определения специальных знаний как в целом правильно отражающие их содержательную основу, приходится констатировать, что с точки зрения процессуальной процедуры применения в судопроизводстве их расширительное понимание уже не будет нести требуемой смысловой нагрузки, а следовательно, теряет изначальное практическое значение.

В связи с включением в структуру специальных знаний познаний в области права, в частности криминалистических, в специальной литературе были предприняты попытки по обоснованию этой позиции. Так, П. П. Ищенко предполагал целесообразным ввести в научный обиход термин «криминалистические познания и навыки» для характеристики правового статуса специалиста. Раскрывая суть своего предложения, автор пишет: «В широком плане это познания и навыки, пригодные для обнаружения, закрепления, изъятия и исследования доказательств... Основное отличие криминалистических познаний от всех иных состоит в том, что их носители специализируются на обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, т. е. это специалисты, чья деятельность постоянно связана с расследованием преступлений. Представители иных отраслей знания, как правило, не компетентны в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, зато они могут обратить внимание следователя на те обстоятельства, изучение которых будет способствовать обнаружению, закреплению и изъятию доказательств»¹⁹. Основываясь на данном постулате, П. П. Ищенко дает свое определение специальных знаний, используемых в уголовном судопроизводстве. Он считает, что это любые профессиональные знания, которые могут оказать содействие в обнаружении, фиксации и изъятии доказательств. Специальными знаниями следователи и судьи располагают, но, как правило, в ограниченном объеме, что, на его взгляд, и послужило одной из причин создания института специалистов в уголовном судопроизводстве.

Как видим, из предложения автора, выделяющего в качестве специальных знаний криминалистические познания и навыки, довольно трудно уяснить, в чем их отличие, если носителями таковых, наряду со специалистом, можно называть следователя, суд или эксперта.

Свое мнение по дискутируемому вопросу высказал А. А. Исаев, который подробно проанализировал существующие в литературе взгляды на проблему понимания специальных знаний в судопроизводстве, и в частности путей их разграничения, с учетом возможности признания в качестве таковых

¹⁹ *Ищенко П. П.* Специалист в следственных действиях (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты). М., 1990. С. 7.

правовых знаний. Излагая суть своей позиции, автор пишет: «Если обратиться к вопросу о границах специальных знаний, то можно констатировать, что в самом общем смысле правовые знания также являются специальными знаниями, соответственно которым имеется специализация по профессиям. Правовые знания в указанном аспекте в рамках уголовного процесса, который тоже является правовым знанием, совпадают между собой. Поэтому нет необходимости говорить о них как о специальных, так как речь в данном случае идет об одной и той же форме – правовой. Все остальные знания, которые не являются правовыми, можно назвать специальными. Последнее означает, что существуют знания о правовых, т. е. регламентированных законом, методах собирания и исследования доказательств, и знания о неправовых непроцессуальных методах получения доказательств»²⁰.

Предложенное А. А. Исаевым разграничение специальных знаний представляет определенный интерес, поскольку предполагает введение критерия для выделения в их общей системе непосредственно правовых знаний. К последним, как видим, автор относит знания о регламентированных законом методах собирания и исследования доказательств. Такой подход в целом не вызывает возражений, поскольку на объективных основаниях дает возможность дифференцировать специальные знания, применяемые следователем и судом, как направленные на осуществление их профессиональной деятельности в процессе доказывания. Важно также, что А. А. Исаевым при характеристике специальных знаний судебного эксперта осуществляется своего рода их «привязка» к профессиональной деятельности по специальности. Автор справедливо пишет, что для экспертов специальность «определяется принадлежностью к определенному классу, роду, виду и подвиду экспертизы, предмет которой, в свою очередь, определяется объектом экспертного исследования и вопросами следователя и суда. Именно объект исследования определяет необходимость интеграции тех или иных знаний в рамках экспертизы»²¹.

Принимая во внимание предложение А. А. Исаева, мы должны констатировать, что автором сделан лишь первый шаг, позволяющий дифференцировать весь комплекс знаний, используемый в уголовном и гражданском процессе, на общеизвестные правовые и на иные, в частности специальные знания. Давая возможность разграничить их по конкретным субъектам, а именно – **осуществляющим процесс доказывания либо применяющим свои знания в соответствии с профессиональной подготовкой, изначально не связанной с этим процессом**, предлагаемый подход вполне согласуется с действующим в республике законодательством. В частности, в редакции уголовно-процессуального закона, как уже ранее

²⁰ *Исаев А. А.* Роль научных исследований в судебной экспертизе и проблемы организации судебно-экспертной деятельности в Казахстане // *Право и государство*, № 1 (70), 2016. С. 42-43.

²¹ *Исаев А. А.* Теоретические и правовые проблемы применения специальных познаний для квалификации преступлений. Алматы: Жеті жарғы, 1999. С. 33.

отмечалось, под специальными знаниями понимаются не общеизвестные в уголовном процессе знания, приобретенные лицом в ходе профессионального обучения либо практической деятельности, используемые для решения задач уголовного судопроизводства (п. 5 ст. 7 УПК РК). Подобная формулировка специальных знаний, но уже с учетом их цивилистической направленности может быть применена и к гражданскому судопроизводству.

В приведенных в общем-то правильных рассуждениях автора мы, тем не менее, не получаем четкого ответа на вопрос: является ли признание правовых знаний в качестве специальных, которыми вправе оперировать сведущие в судопроизводстве лица: специалист или судебный эксперт?

В поисках ответа на вопрос об обоснованности мнений о возможности привлечения специалистом и судебным экспертом знаний правового характера мы должны констатировать, что уголовно-процессуальное законодательство страны, как и Закон Республики Казахстан «О судебно-экспертной деятельности», не содержат норм, прямо или косвенно запрещающих решение судебными экспертами и специалистами вопросов юридического характера. Более того, практика организации и проведения отдельных видов судебных экспертиз в нашей стране показывает, что суды давно уже признают в качестве доказательства по делу заключения судебных экспертов, содержащих оценку юридических фактов и обстоятельств. В качестве примера здесь можно привести судебно-религиоведческие экспертизы, судебные экспертизы по делам об оскорблении чести и достоинства, судебные экспертизы, содержащие вопросы о нарушении специфических правил дорожного движения и т.д.

Надо сказать, что в на современном этапе развития судебной экспертологии возможность назначения и проведения судебными экспертами правовых экспертиз выражена достаточно четко. В этой связи, вполне уместно привести обоснованную аргументацию Е. Р. Россинской, которая пишет: «Чем сложнее дело, тем чаще нужны специальные юридические знания, чтобы успешно довести его до вынесения приговора или решения суда. Практика показывает, что незнание следователями и судьями тонкостей современного законодательства зачастую приводит к "развалу" уголовного дела. И причина здесь не в их некомпетентности, не в том, что они не воспользовались какой-то справочной литературой, а в том, что для ответов на возникающие вопросы недостаточно найти нужный нормативный акт и изучить его, но во многих случаях необходимо провести исследование, основанное на специальных знаниях. По нашему мнению, эти исследования уже обладают двумя необходимыми чертами судебной экспертизы: 1) исследование основано на использовании специальных знаний; 2) дано заключение, имеющее статус источника доказательств. Остается только оговорить возможность назначения таких экспертиз»²².

²² Подробно об этом см.: Основы естественнонаучных знаний для юристов: Учебник для вузов / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма, 1999. 600 с.

Далее автор пишет: «Представляется, что назрела необходимость узаконить производство правовых (или юридических) экспертиз в тех случаях, когда для установления истины по уголовному или гражданскому делу, делу об административном правонарушении необходимы исследования с применением специальных юридических знаний, которыми не обладают следователь, суд или лицо, рассматривающее административное правонарушение. Безусловно, это не означает, что такие экспертизы должны назначаться по любому поводу и знать право следователям или судьям теперь вообще не обязательно. Как и другие роды и виды судебных экспертиз, эти экспертизы должны иметь свои задачи, предмет и объекты, методы и методики исследования, которые еще предстоит разработать. Более того, предвидим, что и становление таких экспертиз будет идти трудно, как это происходило ранее с другими родами судебных экспертиз, но необходимость их производства объективно назрела... К сожалению, в государственных экспертных учреждениях доля высококвалифицированных юристов, специализирующихся в различных отраслях материального и процессуального права, ничтожно мала. Представляется, что назрела необходимость развития в этих учреждениях наряду с традиционными родами и видами также нового направления - юридических экспертиз²³.

Уместно было бы сказать, что Е.Р. Россинская среди первых справедливо обратила внимание на законодательное отсутствие запрета на производство подобных экспертиз.

Аналогичной точки зрения придерживался также Эксорхопуло А.А., отмечая: «Сегодня становится ясно, что в том обилии нормативных актов, принятых за последние годы, которые необходимо знать при расследовании новых видов преступлений и которыми приходится руководствоваться следователям, прокурорам, судьям в своей работе, ни один юрист профессионально в требуемом объеме разбираться не в состоянии ... научный анализ обстоятельств преступления, установленных в ходе расследования или судебного разбирательства специалистами в области правовой науки на уровне экспертизы, выводы которой давали бы основание отдать предпочтение тому или иному варианту решения проблемы уголовно-правовой квалификации содеянного либо тому или иному варианту принятия процессуального решения, не противоречит нормативным правилам назначения и проведения судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве»²⁴.

Поддерживая мнение Е.Р. Россинской, отчасти А.А. Эксорхопуло и других ученых, отметим, что если вновь обратиться к п.6 статьи 7 УПК РК, то увидим, что согласно данной норме специальные научные знания – это область специальных знаний, содержание которой составляют научные знания, реализованные в методиках судебно-экспертных исследований. В этой связи, вполне оправданно будет считать, что содержанием последних

²³ См.: Там же.

²⁴ Эксорхопуло А.А. Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы. Журн. «Вестник криминалистики». Вып. 2. М.: «Спарк». 2001, С. 23-28.

могут быть любые научные знания, в том числе и правовые (за исключением процессуальных), - главное, чтобы эти научные знания нашли, в соответствии с требованием УПК РК свою реализацию в методиках экспертного исследования.

Основным критерием при оценке возможности привлечения экспертом правовых знаний должно стать отсутствие с его стороны решение в рамках судебной экспертизы вопросов правовой квалификации устанавливаемых им фактов. Примерами здесь могут быть решения задач по исследованию и разъяснению органам, ведущим процесс, содержания и правильного применения усложняющейся нормативно-правовой базы, анализу сложных правовых ситуаций, требующих научного осмысления посредством привлечения специальных знаний. Здесь следует согласиться с мнением Г.Т. Алаевой, которая справедливо отмечала, что: ««Обладание судебным экспертом правовыми знаниями, безусловно, исключает внедрение эксперта при формировании своего заключения в правовую оценку обстоятельств уголовного, гражданского или административного дела и принятых уполномоченными законом лицами процессуальных решений, а также правовую оценку действий подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или сторон процесса»²⁵.

Таким образом, если априори деятельность следователя и суда признается в судопроизводстве как регламентированная законом реализация общеизвестных в судопроизводстве правовых знаний по собиранию, исследованию и оценке доказательств, то деятельность судебного эксперта по своему содержанию следует рассматривать как реализацию не общераспространенных в уголовном и гражданском процессуальном законодательстве правовых знаний, требующих научного осмысления, при условии конституирования последних в методики экспертного исследования.

В этой связи, на наш взгляд, было бы полезным дать не только общую характеристику понятия «специальные знания», как включающих в себя в числе других правовые знания, но определить его функциональную, практическую значимость в судопроизводстве через дифференциацию конкретных его носителей. Эта задача более чем актуальна, ибо в реальной практике мы нередко сталкиваемся со смешением полномочий по применению специальных знаний не только, например, следователя и эксперта, но и в значительной степени эксперта и специалиста.

1.2. О дифференциации специальных знаний сведущих лиц

Дифференциация специальных знаний, применяемых в судопроизводстве специалистом и судебным экспертом, может и должна быть осуществлена как на формальном правовом, так и на содержательном уровне. Что касается

²⁵ Алаева Г.Т. О некоторых проблемах судебной экспертизы //zakon.kz/praktika/203427...nekotorykh...sudebnoj.html

формального уровня, то здесь необходимо принимать во внимание различную правовую регламентацию статуса рассматриваемых субъектов. Как уже отмечалось, в соответствии с действующим в республике законодательством в качестве специалиста может быть привлечено любое не заинтересованное в деле лицо, обладающее специальными знаниями. Для признания же лица в качестве судебного эксперта незаинтересованность в деле и наличие специальных научных знаний не являются достаточными признаками, поскольку для этого требуется как необходимое условие официальное государственное подтверждение его полномочий, вынесенное аттестационной комиссией Министерства юстиции Республики Казахстан, получение квалификационного свидетельства на право производства судебной экспертизы – для сотрудников органов судебной экспертизы или лицензии – для частных лиц, а также включение их в Государственный реестр судебных экспертов Республики Казахстан²⁶.

В отличие от специалистов судебным экспертам законодательно обеспечиваются гарантии независимости, заключающиеся в предусмотренном законом порядке назначения судебных экспертиз и запрещении вмешательства в проведение экспертного исследования и подготовку заключения эксперта. Подобных гарантий специалист в судопроизводстве не имеет, более того, он находится в подчиненном отношении к следователю и суду. Форма вызова специалиста произвольная, в то время как для приглашения судебного эксперта необходимо постановление (определение) следователя (суда). Форма участия судебного эксперта в процессе предполагает прежде всего проведение самостоятельного научного исследования, специалист же, наделенный правом проведения исследований и дачи заключений, может быть приглашен и для обнаружения, собирания, фиксации и изъятия доказательств.

Результаты деятельности судебного эксперта находят отражение в процессуальном документе – заключении эксперта, прямо определенном в законе в качестве источника доказательства, деятельность же специалиста, как мы уже отмечали, либо фиксируется в протоколе следственного (судебного) действия, либо оформляется письменным документом, прилагаемым к протоколу, принадлежность которого к источнику доказательства чаще всего определяется субъективным решением следователя (суда).

Ну и, наконец, надо отметить, что регламентация прав и обязанностей специалистов и судебных экспертов осуществляется с учетом всех вышеприведенных обстоятельств исходя из их различного правового положения и задач, решаемых ими в судопроизводстве. Естественно, что

²⁶ Правила формирования и использования Государственного реестра судебных экспертов Республики Казахстан. Утверждены приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 26 января 2015 года № 51// <http://www.sudexpert.adilet.gov.kz/ru>

правовой статус судебного эксперта регламентирован в этой связи более подробно.

Приведенный перечень процессуальных различий в правовом статусе специалиста и судебного эксперта необходимо дополнить анализом содержательной стороны их деятельности, позволяющим осуществить более жесткую дифференциацию рассматриваемых субъектов, но уже с позиции оценки сущности их знаний, определяемых в уголовном и гражданском процессе в качестве специальных.

Осуществление научно обоснованного разграничения между знаниями специалиста и знаниями эксперта необходимо уже потому, что анализ и теории и судебной практики свидетельствует о встречающейся неоднозначной оценке правового статуса названных сведущих лиц и, как следствие, имеющих место фактах либо неоднозначной трактовки, либо игнорирования процессуального различия между познаниями специалиста и познаниями эксперта.

В литературе интерпретация понятия «специалист» во многом зависит от того содержания, которое различные авторы вкладывают в характеристику его специальных знаний. Так, с точки зрения П. П. Ищенко, специалист в уголовном судопроизводстве – это лицо, обладающее знаниями и навыками, привлекаемое органом дознания, следствия, прокурором или судом для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств²⁷.

По мнению Т. В. Аверьяновой и Е. Р. Россинской, специалист – это «сведущее лицо, вызываемое следователем (судом) для участия в следственных (судебных) действиях в целях содействия следователю (суду) в обнаружении и изъятии доказательств»²⁸.

Определение специалиста было дано в Большой советской энциклопедии в следующей редакции: «Специалист в уголовном процессе – лицо, знания, навыки которого в определенной профессии (специальности) используются при собирании и фиксации доказательств»²⁹.

«Специалистом может быть лицо, – считают В. К. Лисиченко и В. В. Циркаль, – обладающее научными, техническими или иными профессиональными знаниями и навыками, привлекаемое к участию в следственном действии для содействия в обнаружении, закреплении, изъятии доказательств и дачи пояснений по специальным вопросам»³⁰.

Несколько иное, более расширительное толкование функций специалиста мы обнаруживаем в ряде других определений. В частности, А. И. Винберг считал, что «специалист – это не подменяющее следователя, сведущее в определенной области лицо, призванное своими специальными познаниями помочь следователю во всех тех случаях, когда по вопросам, имеющим

²⁷ См.: Ищенко П. П. Специалист в следственных действиях... С. 10.

²⁸ Аверьянова Т. В., Россинская Е. Р. Энциклопедия судебной экспертизы М.: Юристъ, 1999. С. 401.

²⁹ Специалист // Большая сов. энцикл. М., 1976. С. 313.

³⁰ Лисиченко В. К., Циркаль В. В. Использование специальных знаний... С. 31.

значение для дела, требуется его помощь, и когда при этом нет необходимости в назначении следователем эксперта»³¹.

По мнению Р. С. Белкина, специалист – это сведущее лицо, привлекаемое следователем (судом) для участия в следственных (судебных) действиях для содействия в собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств³².

Авторы Криминалистической энциклопедии характеризуют специалиста как «лицо, обладающее специальными знаниями и навыками, привлекаемое лицом, производящим дознание, следователем, судом или судьей для участия в следственных (судебных) действиях с целью оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств, а также осуществления справочно-консультативной деятельности»³³.

О. Д. Ким, в свою очередь, определяет специалиста как «сведущее лицо, обладающее необходимыми специальными познаниями, достаточными для дачи консультаций и справок работникам органов предварительного расследования и суда, а также оказания им содействия в обнаружении, фиксации, изъятии, сохранении, исследовании доказательств и в оценке их относимости»³⁴.

Столь подробное освещение существующих определений понятия «специалист» нам понадобилось для констатации расхождения в позициях ученых, имеющего, на наш взгляд, принципиальное значение. В первом случае, как нетрудно заметить, авторы сводят функции специалиста к *обнаружению, собиранию, изъятию и фиксации доказательств*. Во втором мы видим наличие, наряду с приведенными, функции *исследования и оценки доказательств*, а также возможность осуществления *справочно-консультативной деятельности*.

В связи с изложенным возникают естественные вопросы: насколько жестко с точки зрения процессуального закона «привязана» деятельность специалиста к участию в следственных (судебных) действиях и какова степень *самостоятельности* специалиста при осуществлении собственных функций, если таковая признается изначально? Ответы на эти вопросы дают возможность в определенной мере глубже уяснить процессуальный статус специальных знаний специалиста и, соответственно, вести речь об их разграничении со специальными научными знаниями, которыми наделяется судебный эксперт.

В литературе известна позиция, заключающаяся в том, что «деятельность специалиста является **составной частью следственного действия,**

³¹ Винберг А. И. Специалист в процессе предварительного следствия // Соц. законность. 1961. № 9. С. 32.

³² См.: Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Изд-во БЕК, 1997. С. 217.

³³ Специалист // Криминалистическая энцикл. Алматы: Казахстан, 1995. С. 131–132.

³⁴ Ким О. Д. Проблемы и пути совершенствования расследования дорожно-транспортных происшествий на основе научных знаний: Дис. ... д-ра юрид. наук. Бишкек, 1998. С. 61.

фактически одним из процессуальных и тактических средств его проведения»³⁵.

Комментируя эту позицию, В. К. Лисиченко и В. В. Циркаль пишут: «Анализ обязанностей специалиста приводит к выводу о том, что при участии в следственном действии его роль заключается в оказании следователю квалифицированной профессиональной помощи в форме конкретных рекомендаций, применения научно-технических средств, методов и приемов для обнаружения, закрепления и изъятия доказательств или дачи пояснений по специальным вопросам, возникающим в ходе осуществляемых **совместно со следователем** (выделено нами. – К. Ш.) действий»³⁶.

Именно на таких взглядах в литературе основывался вывод о том, что процессуальной особенностью доказательственной деятельности специалиста является **отсутствие** в большинстве случаев какого-либо **специфически оформленного ее результата**. Она как бы *растворяется* в доказательственной деятельности следователя и суда и ее результатах; о ней свидетельствуют лишь запись в протоколе следственного действия (судебного заседания) об участии в нем специалиста, его заявления, сделанные при этом, и, наконец, его подпись в протоколе следственного действия³⁷.

Анализируя ранее действовавшее в Республике Казахстан уголовно-процессуальное законодательство, мы в одной из публикаций не соглашались с тезисом о “растворении” деятельности специалиста в доказательственной деятельности следователя (суда), отмечали, что участие в этой деятельности отнюдь не обезличивает специалиста, а, наоборот, требует в отдельных случаях обязательной фиксации самостоятельно проделанной им работы в протоколе либо официальном документе, приобщаемом к уголовному делу, которые являются источниками доказательств³⁸.

Последние законодательные новации в сфере уголовного процесса Республики Казахстан (более подробно об этом в следующем разделе) позволили закрепить самостоятельный процессуальный уровень специалиста, придав его заключению статус источника доказательств. Казалось бы, что законодателем страны решена важная проблема – на процессуальном уровне разведены позиции привлекаемых в судопроизводство двух уровней сведущих лиц. Означает ли это, что был устранен весь комплекс противоречий, возникавший при анализе и оценке правового статуса специалиста и судебного эксперта и целях их участия в судопроизводстве. На формальном уровне можно сказать да. А вот на содержательном уровне и практике и теории придется искать ответы на

³⁵ Мельникова Э. Б. Участие специалистов в следственных действиях. М., 1964. С. 23.

³⁶ Лисиченко В. К., Циркаль В. В. Использование специальных знаний ... С. 33.

³⁷ См.: Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. Г. Указ. соч. С. 72.

³⁸ Шакиров К.Н. Судебная экспертиза: проблемы теории и практики. - Алматы: Изд-во Аркаим. 2002. 288 с.

вопросы о критериях дифференциации оценки заключений специалиста и судебного эксперта.

Потребность введения содержательного критерия для разграничения применяемых в судопроизводстве специальных знаний обусловливается несколькими причинами, но главная из них заключается в том, что экспертная практика ранее изобиловала примерами проведения в рамках судебной экспертизы многочисленных простейших исследований, по своему содержанию относящихся к компетенции специалиста. Причиной этому служило то, что судебными органами результаты деятельности специалистов не признавались доказательствами.

В силу этого за пределами правовой регламентации оставался большой комплекс вопросов, решение которых существовавшая практика «перекладывала» на судебную экспертизу, тем самым искажая ее процессуальную и содержательную сущность как исследования, основанного на специальных научных знаниях. Более того, анализ судебной практики создавал впечатление, что она все больше идет по пути передачи на разрешение судебной экспертизы любого вопроса, вызывающего затруднения у работников правоохранительных и судебных органов, не утруждающих себя элементарным изучением действующего законодательства.

Именно поэтому следует признать, что уровень большинства проводимых ранее экспертных исследований по своему содержанию не соответствовал статусу судебной экспертизы как института специальных научных знаний.

Казалось бы, процессуальные нововведения решили эту проблему. Теперь все так называемые простейшие исследования стало возможным поручать надлежащему адресату – специалистам. Означает ли данный факт, что у субъектов доказывания не появится соблазн передавать на разрешение специалистов вопросы, требующие привлечения специальных научных знаний, то есть, относящихся к компетенции судебной экспертизы. Иными словами, не создастся ли ситуация, которая приведет к повсеместному игнорированию следователями (судьями) судебной экспертизы во всех необходимых для правоохранительных и судебных органов случаях?

Отсутствие четких процессуальных критериев дифференцирующих содержание специальных знаний сведущих лиц – это первое условие возможности возникновения подобной ситуации, стимулирующие заинтересованность отдельных лиц, ведущих расследование, в решении того или иного дела в свою пользу. Второе условие обусловлено тем, что для дачи заключения, на законном основании, могущими стать доказательствами, теперь могут привлекаться специалисты, работающие в системе правоохранительных органов. А ведь цель изданного ранее Указа Президента Республики Казахстан от 22 апреля 1997 г.³⁹, предусматривавшего создание при Министерстве юстиции РК единой судебно-экспертной службы с передачей ей экспертно-криминалистических подразделений из всех

³⁹ О мерах по дальнейшему реформированию системы правоохранительных органов Республики Казахстан: Указ Президента РК от 22 апреля 1997 г. // Казахстанская правда. 1997. 23 апр.

правоохранительных органов, заключалась в отказе от порочной практики назначения экспертиз структурам, ведомственно подчиненным органам, осуществляющим уголовное преследование.

Здесь нельзя не согласиться с мнением И.Ш. Борчасвили, который, анализируя складывающуюся ситуацию, совершенно справедливо пишет, «что в этой связи возникают обоснованные опасения, что идея создания единого экспертного органа и вынесение заключения специалистами сотрудниками правоохранительных или специальных государственных органов может привести к противоречиям в правоприменительной практике».⁴⁰

Таким образом, потребность в теоретически обоснованной дифференциации специальных знаний с точки зрения субъектов их применения в уголовном и гражданском процессе следует признать важным условием их однозначной интерпретации на практике, что, в свою очередь, является основой их законного использования в процессе установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при осуществлении судопроизводства. В этом отношении особая роль в судебной экспертологии принадлежит разработке научно обоснованного понятийного аппарата, связанного, в частности, с уточнением предметной области сферы практического применения специальных научных знаний экспертом и специалистом

В этой связи недостаточно проиллюстрировать встречающиеся примеры расхождения в уяснении сущности специальных знаний и в теории и в практической деятельности, необходимо обратиться к некоторым общим положениям методологии научного знания для последующей правовой оценки исследуемого понятия.

Известно, что познание есть отражение объективной действительности как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне. Но если эмпирическое познание отражает мир непосредственно, то теоретическое отражение является сложным и опосредованным. Цель эмпирического познания в рассматриваемом нами случае заключается в обеспечении деятельности субъектов доказывания в конкретной предметно-практической среде – в судопроизводстве, поэтому оно отражает действительность в структуре названной деятельности посредством характеристики следственных и судебных действий. При этом формирование содержания последних, их языковое выражение осуществляется на основе опыта, обобщение которого постоянно ставило и ставит задачу перевода накопленного понятийного аппарата из обыденной лексики в научную. При таком «переводе» значение каждого понятия требует уточнения, а в отдельных случаях переосмысления. Основной же признак, по которому различаются эмпирическое и

⁴⁰ *Борчасвили И.Ш.*. Перспективы развития судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан // Материалы Международной научно-практической конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы» (г. Алматы, 6 ноября 2014 г.)

теоретическое познание, – это уровень отражения объективной действительности.

Научное познание отличается тем, что с момента своего возникновения характеризуется рефлексивностью, т. е. связано с осознанием процесса познавательной деятельности. В большей степени рефлексивность свойственна теории как важнейшей форме научного знания. Не является в этом отношении исключением судебная экспертология, для которой потребность в семантическом осмыслении и уточнении значений, используемых в практической экспертной деятельности, – это естественное следствие концептуализации научного опыта, обусловленной его многообразием и порой неоднозначной оценкой этого опыта представителями научного мира.

Существующая многозначность в содержании применяемой терминологии, как было показано ранее, затрудняет ее нормальное восприятие, способствует возникновению в судебной практике многочисленных ошибок, что нередко ведет к нарушениям действующего законодательства. Такое положение не может быть терпимым в сфере правовых отношений, особенность которых в числе прочего предопределяется требованием однозначной трактовки используемого понятийного аппарата. Поскольку же судебно-экспертная деятельность непосредственно связана с научным обеспечением названных отношений, то применяемая для решения ее задач терминология должна отличаться объективным отражением существа используемых ею определений. Это тем более актуально с учетом широкого привлечения в практику судопроизводства специальных знаний через предусмотренных процессуальным законом специфических участников уголовного и гражданского процесса – специалистов и экспертов. Однозначное понимание субъектами доказывания целевой направленности, реального правового статуса, возможностей и пределов привлечения специалистов и экспертов к собиранию, исследованию и оценке доказательств – одна из существенных гарантий эффективного осуществления расследования и судебного рассмотрения дел. Условиями же, обеспечивающими надежность этой гарантии, должны стать не только постоянное научное переосмысление понятийного аппарата рассматриваемой области с учетом накопленного опыта и реальных заслуживающих внимания практических потребностей, но и внесение ряда законодательных изменений, направленных на реализацию научно обоснованных предложений. Вот почему отдельные возможности правового совершенствования института специальных знаний на основе уточнения применяемой в судебной экспертологии терминологии являются предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

Как уже отмечалось ранее, существующая в общей теории судебной экспертизы неразработанность ее понятийного аппарата, неоднозначность подходов к анализу и оценке знаний, входящих в компетенцию специалиста, эксперта, следователя и суда, проистекают не только вследствие пренебрежения основами процессуального права, одной из функций которого

является регулирование правовой компетенции органов, ведущих процесс, но и недооценки методологического начала судебного экспертного знания как научного. В итоге сложившаяся практика решения судебными экспертами задач, не относящихся в своей основе к экспертным в силу характера вопроса или уровня знаний, требуемых для его решения, наряду с имеющимися в данной области разными теоретическими подходами, породили в целом искаженное представление о сущности судебной экспертизы, что, в свою очередь, приводит к более широким последствиям, непосредственно влияющим как на практику расследования уголовных и гражданских дел, так и на их объективное рассмотрение в суде.

Принятое в республике процессуальное законодательство, закрепив ряд обсуждавшихся и разрешенных в теории экспертизы проблем регламентации специальных знаний, к сожалению, не изменило традиционного подхода к оценке их содержательной сущности, что в итоге продолжает отрицательно сказываться на качестве судебной деятельности. Прежде всего, в законе не дано четкого определения понятий сведущих лиц – специалиста и эксперта. Как было уже отмечено, ссылка в законе на то, что в качестве таковых могут привлекаться не заинтересованные в деле лица, обладающие в первом случае специальными знаниями, а во втором – специальными научными знаниями, не вносит ясности, в чем же состоит принципиальное различие между такими знаниями. Если исходить из противопоставления предложенных определений, предполагая, что специальные знания не являются научными, то это будет означать, что носители первых – специалисты – используют в судопроизводстве знания, не основанные на данных науки. Но такой подход изначально абсурден, ибо специальные знания традиционно и в криминалистике и в общей теории судебной экспертизы понимаются как не общеизвестные в праве знания. То, что законодатель исходит не из противопоставления двух форм знаний, привлекаемых в процесс сведущих лиц, видно из того большого перечня специалистов, которые, в частности, называются в уголовно-процессуальном законе.

Всю совокупность перечисленных случаев привлечения специалистов законодатель разделяет на три большие группы, приглашаемых: а) для оказания содействия следователю, суду в собирании, исследовании и оценке доказательств; б) для применения технических средств в) для дачи письменного заключения. Все иные случаи обращения к лицам, обладающим специальными знаниями, не урегулированы либо отнесены законом к институту судебной экспертизы, при этом им придан статус научных знаний.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что судебная экспертиза в отличие от приведенных выше примеров использования в судопроизводстве специальных знаний представляет собой (с точки зрения оценки ее гносеологической сущности – т. е. содержательной основы) исследование, в ходе которого на базе применения научных знаний (специально разработанных методик) выявляются признаки и свойства объектов исследования, производится их научная оценка и интерпретация для того, чтобы на основе полученных результатов сформулировать новое, ранее не

известное в процессе доказывания выводное знание, которое и является ответом на разрешаемый в процессе установления объективной истины вопрос – заключением эксперта.

Фактически судебную экспертизу в отличие от специальных знаний специалиста в содержательном плане отличают три ее основных элемента: *выявление в ходе специального научного исследования признаков объектов, их научная интерпретация и получение на этой основе нового выводного знания*. В производстве конкретной экспертизы объем, роль и значение отдельных элементов может существенно варьировать в зависимости от вида и рода экспертизы, но при любом соотношении всегда должны присутствовать все эти три элемента как составляющие научного познания. В противном случае говорить о судебной экспертизе как об исследовании, основанном на специальном научном знании, не приходится.

В отличие же от нее в исследовании специалиста не требуется научная интерпретация выявляемых у объекта признаков, достаточно лишь, что они устанавливаются (констатируются) на не общеизвестных знаниях. Не обязательно также, чтобы получаемый результат носил характер ранее неизвестного знания. Более того, допустимо, чтобы знания специалиста в процессе обнаружения, собирания и исследования доказательств являлись правовыми, обращение к которым обуславливается наличием у последних специализированных юридических познаний, т. е. требующих специальной подготовки (например, в области криминалистической техники).

Констатация вышеприведенных теоретических положений, приведение их в определенной процессуальной форме позволит определить четкие правовые критерии разграничения полномочий специалиста и эксперта как носителей специальных знаний, что при минимальных затратах организационного, технико-юридического характера фактически даст возможность на содержательном уровне коренным образом изменить существующее понимание структуры специальных знаний, приведя ее в строгое соответствие с требованиями науки. В частности, потребуется дать более четкое определение случаев назначения судебной экспертизы через наиболее точное определение ее сущности. В этой связи формулировка редакции ст. 270 УПК РК «Назначение экспертизы» должна получить новую редакцию, которая полнее отражает содержание исследуемого понятия: **«Экспертиза назначается в случаях, когда обстоятельства, имеющие значение для дела, требуют научного установления и обоснования в результате исследования, проводимого экспертом на основе специальных знаний»**.

В рекомендуемой редакции предусмотренное законом для характеристики судебной экспертизы расплывчатое и не совсем понятное определение **«специальные научные знания»** трансформируется в более жесткую и однозначно трактуемую конструкцию, позволяющую выделить судебную экспертизу в структуре понятия «специальные знания» как исследование, требующее **научного установления и обоснования фактических данных**.

Совершенствование норм, регламентирующих дифференциацию специальных знаний судебного эксперта и специалиста, открывает перед правоохранительными органами возможность более широкого и менее усложненного, а самое главное, легитимного обращения к специалистам различного профиля. Если даже по своему содержанию знания специалиста могут оказаться на одном уровне со знаниями эксперта, то в любом случае на них не будет распространяться процессуальная форма, однозначно придающая заключению эксперта статус доказательства, требующего научного установления и обоснования. Различный правовой режим применения специальных знаний, в частности более облегченный при привлечении специалиста, позволит, наконец, перевести судебную экспертизу в плоскость решения наиболее сложных задач расследования и судебного рассмотрения дел, освободив ее от проведения несложных и рутинных исследовательских операций, основанных на не общеизвестных - знаниях.

Наличие реальной двухуровневой системы получения доказательств посредством привлечения специальных знаний создаст основу не только для жесткой дифференциации их применения экспертом и специалистом, но и создаст условия для качественной проверки исследования специалиста с точки зрения полноты и достоверности полученных им результатов.

2. НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

2.1. О становлении теоретических основ судебной экспертизы

Современный этап развития судебной экспертизы как института процессуального права характеризуется тенденцией широкого внедрения в практику экспертных исследований новейших достижений научного знания. Свидетельством тому является не только расширение существующей методической базы производства судебных экспертиз, но и разработка в теории и внедрение в экспертную практику нетрадиционных подходов к объективизации результатов экспертной деятельности посредством обращения к принципам формализации и алгоритмизации, методам математической логики и кибернетического моделирования, а также иным познавательным средствам при анализе и обработке информации, используемой в процессе экспертного исследования.

Углубление экспертного познания, расширение его потенциальных возможностей, творческое привлечение научных достижений в практику экспертных исследований создает реальные условия для поиска и внедрения оптимальных вариантов решения задач, возникающих перед судебной экспертизой. Накопленный в этом плане опыт, содержащий не только успехи, но и ошибки, обусловил в свое время потребность в обобщении, анализе и оценке эффективности осуществления судебно-экспертной деятельности, выработке научно обоснованных рекомендаций по ее совершенствованию. Имеющиеся в данной области исследования ученых, прежде всего криминалистов и процессуалистов, способствовали формированию в юридической науке самостоятельного направления научного анализа – общей теории судебной экспертизы, предметом которой стало изучение комплекса проблем, обосновывающих возможность, условия и перспективы использования достижений науки и техники при решении практических задач уголовного и гражданского судопроизводства.

Отмечая стремительное развитие рассматриваемой теоретической области, будет справедливым обратить внимание на то, что вопрос о необходимости осуществления фундаментальных исследований проблем становления и развития научных основ судебной экспертизы как относительно самостоятельно сформировавшейся отрасли юридического знания довольно продолжительное время, вплоть до конца 70-х гг. прошлого столетия, не ставился на повестку дня, что объясняется различными причинами.

Одна из главных причин заключалась в том, что основной акцент отдельные ученые делали прежде всего на обосновании возможности формирования самостоятельной от криминалистики *теории криминалистической экспертизы* посредством выделения из такого раздела

криминалистики, как криминалистическая техника, научного знания, обслуживающего практику производства судебных экспертиз.

Основная идея при этом сводилась к необходимости разделения криминалистики на науку «для следователей» и науку «для экспертов». Так, М. М. Выдря и М. Н. Любарский, придерживаясь подобной точки зрения, в 1959 г. писали: «Развитие криминалистики с момента ее возникновения до настоящего времени идет двумя самостоятельными путями: а) по линии разработки методики и тактики расследования преступлений (занимаются только юристы); б) по линии разработки научных методов обнаружения, изъятия и исследования вещественных доказательств (могут и должны заниматься лица, имеющие специальные познания в области естественных и технических наук). Будучи связанными между собой, обе эти отрасли нашей науки оказывают взаимное влияние друг на друга, что, однако, не исключает самостоятельного пути их развития»⁴¹.

Аналогичную точку зрения впервые озвучили в этом же году и другие ученые, в том числе и на совещании по проблемам криминалистики и судебной экспертизы, проходившем в г. Алма-Ате⁴². В частности, свое суждение по данному вопросу А. Р. Шляхов высказал следующим образом: «Теорию криминалистической экспертизы надо выделить из общего курса криминалистики. Методика криминалистической экспертизы должна отпочковаться, таким образом, от тактики следствия. Такое решение давно назрело, оно фактически осуществляется»⁴³.

Позже А. Р. Шляховым будет предложено обоснование *науки криминалистической экспертизы*, в содержание которой автор вкладывал «разработку методов обнаружения, фиксации и экспертного исследования вещественных доказательств в связи с расследованием уголовных и гражданских дел»⁴⁴. Правда, в дальнейшем его позиция значительно изменилась, чему способствовало, надо думать, творческое обсуждение рассматриваемого вопроса на страницах специальной литературы.

Попытки выделения теоретических основ криминалистической экспертизы за рамки криминалистической науки встретили обоснованное возражение со стороны П. И. Тарасова-Радионова, Р. С. Белкина, А. И.

⁴¹ Выдря М. М., Любарский М. Н. Место криминалистики в системе юридических наук // Вопр. сов. криминалистики (Реф. Всесоюз. совещ. по криминалистике). Алма-Ата: Изд-во Казах. ун-та, 1959. С. 33–38.

⁴² См.: Джангельдин Н. А. Место криминалистической экспертизы в системе курса криминалистики // Там же. С. 109–111; Дулов А. В. Разграничение пределов использования криминалистической техники следователем и экспертом // Вопр. судебной экспертизы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. С. 79–81; Кубицкий Ю. М. Пограничные вопросы судебной медицины и криминалистической экспертизы // Вопр. криминалистики и судебной экспертизы. Алма-Ата, 1959. С. 33–42.

⁴³ Шляхов А. Р. Предмет, метод и система советской науки криминалистической экспертизы // Вопр. криминалистики и судебной экспертизы. Алма-Ата: Изд-во Казах. ун-та, 1959. С. 12–32.

⁴⁴ Шляхов А. Р. Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР // Теория и практика криминалистической экспертизы. М., 1962. Вып. 9. С. 19.

Винберга, В. И. Гончаренко, Б. М. Комаринца, С. П. Митричева и многих других ученых.

Приводимая при этом аргументация в целом совпадала и сводилась к тому, что теоретические положения криминалистической экспертизы базируются на данных криминалистической науки, которые в конечном счете и определяют ее содержание. К примеру, С. П. Митричев по этому поводу писал: “Криминалистическая экспертиза основывается на данных криминалистики, и она неотделима от криминалистики, поэтому глубоко не правы те криминалисты, которые предлагают выделить криминалистическую экспертизу из криминалистики в отдельную самостоятельную дисциплину”⁴⁵.

Своеобразными следует признать и доводы А. И. Винберга, который, анализируя системно-структурный подход к предмету криминалистики и ее разделам, подчеркивал, что если из целостной системы криминалистики вычленишь один ее элемент – криминалистическую технику как некую автономную совокупность технических средств и приемов, не связанных с криминалистикой, с ее структурой, – мы получим лишь конгломерат разрозненных технических средств и приемов из областей физики, химии, биологии, физиологии, кибернетики и других наук⁴⁶. В этой же работе автор выступил против выделения в качестве самостоятельной отрасли науки криминалистики *учения о криминалистической экспертизе*.

Надо сказать, что значительно позже А. И. Винберг существенно пересмотрел свою точку зрения и уже рассматривал теоретические основы криминалистической экспертизы как отрасль базовой науки криминалистики, входящей в систему науки судебной экспертологии в качестве самостоятельного элемента⁴⁷.

Среди работ, посвященных данной проблеме, известна публикация В. И. Гончаренко⁴⁸, который в категорической форме выступил против выделения криминалистической экспертизы в самостоятельную отрасль знания по отношению к криминалистике. Проанализировав имеющиеся в этом плане предложения, В. И. Гончаренко пишет: «Существуют ли какие-либо теоретические основания для того, чтобы выделить только криминалистическую экспертизу в какой-либо особый вид, чтобы признать

⁴⁵ Митричев С. П. Советская криминалистика и ее место в системе юридического образования // Тез. докл. на Всесоюз. семинаре преп. криминалистики высш. юрид. учеб. заведений. М., 1958. С. 13.

⁴⁶ См.: Винберг А. И. К вопросу о методе системного (структурного) анализа при определении предмета криминалистики и соотношения ее разделов // Вопр. теории криминалистики и судебной экспертизы: Материалы науч. конф., декабрь 1969 г. М., 1969. С. 15–20 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).

⁴⁷ См.: Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология – новая отрасль науки // Соц. законность. 1973. № 11. С. 49; Они же. Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград: ВШ МВД СССР, 1979.

⁴⁸ См.: Гончаренко В. И. Криминалистика и криминалистическая экспертиза // Общетеорет., правовые и организационные основы судебной экспертизы. М., 1967. С. 142–148 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).

ее самостоятельной отраслью знания по отношению к своей “материнской” науке? Думается, что таких оснований нет». Обосновывая свою мысль, автор отмечает: «Развитие и научное укрепление учреждений криминалистической экспертизы, значительные успехи в разработке новых методов исследования вещественных доказательств в этих учреждениях, необходимость дополнительной и углубленной подготовки кадров экспертов в связи с недостаточностью общей подготовки по криминалистике создали в целом иллюзию самостоятельности криминалистической экспертизы. Сторонники этого взгляда явление приняли за сущность»⁴⁹. Криминалистическая экспертиза, по мнению ученого, может развиваться только на основе криминалистики, иначе это будет не криминалистическая экспертиза, а экспертиза, представляющая другую область знания.

Аналогичной позиции придерживался Р. С. Белкин, который, надо отдать ему должное, впервые провел широкий анализ различных аспектов рассматриваемой проблемы. Резюмируя результаты своего исследования, он пришел к выводу, что с содержательной точки зрения провозглашение существования «науки криминалистической экспертизы» не дало ничего нового ни для теории, ни для практики борьбы с преступностью в целом⁵⁰.

К сказанному необходимо сделать существенное дополнение: констатация того факта, что теоретические разработки в области криминалистической экспертизы не претендуют на самостоятельную роль по отношению к криминалистике, отнюдь не означает их самостоятельного значения в рамках криминалистической науки, принижения их функциональной значимости в структуре общей теории криминалистики. Теория и практика криминалистической экспертизы свидетельствуют как раз о том, что на современном этапе ее научные основы являются существенной питательной средой развития самой криминалистики. Об этом, в частности, говорят интересные данные, опубликованные В. П. Бахиным и А. В. Ищенко⁵¹, которые обобщили значительный массив научных публикаций по общим и частным проблемам криминалистической науки. Оценка проведенного авторами обобщения показывает, что в общем числе научных работ, посвященных криминалистике, значительное место занимают исследования проблем криминалистической и судебной экспертизы.

Комментируя рост публикаций по общим вопросам судебной экспертизы, Р. С. Белкин вполне обоснованно отмечал: «Процесс экспертного исследования по форме и методам напоминает научное исследование, хотя, разумеется, нацелен на решение сугубо практической задачи. Этим объясняется тот повышенный интерес, который проявляют судебные

⁴⁹ Гончаренко В. И. Криминалистика и криминалистическая экспертиза... С. 144.

⁵⁰ См.: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики: В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Акад. МВД СССР, 1978. С. 243.

⁵¹ См.: Бахин В. П., Ищенко А. В. Наукометрические исследования проблем судебной экспертизы // Общетеорет., правовые и организационные основы судебной экспертизы. М., 1987. С. 123–129 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ); Бахин В. П. Следственная практика: проблемы изучения и совершенствования. Киев, 1991. С. 38, 102.

эксперты к науковедческим проблемам познания. Этим объясняется и рост общетеоретических исследований в области судебной экспертизы, а в конечном счете – развитие идеи об общей теории судебных экспертиз»⁵².

Неудавшиеся попытки формирования самостоятельной научной отрасли криминалистической экспертизы посредством выделения ее положений из предмета изучения науки криминалистики могут быть объяснены, вероятно, тем, что применительно к вопросам взаимодействия криминалистики с другими науками с точки зрения привлечения их положений в практику расследования и судебного рассмотрения дел до настоящего времени успешно действует принцип, провозглашенный известным русским ученым Е. Ф. Буринским, – *принцип криминалистической трансформации научных знаний в специальные познания криминалистов*. Данный принцип в той или иной форме нашел отражение и развитие в трудах Р. С. Белкина, А. И. Винберга, В. И. Гончаренко, С. П. Митричева, П. С. Тарасова-Радионова, А. Р. Шляхова, А. А. Эйсмана и многих других ученых.

В частности, на основе анализа взглядов Е. Ф. Буринского А. И. Винберг приходит к заключению, которое, как нам представляется, объективно выражает сущность криминалистического знания. «Синтезирующим принципом в криминалистике, по нашему глубокому убеждению, – пишет автор, – является принцип криминалистической трансформации. Вне понятия и сущности этого принципа криминалистика, возникшая как ответ науки на насущные запросы следственной, судебной и экспертной практики, не может развиваться, поскольку при собирании и исследовании доказательств нуждается в эффективных научных приемах, методах и средствах борьбы с преступностью. Решение этой ключевой задачи криминалистики возможно только на базе широкого, активного использования достижений естественных, технических и общественных наук, творчески переработанных в специальные познания»⁵³.

Характеризуя познания в различных научных отраслях, применяемые криминалистикой в их «чистом» виде, А. И. Винберг усматривает в них криминалистическую сущность, отмечая, что криминалистика подвергает их активной творческой переработке, они как бы «криминизируются», приспособляются для решения исключительно задач правосудия.

С этих позиций было бы вполне справедливо, на наш взгляд, подходить к оценке содержания научных основ, прежде всего *криминалистической* экспертизы, так как в данной области рассматриваемый принцип нашел наибольшее применение в общей системе криминалистического знания. К примеру, научные знания в области биологии и физиологии человека, трансформированные криминалистикой, легли в основу дактилоскопической и почерковедческой экспертиз; углубление и творческий анализ диалектического закона тождества, исследование его гносеологических и

⁵² Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма, 2001. С. 128.

⁵³ Винберг А. И. Роль учения Е. Ф. Буринского в формировании отечественной криминалистики. Волгоград: ВШ МВД СССР, 1981. С. 7.

логических аспектов послужили основанием формирования и развития теории криминалистической идентификации, успешно применяемой при решении в том числе и экспертных задач; естественнонаучные данные в области познания состава и структуры объектов широко используются в криминалистической экспертизе материалов, веществ, изделий и т. д.

Совокупность всей системы знаний, обслуживающая криминалистическую экспертизу, объективно свидетельствует о том, что потребности привлечения данных различных наук в целях решения криминалистических экспертных задач повсеместно удовлетворяются посредством реализации принципа криминалистической трансформации (достаточно взглянуть на обширную криминалистическую литературу). Причем необходимо заметить, что осуществляемая при этом трансформация научных знаний нередко сопровождается их усовершенствованием. Именно этот принцип позволяет выделить криминалистику в качестве стержневой основы, обеспечивающей научное развитие теоретической базы криминалистической экспертизы.

Однако вполне естественно возникают вопросы: распространяется ли названный принцип на теоретические основы класса некриминалистических экспертиз и способна ли криминалистика нести в себе функцию методологического начала для теории судебной экспертизы, содержательная сторона которой объединяет в себе помимо криминалистических знаний данные из других наук? Именно исходя из того обстоятельства, что функцию систематизирующего фактора научных и методологических основ судебной экспертизы на сегодняшний день уже не в состоянии выполнять криминалистическая наука, в рамках которой традиционно рассматривались и иногда продолжают исследоваться экспертологические проблемы, отдельными учеными был сделан вывод, что, несмотря на значительный вклад, внесенный криминалистами в развитие научных основ судебной экспертизы, рамки данной науки в науковедческом контексте должны быть ограничены лишь изучением вопросов становления и развития теории криминалистической экспертизы.

Впервые на данное обстоятельство обратил внимание научной общественности А. И. Винберг, заявив в 1961 г. о необходимости разработки *общего учения о судебной экспертизе*⁵⁴. Позже, в 1962 г., А. Р. Шляхов предлагает свое видение уже *науки о судебной экспертизе*, систематизирующей процессуальные условия и общие логические, физико-технические и химико-биологические методы исследования, а также методику и технику проведения различных видов судебной экспертизы⁵⁵.

Однако широкая дискуссия по данной проблеме с точки зрения концептуального пересмотра сложившихся в криминалистической и процессуальной литературе традиционных взглядов на сущность судебной

⁵⁴ Винберг А. И. Насущные вопросы теории и практики судебной экспертизы // Сов. государство и право. 1961. № 6. С. 82.

⁵⁵ См.: Шляхов А. Р. О предмете судебной экспертизы // Вопр. судебной экспертизы. Тбилиси, 1962. С. 13.

экспертизы и ее научных основ получила толчок к развитию лишь через десятилетие, после появления в 1973 г. в журнале «Социалистическая законность» статьи А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской «Судебная экспертология – новая отрасль науки»⁵⁶, в которой авторы обозначили новый взгляд на решение обсуждаемой проблемы, а в дальнейшем развили его в фундаментальном исследовании «Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз)»⁵⁷ и последующих публикациях.

Достаточно подробную характеристику данному этапу развития теоретических основ судебной экспертизы дала Е.Р. Россинская, которая отметила: «В конце 80-х - начале 90-х годов XX в. сложились объективные предпосылки формирования новой междисциплинарной теории - общей теории судебной экспертизы и признания ее большинством криминалистов (а разрабатывали ее именно криминалисты):

- глубокие социально-экономические преобразования в стране, развитие гражданского судопроизводства существенно увеличили потребность в использовании специальных знаний, основной процессуальной формой использования которых во всех видах судопроизводства являлась судебная экспертиза;

- был накоплен большой эмпирический материал в отдельных родах (видах) экспертиз и на этой основе создан целый ряд частных теорий этих экспертиз, разработаны и систематизированы методы и методики экспертного исследования;

- разработаны методологические, правовые и организационные основы, для различных родов судебных экспертиз, вычленено то общее, что должно быть свойственно любому роду экспертиз, в том числе и вновь создаваемому; имелись многочисленные теоретические и прикладные работы по общим и отдельным проблемам судебной экспертизы и судебно-экспертной деятельности; существовала развитая система государственных судебно-экспертных учреждений в различных ведомствах страны, координирующих свою практическую и научную деятельность, а также появились первые негосударственные экспертные учреждения»⁵⁸.

Поскольку взгляды, изложенные А. И. Винбергом и Н. Т. Малаховской, а также рядом других ученых, позволяют более подробно уяснить существо рассматриваемой проблемы на современном этапе, обратимся к анализу имеющихся в специальной литературе подходов, затрагивающих научные основы судебной экспертизы⁵⁹.

⁵⁶ Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология – новая отрасль науки // Соц. законность. 1973. № 11.

⁵⁷ Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград: ВШ МВД СССР, 1979.

⁵⁸ Россинская Е.Р. Современная концепция судебной экспертологии как науки о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности. - Күқық және мемлекет, № 2 (63), Астана 2014. С.97.

⁵⁹ Подобный анализ мы уже проводили и раньше в 1990 г. и в 2003 г., исходя из данных, накопленных наукой к тому времени. См. напр.: Шакиров К. Н. Теоретические вопросы и

2.2. Судебная экспертология как научная основа судебно-экспертной деятельности

Позиция А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской нашла свое выражение в предложенной ими концепции *судебной экспертологии*, согласно которой теоретические основы судебной экспертизы в системе научного знания приобретают статус **самостоятельной науки**. Раскрывая ее содержание, авторы пишут, что судебная экспертология – это наука о закономерностях и методологии формирования и развития научных основ судебных экспертиз и исследовании их объектов, осуществляемых на основе специальных познаний, привносимых из базовых (материнских) наук и трансформированных через сравнительное судебное экспертоведение в систему научных приемов, методов, средств и методик решения задач судебных экспертиз⁶⁰.

В предлагаемой концепции система науки судебной экспертологии включает в себя четыре уровня:

- фундаментальные базовые (материнские) науки (общественные, естественные, технические);
- предметные судебные науки (криминалистика, судебная физика, судебная химия и др.);
- отрасли предметных судебных наук (судебная трасология, судебное материаловедение, судебная бухгалтерия и т. д.);
- предметные судебные экспертизы.

По мнению ученых, судебная экспертология является теоретической базой для отраслевых предметных судебных наук, в которых осуществляются теоретические и методологические разработки, создаются специальные методики по исследованию объектов судебной экспертизы.

Рассматривая комплекс проблем, посвященных судебной экспертизе, А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская исходят из необходимости разграничения привлекаемых в судебную экспертизу различных отраслей знания, а следовательно, придания статуса самостоятельных экспертиз ряду исследований, традиционно осуществляемых на основе методологической и методической базы криминалистики. Свою позицию авторы обосновывали следующим образом: «Когда еще не было системно-структурного понятия судебной экспертологии, в какой-то мере извинительным мотивом служила попытка временно создать под крышей криминалистической экспертизы разнородные экспертизы. Но это заставило сторонников такой (всеобщей) криминалистической экспертизы объявить несуществующими судебную химию, судебную физику, судебную биологию и другие предметные судебные науки. В настоящее время совершенно очевидно, что в системе

возможности автоматизированного решения задач криминалистической экспертизы: Дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1990, *Шакиров К. Н.* Судебная экспертиза: проблемы теории и практики. Монография. - Алматы: Изд-во Аркаим. 2002. 288 с.

⁶⁰ См.: *Винберг А. И., Малаховская Н. Т.* Судебная экспертология – новая отрасль науки... С. 11.

экспертологии существует ряд классов судебных экспертиз, одноуровневых с криминалистической экспертизой»⁶¹.

Свою точку зрения на предложенную концепцию мы изложим далее, пока же обратимся к дискуссии по ее основным положениям, которая нашла отражение в специальной литературе. Прежде всего отметим, что попытки систематизации всего комплекса научных проблем судебной экспертизы в рамках единой отрасли знания встретили понимание и поддержку как у криминалистов, так и у процессуалистов. Однако форма обобщения ее теоретических положений в рамках единой науки судебной экспертологии, отраженная в рассматриваемой концепции, вызвала среди ученых неоднозначную оценку. Предметом критического анализа стала также и содержательная сторона предложенной А. И. Винбергом и Н. Т. Малаховской науки судебной экспертологии.

Положительно восприняли основные идеи, выдвинутые названными авторами в обоснование существования данной науки, такие ученые, как Л. Е. Ароцкер, В. Я. Колдин, И. М. Лузгин, В. С. Митричев, З. М. Соколовский, А. Р. Шляхов и др.⁶²

Более того, в криминалистической литературе под влиянием данных идей был предложен более широкий подход к рассматриваемой проблеме. Так, В. С. Митричев, анализируя связи, складывающиеся между экспертологией и другими научными знаниями, задается вопросом: исчерпываются ли проблемы экспертологии только судебной деятельностью? Отмечая, что существует ряд весьма важных аргументов в пользу того, что общие экспертологические проблемы возникают в связи с практической деятельностью многих, в том числе не судебных учреждений и организаций, В. С. Митричев пишет: «Говоря о возможности формирования общей экспертологии, уместно предположить, что она будет развиваться как наука о закономерностях осуществления любой экспертной деятельности (т. е. о закономерностях, определяющих сущность и специфику экспертной деятельности вообще)»⁶³.

То, что позиция В. С. Митричева в этом вопросе является обоснованной, подтверждает значительное количество публикаций по проблемам общей экспертологии⁶⁴ как междисциплинарного научного направления и

⁶¹ Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы...)... С. 128.

⁶² См.: С трибуны читательской конференции // Теорет. вопр. судебной экспертизы. М., 1981. С. 177–181 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 48).

⁶³ Митричев В. С. Судебная экспертиза и смежные отрасли знаний. Проблемы общей и судебной экспертологии в связи с судебно-экспертной деятельностью // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР. М., 1980. С. 93–99 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 42).

⁶⁴ См.: Гуманитарная экспертиза: Возможности и перспективы. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992; Бешелев С. Д., Гурвич Ф. Г. Экспертные оценки. М.: Наука, 1973; Глазовский Н. Ф. Проблемы эколого-географической экспертизы // Новое мышление в географии. М., 1991. С. 110–118; и др.

экспертного метода исследования, который отдельными авторами отнесен даже к классу общенаучных⁶⁵.

Как было ранее отмечено, предложения А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской не были восприняты однозначно. При этом анализ теоретических начал судебной экспертизы сводился нередко к выяснению приоритетности той или иной отрасли знания в формировании ее научных основ. В данном случае уместно привести точку зрения А. Н. Васильева, который, полемизируя с вышеназванными учеными, отрицал возможность признания каких-либо самостоятельных теоретических начал за судебной экспертизой, ибо, по его мнению, они формируются и развиваются процессуальной наукой. Так, акцентируя внимание на том, что экспертиза сама по себе не наука, а проводимое специалистом-экспертом исследование тех или иных вопросов, А. Н. Васильев приходит к выводу, что в научном плане экспертиза как уголовно-процессуальное действие является предметом изучения науки уголовного процесса⁶⁶.

Возможно, под влиянием того факта, что назначение и производство судебной экспертизы обусловлено определенным, предусмотренным в законе, процессуальным порядком, ряд авторов, наряду с А. Н. Васильевым, основные теоретические проблемы экспертизы относят к предмету процессуальной науки. Таково, в частности, мнение В. Д. Арсеньева, который, правда, в отличие от А. Н. Васильева, говорит *об общей теории судебной экспертизы*. В то же время, характеризуя соотношение процессуальных и криминалистических начал данной теории, автор отмечает, что судебная экспертиза, прежде всего, изучается науками уголовного и гражданского процесса. Конкретизируя эту мысль, В. Д. Арсеньев отмечает, что «нет никаких методологических оснований, а равно и практической целесообразности направлять сложный и многогранный процесс развития судебно-экспертных наук и научных отраслей в русло единой науки о судебной экспертизе... указанную функцию должна принять на себя одна из существующих наук или научных отраслей. Ею, на наш взгляд, должна стать теория судебной экспертизы, существующая ныне как составная часть современной теории доказательств. Теория судебных доказательств позволяет правильно сформулировать предмет общей теории судебной экспертизы как ее составной части, а именно объективные закономерности возникновения, сохранения и изменения доказательственной информации, являющейся объектом и результатом экспертного исследования, а также используемой экспертом при даче заключения»⁶⁷. Уточняя свою позицию по определению предмета рассматриваемой теории, автор пишет: «Предмет общей теории судебной экспертизы (как составной

⁶⁵ См.: Позаченюк Е. А. Экспертология // Учен. зап. Саратов. гос. ун-та, 1997. Вып. 6.

⁶⁶ См.: Васильев А. Н. Вопросы теоретических основ криминалистики, ее предмета и системы // Предмет, система и теорет. основы криминалистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. Ч. 2. С. 14.

⁶⁷ Арсеньев В. Д. Соотношение понятий предмета и объекта судебной экспертизы // Пробл. теории судебной экспертизы. М., 1980. С. 12, 14 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 44).

части уголовного процесса) образуют, на наш взгляд, объективные закономерности возникновения, изменения и сохранения используемой при производстве экспертизы доказательственной информации, изучаемые определенными методами (логико-юридическими и другими) в целях совершенствования правового (процессуального) регулирования судебных экспертиз, а также оценки и использования их результатов»⁶⁸.

Далее В. Д. Арсеньев поясняет, что эти же закономерности лежат и в основе соответствующей части (относящейся к экспертизе) науки криминалистики, только изучаются они в иных целях и иными методами.

В дальнейшем в работе автора мы не находим, так же как и у А. Н. Васильева, иных обоснований изложенной точки зрения, хотя возникает естественный вопрос: является ли в рассматриваемом случае познание одних и тех же закономерностей, правда в «иных целях» и «иными методами», основанием для придания приоритета в общей теории судебной экспертизы процессуальному началу над криминалистическим или естественнонаучным?

При оценке концепции, предложенной А. И. Винбергом и Н. Т. Малаховской, своеобразная позиция была изложена А. А. Эйсманом. Отмечая, что система научных знаний, обеспечивающих практику судебной экспертизы, имеет все социально значимые признаки для формирования в самостоятельную область, он в то же время обращается к сущности данных знаний, образующих основу формируемой области. Так, автор пишет, что если обратиться к содержанию экспертологии, то нетрудно заметить, что значительная часть ее проблем традиционно входила в криминалистику (например, теория идентификации, учение о методике экспертного исследования, роль заключения в доказывании и др.). Такая ситуация в рассматриваемой проблеме объективно ставит вопрос о соотношении криминалистики и судебной экспертологии⁶⁹. С точки зрения А. А. Эйсмана, трудно сформировать самостоятельную науку, «которая существовала бы рядом на одном уровне с криминалистикой и уголовным процессом. По мнению авторов, эти три науки должны находиться рядом – наука криминалистика, наука уголовного процесса, наука судебная экспертология. Но при такой конструкции возникает множество затруднений, например, в какую науку включить теорию идентификации, в первую, вторую или третью, или “разорвать” ее на три части; куда отнести основы трасологии – в экспертологию или криминалистику, как определить место общего учения о роли и функциях экспертного заключения в процессе доказывания»⁷⁰.

В конечном счете А. А. Эйсман приходит к выводу, что круг проблем, составляющих содержание экспертологии, настолько прочно связан с криминалистикой, что трудно говорить о возможности ее полного обособления и выходе за пределы криминалистики. «На данном этапе развития, – считал автор, – экспертология представляется, скорее, частью

⁶⁸ Арсеньев В. Д. Соотношение понятий предмета и объекта судебной экспертизы... С. 7.

⁶⁹ См.: Эйсман А. А. Экспертология в системе научного знания // Эксперт. задачи и пути их решения в свете НТР. М., 1980. С. 69 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 42).

⁷⁰ Цит. по: С трибуны читательской конференции... С. 186.

криминалистики – обособившейся, самостоятельной, имеющей специфическую проблематику, предмет и задачи⁷¹.

Анализируя точку зрения, изложенную А. А. Эйсманом, рассматривающим экспертологические проблемы в рамках криминалистической науки в качестве ее составной части, нельзя не задаться вопросом о роли данных процессуальной, естественных и технических наук в формировании научных основ судебной экспертизы. Закономерно, что криминалистические знания имеют определенное методологическое значение в данном процессе, однако каких-либо оснований для игнорирования положений других отраслей науки в удовлетворении теоретических и практических потребностей судебной экспертизы найти весьма затруднительно.

Думается, более обоснована в этом вопросе позиция А. Р. Шляхова, который, как уже отмечалось, в числе первых высказался о необходимости выделить научные основы судебной экспертизы. В представлении А. Р. Шляхова, содержательная сторона данной теории должна охватывать не только общие для всех видов судебной экспертизы процессуально-правовые положения, но и в целом правовые основания. Важно отметить, что автор, говоря о методологии теоретической разработки научных основ судебной экспертизы, исходил из того, что они формируются путем синтеза естественнонаучных и правовых начал. В этом, надо признать, заключается своеобразие позиции А. Р. Шляхова⁷².

Творческий подход к анализу эмпирического материала и теоретических положений в области судебной экспертизы, предпринятый учеными, привел к возрастанию объема научной информации по общетеоретическим и методологическим проблемам данной отрасли. Проведенные многочисленные исследования по определению предмета общей теории судебной экспертизы, уточнению ее объектов, задач и методов предопределили переход к концептуальному переосмыслению сущности и методологической роли развивающейся теории.

К концу 80-х гг. прошлого столетия вопрос о признании теории судебной экспертизы как самостоятельной отрасли знания в целом уже не оспаривался, однако основной акцент в науковедческом исследовании сместился к анализу реального содержания данной теории, ее системы и структуры, отражающих не только существующие на тот период научные достижения, но и накопленный опыт теоретического обобщения прошлых лет.

На современном этапе научной дискуссии о сущности научных основ судебных экспертиз и возможных вариантах ее развития свой взгляд высказали многие ученые, однако фундаментально эти вопросы были

⁷¹ Эйсман А. А. Экспертология в системе научного знания... С. 69.

⁷² См.: Шляхов А. Р. Пути совершенствования судебной экспертизы // Пробл. совершенствования следственных действий и оперативно-розыск. мероприятий в аспекте ликвидации преступности в СССР: Материалы Всесоюз. конф. криминалистов и судебных психологов. Алма-Ата: Изд-во Казах. ун-та, 1974. С. 99.

рассмотрены в работах И. А. Алиева, Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, С. Ф. Бычковой, Ю. Г. Корухова, Россинской Е.Р. и некоторых других.

В частности, И. А. Алиевым была предложена собственная интерпретация общей теории судебной экспертизы. Автор определял данную сферу научных знаний как «систему мировоззренческих принципов, научно обоснованных концепций, категориальных понятий, методов, связей, отношений, способных отразить в полной мере предмет научного познания и обобщения»⁷³.

Похожую точку зрения по данному вопросу высказал Ю. Г. Корухов, поддержавший идею формирования самостоятельного направления экспертологического знания, обращая при этом внимание на общепризнанное в современном науковедении положение о том, что появлению новой теории предшествует определенная проблемная ситуация, когда старое знание обнаруживает свою недостаточность, а новое еще не получило должного развития и оформления. Оценивая появление работы А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской «Судебная экспертология» как значительное событие на пути создания общей теории судебной экспертизы, автор приходит к выводу, что: «Данная работа знаменовала собой закономерную теоретизацию процесса познания, изменение соотношения научной эмпирии в пользу теории, повышая уровень абстракции и идеализации научного знания о судебной экспертизе. В работе определен широкий круг рассматриваемых проблем, положений, требующих своей разработки в границах общей теории судебной экспертизы»⁷⁴. Ю. Г. Коруховым предложены определение общей теории судебной экспертизы и ее структура, мало отличающиеся по своему содержанию от изложенных И. А. Алиевым.

По вопросу о научных основах общей теории судебной экспертизы в специальной литературе известна позиция Т. В. Аверьяновой. Отдавая должное научному вкладу А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской как авторов концепции судебной экспертологии, а также признавая заслуги А. Р. Шляхова, она приходит к справедливому выводу, что ими был сделан лишь первый шаг в создании общей теории судебной экспертизы, определены только ее основные принципы. «Главным на тот период являлось, – пишет Т. В. Аверьянова, – отстаивать право на самостоятельность этой области научного знания, систематизирующего и изучающего проблемы судебной экспертизы»⁷⁵.

Оригинальность суждений ученого нам видится в нетрадиционном подходе к оценке сущности общей теории судебной экспертизы. Так, полемизируя с И. А. Алиевым и Ю. Г. Коруховым по предложенному ими в целом сходному определению общей теории судебной экспертизы, Т. В.

⁷³ Алиев И. А. Проблемы судебно-экспертной профилактики: Дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1989. С. 54–56.

⁷⁴ Корухов Ю. Г. Формирование общей теории судебной экспертизы: Материал для ученого совета ВНИИСЭ. М., 1990. С. 1, 3.

⁷⁵ Аверьянова Т. В. Содержание и характеристика методов судебно-экспертных исследований. Алма-Ата, 1991. С. 50.

Аверьянова отмечает, что оно, во-первых, обезличено, ибо не названы объекты общей теории судебной экспертизы, и, во-вторых, не отражает праксеологической направленности теории и не раскрывает предмета ее познания. Автор предлагает свое определение, в котором общая теория судебной экспертизы представлена как система мировоззренческих и праксеологических принципов как самой теории, так и ее объекта – экспертной деятельности, частных теоретических построений в этой области научного знания, методов развития теории и осуществления экспертных исследований, процессов и отношений, – комплексное научное отражение судебно-экспертной деятельности как единого целого. Основная аргументация в обоснование предложенного определения сводится к тому, что поскольку объектом отражения у общей теории судебной экспертизы служит практическая деятельность, очевидно, она должна включать в себя не только мировоззренческие, но и праксеологические принципы этой деятельности, не только методы построения входящих в ее состав теоретических концепций меньшей степени общности, но и методы практической деятельности. С этих позиций Т. В. Аверьянова изложила свое видение предмета общей теории судебной экспертизы как отражающего объективные закономерности только практической деятельности, относя при этом развитие ее научных основ к сфере науковедения⁷⁶.

К собственной оценке суждений Т. В. Аверьяновой мы еще вернемся, пока же отметим, что несколько иной, чем у нее подход к анализу роли концептуальных основ научного знания в рассматриваемой области мы наблюдаем во взглядах С. Ф. Бычковой, которая, излагая свое видение сущности исследования закономерностей развития теоретических основ судебной экспертизы, отмечает, что они являются исключительной прерогативой *науки о судебной экспертизе* (так автор называет исследуемую область знания. – К. Ш.), а не науковедения, поскольку включают прежде всего ее методологическую базу, рассматриваемую как систему, содержащую несколько уровней, в том числе концептуальный, конкретно-научную методологию, а также методику и технику исследования⁷⁷. При этом автор вполне справедливо, на наш взгляд, замечает, что закономерности развития научных основ судебной экспертизы и закономерности соответствующей практической деятельности обладают внутренним единством, отражающим единство гносеологического и праксеологического в деятельности человека. Важной чертой принципов науки о судебной экспертизе, по ее мнению, является их практическая природа и направленность. Принципы данной науки задают определенное направление исследованиям, конечной целью которых является создание научных основ экспертной деятельности. Поэтому каждый из них опосредованно, через методики экспертного исследования, реализуется при

⁷⁶ См.: Аверьянова Т. В. Содержание и характеристика методов... С. 12–14.

⁷⁷ См.: Бычкова С. Ф. Становление и тенденции развития науки о судебной экспертизе. Алматы, 1994. С. 34.

производстве экспертиз и может быть отнесен одновременно к практической экспертной деятельности.

По мнению С. Ф. Бычковой, сама наука о судебной экспертизе может быть представлена в виде совокупности элементов, характеризующих ее с когнитивной (как знание), социальной стороны, и со стороны отношения к среде, внешней для нее. Эти элементы одновременно определяют статус дисциплины как самостоятельной научной единицы, а к основным компонентам структуры данного знания относятся общая теория судебной экспертизы и судебно-экспертные отрасли научного знания.

Давая оценку приведенным выше взглядам Т. В. Аверьяновой и Ю. Г. Корухова на сущность общей теории судебной экспертизы, автор критически констатирует, что они представляют собой экстраполяцию на исследуемую научную область положений общей теории криминалистики, разработанной Р. С. Белкиным⁷⁸.

Справедливости ради надо сказать, что подобную позицию занимает и сама С. Ф. Бычкова, не только отмечая в своей работе, что для общей теории судебной экспертизы в большей степени применима структура, используемая в курсах криминалистики, состоящая из методологических основ (введения), криминалистической техники, тактики и методики, но и излагая ее в своем исследовании в виде системы рассматриваемой теории, состоящей из следующих разделов, аналогичных криминалистическим: методологические основы общей теории судебной экспертизы; экспертная техника; экспертная тактика и методика экспертного анализа отдельных видов преступлений.

Давая собственное определение понятия рассматриваемой теории через критический анализ имеющихся в специальной литературе точек зрения, С. Ф. Бычкова формулирует его как систему теоретического знания, отражающую на метапредметном уровне наиболее общие закономерности научных основ судебных экспертиз и экспертной деятельности, либо как систему теоретического знания, являющуюся методологической основой судебно-экспертных отраслей знаний⁷⁹. Следует подчеркнуть, что автором в максимальной степени исследованы все компоненты предложенного определения, а полученные ею результаты явились дальнейшим развитием научных основ судебной экспертизы.

В дальнейшем свое мнение о содержании научных основ судебной экспертизы высказали и иные ученые, мы же приведем здесь суждение Е.Р. Россинской, которая, проведя достаточно подробный анализ существующих взглядов по данной проблематике, однозначно признает за судебной экспертологией уровень самостоятельной науки. Подробно проанализировав ее предметную сферу, автор пишет, что общее название – «судебная экспертология» в настоящий момент больше соответствует реальному положению вещей⁸⁰. Далее мы более подробно остановимся на ее взглядах по

⁷⁸ См.: *Бычкова С. Ф.* Становление и тенденции развития науки о судебной экспертизе. Алматы, 1994... С. 147–149.

⁷⁹ *Бычкова С. Ф.* Указ. соч... С. 43.

⁸⁰ *Россинская Е.Р.* Современная концепция судебной экспертологии ... С. 100.

анализируемому аспекту в связи с характеристикой системно-структурного построения судебной экспертологии.

Здесь же подчеркнем, что приведенный выше анализ по вопросу о сущности научных основ судебной экспертизы решается далеко не однозначно и до настоящего времени является дискуссионным, несмотря на относительную продолжительность обсуждения. Выделим лишь основные позиции, отражающие различные подходы ученых к пониманию анализируемого вопроса после провозглашения А. И. Винбергом и Н. Т. Малаховской судебной экспертологии как самостоятельной науки. Научные основы судебной экспертизы характеризовались и характеризуются: как составная часть криминалистики (А. А. Эйсман); составная часть науки уголовного процесса (А. Н. Васильев, В. Д. Арсеньев); самостоятельная междисциплинарная теория (И. А. Алиев); общая теория судебной экспертизы (Т. В. Аверьянова); наука о судебной экспертизе (С. Ф. Бычкова); комплексная интегральная наука (теория) (Р. С. Белкин) ну и, наконец, вновь в качестве судебной экспертологии как науки о судебной экспертизе (Е.Р. Россинская, Волчецкая Т. С. и др.).

Как видно из приведенного анализа, в большинстве случаев при оценке высказанных в литературе позиций мы обнаруживаем различные взгляды ученых на форму и содержание научных знаний, обслуживающих сферу судебной экспертизы. Неурегулированность данной проблемы находит свое продолжение в спорном решении ряда частных теоретических вопросов судебной экспертизы, что в конечном счете не может не сказываться на надлежащем понимании процессуальной сущности данного института в праве и нередко находит отражение в практике производства экспертных исследований по уголовным, гражданским и административным делам. Именно потому, что творческое обсуждение и поиск оптимальных решений исследуемой проблемы являются необходимым условием эффективного осуществления научной и практической деятельности в сфере судебной экспертизы, ниже рассматриваются возможные варианты ее разрешения, предполагающие возможность наличия иных точек зрения и подходов.

2.3. О формировании закономерностей предмета судебной экспертологии

В связи с обсуждением проблемы содержания теоретических основ судебной экспертизы, отличающимся, как было показано, дискуссионностью, весьма важно обратить внимание на то, что при всем различии мнений, несовпадении отдельных оценок существует общее, что объединяет позиции различных ученых, – они едины в своем признании научных начал судебной экспертизы. При этом существенной стороной современного этапа обсуждения является не повторение имевшихся ранее попыток выделения из криминалистики «науки криминалистической экспертизы», а стремление уже на новой методологической основе исследовать научные аспекты,

отражающие сущность осуществления судебно-экспертной деятельности в судопроизводстве в качестве самостоятельной системы знаний.

Анализируя тенденцию переосмысления научной основы судебной экспертизы, нельзя не коснуться причин ее возникновения, поскольку в данной сфере научной и практической деятельности находят отражение те же закономерности, которые присущи становлению и формированию любой отрасли научного знания.

Признавая возможность «конституирования» общей теории судебной экспертизы как самостоятельного направления научного знания, мы не вправе игнорировать наличие концептуальных теоретических начал, послуживших своего рода фундаментом для ее становления, среди которых преимущественная роль исторически принадлежит криминалистике и процессуальной науке. С учетом этого оценка научной основы судебной экспертизы с точки зрения выявления ее соотношения с базовым знанием вызывает естественные затруднения и порождает известное в науке явление «конфронтации», обнаруживаемое при взаимном сопоставлении формируемой самостоятельной отрасли знания и уже сложившимися и функционирующими науками, которые ходом развития нового знания «принуждаются» к совместному применению в одной и той же области исследования.

В данном случае, думается, нелишним будет привести суждение Н. Ф. Овчинникова, который, рассматривая проблемы становления нового знания, отмечал, что для развития научного знания с его необычно разросшейся дифференциацией характерно явление конфронтации теоретических систем. Возникновение этого явления и осознание необходимости его преодоления ведут к синтезу знания. Вырабатываются способы объединения научного знания в результате попыток интеграции теоретических систем, когда один и тот же объект исследования становится предметом различных теорий. Появляющееся при этом несовпадение, противоречие данных различных теорий могут быть разрешены не путем установления одной из них, а путем синтеза различных теорий, в котором возникает новая теоретическая система⁸¹.

Таким образом, явлению конфронтации теоретических систем присуще не только относительное совпадение предметной области, отражаемой практической деятельности, но и различие путей и способов получения разными теориями результатов. Это явление составило существенный компонент проблемной ситуации, возникшей в свое время при попытке реальной оценки места научных основ судебной экспертизы, в частности в системе криминалистики. Данная проблемная ситуация, как и любая другая, объективно обозначена тремя этапами своего диалектического развития – подготовки, конфронтации и разрешения.

Для первого этапа характерно лишь обнаружение в нормальном развитии устоявшейся науки, в нашем случае криминалистики, совокупности проблем,

⁸¹ См.: Овчинников Н. Ф. Особенности развития и тенденции к единству научного знания // Пробл. истории и методол. науч. познания. М.: Наука, 1974. С. 105.

приводящей к выдвижению такой идеи, которая несет в себе необходимость коренного изменения нормальной ситуации и перехода к следующему, второму этапу, в процессе которого существующая проблематика захватывает все большее число областей науки и тем самым разворачивается в проблемную ситуацию.

Применительно к криминалистике этот этап ознаменован выдвижением идеи выделения криминалистической экспертизы в качестве самостоятельной отрасли знания, предложениями о формировании науки криминалистической экспертизы. Данная идея, как было показано выше, с ходу была отвергнута как противоречащая «нормальному» развитию криминалистической науки и не обусловленная практическими потребностями. Рассматривая подобную ситуацию под углом зрения выдвижения гипотезы как предпосылки появления теории, В. А. Штофф отмечал, что «прежде чем сложится теория, возникают ее более или менее правдоподобные варианты, различные более или менее удачные идеи, выступающие в качестве предпосылок или зародышей будущей теории. Весь этот период подготовки теории, начиная от первых догадок, кончая практической проверкой вытекающих из предположения следствий, является периодом становления и утверждения гипотезы. Гипотеза возникает не как автоматический результат индукции, не как индуктивное заключение, а как один из возможных ответов на возникшую *проблему*»⁸².

На втором этапе развития проблемной ситуации расхождения между возникающим и фундаментальным по отношению к нему знанием еще не глубоки и не вызывают особой тревоги за устоявшиеся теоретические знания. Однако именно этот этап окончательно формирует проблемную ситуацию, которая развивается в результате функционирования в теоретической сфере базовой науки новых идей, вступающих в противоречие с принципами существующих в ней теорий.

Для криминалистики данный этап примечателен выдвижением концепции А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской о науке судебной экспертологии как самостоятельной отрасли знания, в структуре которой теоретические положения криминалистической экспертизы рассматриваются уже лишь как один из элементов в числе предметных судебных наук, а сама криминалистика представляется как предметная судебная наука наравне с судебной медициной, судебной физикой, судебной биологией и т. д. Предложения авторов выходили за круг привычных представлений о научных основах судебной экспертизы, но эти предложения тем не менее явились результатом предшествующего развития положений прежде всего данной теоретической области, основывавшихся на теоретической базе криминалистики, уголовного процесса и других наук.

Оценивая процессы, происходящие на данном этапе, можно привести суждение П. В. Копнина, который пишет: «Мысль, переходя от постановки проблемы к ее решению в форме гипотезы, делает скачок, именно здесь

⁸² Штофф В. А. Введение в методологию научного познания. М., 1972. С. 148–149.

происходит перерыв непрерывного. Этот скачок особенно явно выступает при сравнении научного решения проблемы с решением, данным в предположении. В последующем наука, может быть, и будет строго логически выводить предположения из другого знания. Но в момент становления, выдвижения гипотезы такого логического выведения нет и быть не может. Здесь и скрыта своеобразная диалектика в движении мышления: на определенной ступени движения мышление должно сделать скачок, прийти к таким представлениям, которые еще не имеют достаточного ни логического, ни опытного обоснования в современном состоянии науки. Мысль должна прийти к совершенно новым представлениям. Она должна быть подготовлена, чтобы понять необходимость прорыва привычного круга представлений, но она не в состоянии еще строго логически или опытно обосновать законность выхода за этот круг. Не совершив этого прорыва, она не может, по существу, двинуться вперед»⁸³.

Потребность в новом нетрадиционном объяснении сформировавшегося интегративного знания о судебной экспертизе, его унификации, уплотнении, построении концептуальной системы, объединяющей под общим началом отдельные положения базовых для практики судебной экспертизы наук, легла в основу выделения рассматриваемой области научного исследования как самостоятельной теоретической системы.

Возникновение этой системы можно объяснить тем, что процесс дифференциации базовых материнских для судебной экспертизы наук, в частности криминалистики и уголовного процесса, способствуя углублению научного знания в «курируемых» отраслях, в то же время приводил к ослаблению системной разработки методологических и методических вопросов привлечения данных из общественных, естественных и технических наук в практику производства судебных экспертиз и использования ее результатов в качестве доказательственной информации. Проводимые научные исследования в области судебной экспертизы не носили *системного* характера, так как зависели прежде всего от субъективного желания ученого-криминалиста или процессуалиста рассмотреть ту или иную экспертологическую проблему.

О складывавшейся тенденции в данной области научного знания С. Ф. Бычкова справедливо писала: говоря о судебной экспертизе как научной дисциплине, следует отметить, что на настоящем этапе ее развития не существует программ, направленных на осознанное, планомерное, целенаправленное поддержание ее статуса в качестве самостоятельной научной единицы. Недооценка важности этого направления, как правило, приводит к изменению и падению статуса, в конечном счете к прекращению эволюции исследуемой области знания как самостоятельной научной дисциплины, сопровождающемуся соответствующими социальными последствиями⁸⁴.

⁸³ Копнин П. В. Диалектика, логика, наука. М.: Наука, 1973. С. 134.

⁸⁴ См.: Бычкова С. Ф. Становление и тенденции развития... С. 61–62.

Ситуация в исследуемой сфере усугублялась и тем, что в рамках практической экспертной деятельности шел активный процесс привлечения новых технических средств, требовавших обоснования, постановки и решения экспертных задач, не относящихся к классу криминалистических.

И, наконец, нельзя не обратить внимания на существенное обстоятельство, объективно возникшее в связи с потребностью определения предметной области научных основ судебной экспертизы. В криминалистической науке в целом утвердилось понимание ее предмета, предложенного в 1968 г. и позже уточненного Р. С. Белкиным, как *науки о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средств и методах судебного исследования и предотвращения преступлений*⁸⁵.

Научная область судебной экспертизы, представленная на первых порах своего становления в основном теорией криминалистической экспертизы, совпадала с предметной областью криминалистики. Однако на современном этапе развития она объективно уже не подпадает под действие приведенного определения в силу того, что призвана исследовать закономерности иного порядка, не обязательно связанных с механизмом преступления. Поскольку согласно сформировавшемуся определению судебная экспертиза – это исследование материалов уголовного, гражданского или административного дела, то и выражающая ее отрасль научного знания должна иметь своим предметом познание закономерностей, обусловленных ее практической сферой, *не всегда совпадающей с задачами криминалистической деятельности*.

Таким образом, во взаимоотношениях теоретической базы судебной экспертизы и ее материнской науки – криминалистики все более проявлялись противоречия, которые отчетливо обозначили наличие проблемы, требующей своего разрешения. К описываемой ситуации применимо наблюдение В. А. Штоффа о том, что эмпирическое исследование не может начаться до тех пор, пока не возникнет противоречие между существующей теорией и возможностью ее приложения к некоторой новой предметной области. Трудность состоит в невозможности применить старые способы объяснения к новому предмету исследования. Эта трудность, сформулированная в виде вопроса, представляет проблему, стоящую у начала каждого нового исследования. Конечно, чтобы представить возникшее затруднение в форме определенной проблемы, необходимо на основе имеющегося знания выделить некоторые стороны и элементы изучаемого объекта в качестве существенных, построить соответствующую модель объекта, найти нужные идеализации и т. д. Но помимо развитой способности к абстрактному мышлению и достаточного уровня знаний требуется еще способность заметить в некоторой наблюдаемой трудности

⁸⁵ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997. С. 112.

источник проблемы и так ее сформулировать, чтобы ее решение предполагало выход и из множества других проблем⁸⁶.

Именно такую задачу в виде постановки и собственном обосновании проблемы решили, на наш взгляд, А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская в предложенной концепции судебной экспертологии. Заслуга авторов состоит в том, что, заложив основание для системного обсуждения комплекса экспертологических вопросов, они создали условия для перехода к третьему этапу развития проблемной ситуации, т. е. впервые обозначили возможные пути ее разрешения. Именно с этого момента среди ученых криминалистов и процессуалистов происходит осознание необходимости пересмотра, коренного изменения отдельных концепций существующих научных положений судебной экспертизы, идет поиск принципов построения новой теории (науки) путем синтеза различных теоретических систем.

Тенденция к обособлению и единству научного знания в области судебной экспертизы приводит к формированию самостоятельной теоретической основы, нередко стремящейся к «экспансии» на предметную область ее базовых наук, таких как криминалистика и процессуальное право, с целью противодействовать отрицательным последствиям их дифференциации. Этим порой объясняется позиция отдельных ученых (А. А. Эйсмана, В. Д. Арсеньева), не приемлющих нетрадиционного понимания места и роли теоретических знаний, призванных обслуживать судебную экспертизу.

Подытоживая изложенные здесь наблюдения, можно прийти к выводу, что на современном этапе своего развития научные основы судебной экспертизы представляют собой сформировавшуюся в самостоятельную науку междисциплинарную общую теорию, для удобства обозначения которой допустимо пользоваться термином «судебная экспертология». Стремление данной теории к единству за счет лежащих в основе ее становления отдельных положений научных дисциплин (криминалистики, процессуальной, общественных, естественных и технических наук) обусловлено необходимостью определения собственной предметной области в виде познаваемых закономерностей, в том числе посредством выявления междисциплинарных связей, способствующих воспроизводству новых знаний для решения востребованных судебной практикой задач. В этом плане общая теория судебной экспертизы, давая научное представление о познаваемых ею объективных закономерностях, призвана формировать, в отличие от криминалистики и других наук, **методологию экспертного познания**, направленную на оптимальную реализацию института специальных научных знаний в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве.

С этих принципиальных позиций, мы полагаем, следует на данном этапе подходить к оценке общей теории судебной экспертизы.

Содержание теории, выражая круг познаваемых ею определенных закономерностей объективной действительности и разрабатывая на

⁸⁶ См.: Штофф В. А. Введение в методологию... С. 149.

основе их познания собственную методологическую и методическую базу, должно включать в себя творчески переработанные под решение собственных научных и практических задач исходные принципы, теории, концепции, категории, методы и средства различных наук, которые в своей совокупности дают возможность определить интегрированное знание о судебной экспертизе в качестве систематизированного научного инструмента привлечения в процесс судебного доказывания специальных знаний.

Признание за теоретическими основами судебной экспертизы статуса научного знания соответствует методологическому принципу, согласно которому в той или иной отрасли предметного знания сохраняют силу те зависимости (закономерности), которые выявлены, изучены и сформулированы теми отраслями знания, на базе которых была создана и развивается данная отрасль. Вот почему общая теория судебной экспертизы, сформировавшись в недрах криминалистической науки и во многом базируясь на ее методологии, должна отчасти воплощать в себе совокупность идей, законов, принципов, постулатов и аксиом этой науки. Вполне естественно, что предмет данной теории должен объективно отражать лишь ту сторону предмета криминалистической науки, которая методологически обеспечивала и обеспечивает потребности *теоретического осмысления и трансформации положений из различных отраслей знания в систему специальных научных знаний для решения задач, стоящих перед судебной практикой.*

В то же время необходимо подчеркнуть, что общая теория судебной экспертизы, включая в свое содержание методологические элементы криминалистического знания, максимально использует для решения экспертных задач лишь отдельные ее теоретические построения, непосредственно направленные на познание объектов экспертизы. Поэтому сформированная в криминалистике теория криминалистической экспертизы должна входить составной частью в подсистему экспертологических знаний в качестве одного из элементов (частной теории).

Определяя границы предметной области общей теории судебной экспертизы, важно отметить, что интегрирование в ней сведений из различных наук для решения возникающих перед экспертной практикой задач требует также разработки науковедческого аспекта, позволяющего выяснить реальное место данной области в системе научного знания, а, следовательно, обоснованно прогнозировать ее развитие. Разработка этого направления общей теории судебной экспертизы позволило на объективных началах осуществить дальнейшее обоснование ее конституирования в относительно самостоятельную науку, решающую специфические задачи.

Таким образом, вышеизложенное дает основание поддержать предложение А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской о включении в предмет данной теории познание ею **закономерностей, отражающих методологию становления, формирования и развития судебной экспертизы как научного знания.**

Признание за общей теорией судебной экспертизы самостоятельной научной основы несет двойную функциональную нагрузку: с одной стороны, подчеркивает уровень ее теоретического обобщения как интегрированного знания, способного решать задачи по привлечению в уголовный, гражданский или административный процесс сведений из других наук, а с другой – служит для ее отграничения от иных знаний, используемых в этом процессе. Здесь речь идет об особом качестве данной научной области, поскольку общая теория судебных экспертиз в отличие от других наук сосредотачивает и выражает прежде всего методологическое знание существенного, необходимого, законодательно обеспеченного и юридически обоснованного применения других научных знаний в доказательственной деятельности следователя либо суда.

Судебная экспертиза как разновидность практической деятельности **имеет свой правовой статус**, определяющий ее место и задачи в системе правосудия. Это обстоятельство, как было показано выше, обусловило позицию отдельных авторов, заключающуюся в том, что судебная экспертиза является предметом изучения уголовно-процессуальной науки, в частности такого ее раздела, как теория судебных доказательств. Данный подход в целом не вызывает возражений, однако требует специального уточнения. Предметом анализа теории судебных доказательств в рассматриваемом нами случае являются лишь закономерности, отражающие способы формирования и использования доказательственной информации, основанной на оценке заключения эксперта. Что же касается общей теории судебной экспертизы, то, являясь формой отражения практической деятельности, она должна включать в предмет своего исследования **закономерности, обеспечивающие познание правовой сущности судебно-экспертной деятельности и разработку на этой основе научных рекомендаций по совершенствованию ее правового регулирования.**

Включение названных закономерностей в предметную область судебной экспертологии можно объяснить и существующим определенным игнорированием изучения частных правовых проблем судебной экспертизы в процессуальной науке, а также наличием потребности в специальном, с учетом познаний специалистов в этой области, анализе правовых аспектов судебной экспертизы, не в последнюю очередь обусловленной широким привлечением в экспертную практику новых технологий⁸⁷.

⁴⁶ См.: *Ароцкер Л. Е.* Организационные и процессуальные вопросы использования электронно-вычислительных машин в экспертной практике // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: РИО МВД УССР, 1969. Вып. 6. С. 182–190; *Арсеньев В. Д.* О процессуальной природе производства исследований с применением ЭВМ и процессуальном положении участвующих в них лиц // Тез. докл. и сообщ. на Всесоюз. науч.-практ. конф.: “Проблемы информационного и математического обеспечения экспертных исследований в целях решения задач судебной экспертизы”. М.: ВНИИСЭ, 1983. С. 15–17; *Белкин Р. С., Лившиц Е. М.* Правовое регулирование математических методов и ЭВМ в судебной экспертизе // Пробл. автоматизации, создания информ.-поисковых систем и применения мат. методов в судебной экспертизе. М., 1987. С. 95–102 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ); *Гончаренко В. И.* Процессуальные и общеметодические

Как уже отмечалось, включение криминалистических и правовых аспектов судебной экспертизы в предмет изучаемой ее научной отрасли вызвало возражение среди ученых. Существующее недопущение смешения криминалистических и процессуальных знаний при оценке научной сущности экспертизы обуславливалось необходимостью выделения собственных начал каждой науки в изучении данного института. Подобное реагирование ученых, в частности криминалистов, объясняется, на наш взгляд, имевшимся переносом традиционных представлений о теории криминалистической экспертизы, базирующейся на отдельных данных криминалистической науки, на новую формирующуюся на тот момент самостоятельную отрасль научного знания. По нашему убеждению, научные положения криминалистики об экспертизе, наряду с ее научными процессуальными положениями, должны быть трансформированы в *относительно самостоятельное познавательное начало*, имеющее единую целевую направленность, обусловленную практической потребностью привлечения в судопроизводство специальных знаний. Такой вариант интеграции отдельных положений названных областей знания в рамках общей теории судебной экспертизы трудно воспринимается из-за осознания относительной самостоятельности и в то же время схожести их предметных областей и, соответственно, решаемых конечных задач.

Анализируя аналогичную ситуацию, П. В. Копнин пишет: «Известно, что новое знание подвергается оценке предшествующим знанием. И это естественно. Выдвинутая идея или теория апробируется ранее созданными теориями. Но в этом кроется определенная опасность. Новое знание, с одной стороны, должно логически согласовываться и в известном смысле вытекать из предшествующего знания, а с другой стороны, оно одновременно должно противоречить ему, а иногда казаться даже странным, нелепым и просто абсурдным по сравнению с прежними представлениями... Поэтому когда обнаруживается противоречие между новыми научными результатами и прежним знанием, то только практика может решить вопрос: действительно ли мы имеем дело с новым знанием, носящим характер объективной истины, или мышление пошло в сторону от нее. Причем это решение приходит часто не сразу, вследствие чего в науке создаются довольно трудные и неопределенные ситуации, побуждающие мышление к новым поискам»⁸⁸.

В соответствии с приведенным суждением, отражающим диалектический процесс развития научного познания, можно сделать вывод о том, что ответ на вопрос об объективном характере общей теории судебной экспертизы как самостоятельного знания должна в конечном счете дать судебная и экспертная практика. Данная ситуация обуславливает необходимость изучения формируемой отрасли не только практических потребностей

вопросы использования кибернетики в судебных экспертизах // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1984. Вып. 29. С. 16–23; Общетеоретические, правовые и организационные основы судебной экспертизы. М., 1987 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).

⁸⁸ Копнин П. В. Диалектика, логика, наука. С. 124–125.

следственных и судебных органов в специальных экспертных знаниях, но и оптимальных способов осуществления судебно-экспертной деятельности. Именно поэтому **познание закономерностей научной организации и формирования методических основ, обеспечивающих эффективное осуществление судебно-экспертной деятельности в судопроизводстве**, включается нами в числе других в предмет данной теории. Познание названных закономерностей позволяет производить оценку эффективности теоретических и практических разработок в области судебной экспертизы, а в необходимых случаях корректировать развитие концептуальных и частных проблем судебной экспертизы с учетом потребностей судебной практики.

Научное исследование практической сферы, по справедливому мнению Р. С. Белкина, дает возможность:

- выявить тенденции развития практики;
- определить ее потребности и, следовательно, перспективы развития теории, которая должна удовлетворять эти потребности;
- выявить формы и тенденции проявления объективных закономерностей, входящих в предмет науки;
- накопить необходимый для анализа, обобщения, построения системы теории эмпирический материал;
- составить представление об ошибках практики, достаточное для их исправления⁸⁹.

Таким образом, предмет судебной экспертологии на данном этапе должен включать познание следующих наиболее общих закономерностей:

- **закономерностей, отражающих методологию становления, формирования и развития судебной экспертизы как научного знания;**
- **закономерностей, обеспечивающих изучение правовой сущности судебно-экспертной деятельности и разработку на этой основе научных рекомендаций по совершенствованию ее правового регулирования;**
- **закономерностей научной организации и формирования методических основ, обеспечивающих эффективное осуществление судебно-экспертной деятельности в судопроизводстве.**

Выявленные закономерности позволяют нам сформулировать определение судебной экспертологии как научной области, направленной на **познание закономерностей формирования и развития методологических, правовых, организационных и методических основ судебной экспертизы в целях научно обоснованного применения специальных экспертных знаний в судопроизводстве.**

В предлагаемой дефиниции присутствуют своего рода ограничительный компонент («научно обоснованного применения»), который при раскрытии сущности судебной экспертологии умышленно внесен нами для того, чтобы в итоге оттенить специфику применения в судопроизводстве специальных знаний в форме экспертизы. Данная специфика, мы полагаем, должна предопределять все теоретические построения при разработке научных

⁸⁹ См.: Белкин Р. С. Общая теория криминалистики. Саратов, 1986. С. 33.

проблем судебной экспертизы как правового института. В ином случае практика нередко имеет дело с рекомендациями, далекими от реальных целей и задач, стоящих перед этим институтом.

По своему содержанию судебная экспертология является **прикладным научным знанием**, поскольку она прежде всего решает задачи познания закономерностей объективной действительности для достижения конкретных результатов, направленных на совершенствование практической деятельности в сфере судебной экспертизы. Речь в данном случае идет о систематизированном научном знании, имеющем своими целями разработку и внедрение определенных методологических, правовых, организационных и методических установлений, принципов и средств оптимального использования в судопроизводстве экспертных научных знаний.

В этой связи мы отчасти согласны с И. А. Алиевым, который подчеркивает, что общая теория судебной экспертизы должна являться синтезированным и систематизированным знанием о судебной экспертизе как единой системе и происходящих в ней процессах. Автор справедливо пишет, что в ней «должны найти отражение понятие предмета, общая методология, учение об объектах, субъектах, решаемых экспертных задачах и методиках экспертного исследования... При всем при этом она должна являться юридической междисциплинарной теорией, предметно связанной с уголовным процессом, криминалистикой и с другими науками, в том числе специализированными, составляющими основу экспертиз различных классов, родов...»⁹⁰.

Предлагаемая И. А. Алиевым интерпретация научных основ судебной экспертизы как междисциплинарной теории (с необходимым с нашей стороны уточнением понимания ее как науки) позволяет, как мы полагаем, реальнее отразить ее содержательную сторону. Это, в свою очередь, дает возможность найти объективную основу для анализа частных проблем рассматриваемой науки, в том числе такого аспекта, как поиск оптимальных путей соединения ее положений с достижениями других наук в целях совершенствования решения задач судебной экспертизы как практической деятельности по уголовным, гражданским и административным делам.

Акцентирование внимания на указанных задачах обусловлено встречающимся в специальной литературе вольным или невольным игнорированием гражданско-правовой и административной направленности результатов судебно-экспертной деятельности, что не способствует правильному уяснению места судебной экспертологии в системе юридической науки. К примеру, С. Ф. Бычкова, рассматривая концептуальные вопросы общей теории судебной экспертизы, пишет, что «факт отнесения науки о судебной экспертизе в историко-генетическом и структурно-функциональном плане к числу комплексных (интегративных) не служит препятствием для определения ее места в системе юридического знания как юридической прикладной дисциплины, входящей в число

⁹⁰ Алиев И. А. Проблемы судебно-экспертной профилактики: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1989. С. 6.

уголовно-правовых (здесь и далее выделено нами. – К. Ш.)»⁹¹. В том, что предлагаемое ограничение научных основ судебной экспертизы только рамками уголовно-правовой сферы не случайная оговорка автора, свидетельствуют следующие цитируемые из ее монографии положения: «*Конечной целью науки о судебной экспертизе является исследование преступности как явления уголовно-правового, разработка мер борьбы с преступлениями в специфическом аспекте, основанном на собственном предмете и средствах познания*»; «В соответствии с приведенной классификацией, наука о судебной экспертизе входит в число специальных прикладных дисциплин. С учетом специального назначения она может быть отнесена к уголовно-правовым наукам»; «Являясь самостоятельной научной единицей, наука о судебной экспертизе представляет собой элемент системы юридических знаний, в частности, подсистемы, включающей уголовно-правовые дисциплины»⁹².

Такой подход С. Ф. Бычковой к оценке предметной области экспертологического знания нашел прямое отражение в предлагаемой ею системе науки судебной экспертизы, где в качестве ключевого элемента структуры названа *методика экспертного анализа отдельных видов преступлений*, в то время как теоретическим положениям применения экспертных знаний в *гражданском и административном процессе* в предложенной системе науки не нашлось должного места. Представляется, что подобный ограничительный подход к оценке научных знаний в области судебной экспертизы не в полной мере отражает познаваемые ею закономерности и решаемые задачи, а, следовательно, не может объективно характеризовать содержательную основу рассматриваемой отрасли.

Характеристика судебной экспертологии как научного знания вытекает из особенностей в постановке ее цели и задач исследования. Для нее цель познания – раскрытие изложенных выше общих закономерностей ее предметной области. В свою очередь, всю совокупность задач данной науки можно разделить на две группы – основную и специальные.

Основная задача рассматриваемого научного знания исходит из целевой направленности института судебной экспертизы в праве: **содействие в соответствии с процессуальным законом оптимальному привлечению данных различных наук в уголовное, гражданское и административное судопроизводство посредством разработки и совершенствования научных основ организации и проведения судебных экспертиз.**

Эта основная задача конкретизируется через реализацию следующих **специальных задач**, решаемых на уровне научного осмысления и формулируемых в соответствии с определенной ее предметной областью:

а) формирование и развитие методологических основ судебной экспертизы как научного знания;

б) разработка правовых, организационных и методических вопросов совершенствования судебно-экспертной деятельности;

⁹¹ Бычкова С. Ф. Становление и тенденции развития... С. 47.

⁹² Бычкова С. Ф. Указ. соч. С. 48–50.

- в) развитие частных учений и теорий судебной экспертизы;
- г) разработка новых и совершенствование существующих средств и методов экспертного исследования;
- д) разработка и совершенствование способов использования результатов судебной экспертизы в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве;
- е) анализ и внедрение в практику организации и производства судебных экспертиз передового зарубежного опыта.

Общая и специальные задачи судебной экспертологии реализуются через решение ее **конкретных задач**. Данные задачи могут ставиться и разрешаться как общей теорией, так и отдельными ее структурными компонентами, соответственно они могут относиться как ко всему объему научного знания в области судебной экспертизы, так и к ее связям с другими областями научного знания, востребованными практической экспертной деятельностью. Примером решения конкретной задачи в общей теории судебной экспертизы является совершенствование классификации судебных экспертиз. В теории и практике существующие классификации исследуются с учетом не только конкретных целей судебной экспертизы, но и достижений науки, а также имеющихся потребностей применения в экспертизе комплексного подхода к оценке используемых специальных знаний из различных отраслей науки.

Таким образом, изложенная оценка содержания судебной экспертологии дает достаточное основание для характеристики ее как знания, претендующего на относительно самостоятельный статус как науки. Во-первых, она имеет собственный предмет познания, обладающий качественной определенностью; во-вторых, она дает целостное представление о сущности, основных свойствах и формах проявления в системе юридических наук знания о судебной экспертизе, раскрывает этапы его развития и закономерности, в силу чего может быть интерпретирована как развитое понятие сущности судебной экспертизы; в-третьих, выражает достигнутое знание о судебной экспертизе в специфических понятиях и категориях, нашедших законодательное закрепление; в-четвертых, обладает самостоятельной логикой развития, отражающей объективный процесс и закономерности развития судебной экспертизы как института права; в-пятых, ее содержание объективировано в ряде обобщающих научных исследований, преследующих в конечном счете методологическую цель – совершенствование в целом практики применения института судебной экспертизы. И, наконец, существенным элементом данной науки является формирующаяся логическая структура построения, выраженная в группировке ее элементов в единую систему, характерную для самостоятельного направления научного знания.

Этой составляющей научного содержания судебной экспертологии и посвящается следующий раздел.

2.4. О системно-структурном построении судебной экспертологии

Научные основы судебной экспертологии представляют собой определенную систему знаний, куда наряду с разработанным фундаментальным методологическим понятийным и категориальным аппаратом входят также отдельные теории, отражающие различные классы и виды экспертиз. С другой стороны, названные основы как система имеют соответствующую логическую структуру, которая, отражая предмет судебно-экспертной деятельности, отвечает на вопрос о том, какова внутренняя организация выражаемых ею теоретических знаний, проявляющаяся в последовательной и необходимой связи образующих ее элементов, упорядоченных в целое как единое знание. При анализе логической структуры судебной экспертологии важно установить, как в организации ее теоретических построений отразились особенности ее предмета, поскольку достоверные знания любая научная теория выражает в развернуто-конкретной и системно-понятийной форме, отвечая на вопрос о сущности предмета познания. Именно с этих позиций нужно рассматривать структуру научных основ судебной экспертологии как **комплексного интегративного знания**, в котором выявляется не одно, а несколько взаимосвязанных теоретических построений.

Вопросы системно-структурного анализа научных основ судебной экспертологии стали предметом специального анализа и обсуждения специалистов после изложения А. И. Винбергом и Н. Т. Малаховской собственных подходов к данной проблематике в концепции науки судебной экспертологии. По предложенному авторами первоначальному варианту данная область знания представляла собой систему, состоящую из двух основных частей: 1) общетеоретической части, которая включала такие элементы, как сущность предмета данной науки; ее законы и методология формирования и развития судебных экспертиз; место в системе научного знания; научные основы сравнительного судебного экспертоведения и его функции; обобщенное (гносеологическое) понятие объектов судебных экспертиз; история возникновения и развития судебных экспертиз; учение о свойствах и признаках объектов сравнения; задачи судебных экспертиз; правовые и организационные основы судебной экспертологии; характеристика эксперта как субъекта познания и его деятельности и ряд других вопросов; 2) виды и сущность предметных судебных экспертиз как элементов целостной системы судебной экспертологии⁹³.

Позже авторы внесли в свою концепцию корректировку, согласно которой система науки судебной экспертологии была подразделена на четыре уровня:

1) фундаментальные базовые (материнские) науки (общественные, естественные, технические);

⁹³ См.: Винберг А. И. Малаховская Н. Т. Судебная экспертология – новая отрасль науки... С. 48–49.

2) предметные судебные науки (криминалистика, судебная физика, судебная химия и др.);

3) отрасли предметных судебных наук (судебная трасология, судебное материаловедение, судебная бухгалтерия и т. д.);

4) предметные судебные экспертизы.

По мнению А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской, научные основы судебных экспертиз формируются либо непосредственно на базе материнских наук, либо через трансформацию этих наук в судебные экспертные науки, их отрасли и практическую деятельность – судебные экспертизы. Авторы впервые в специальной литературе обозначили определение общей теории судебной экспертизы как формы достоверного знания о закономерностях и методологии формирования научных основ судебных экспертиз и изложили элементы ее структурного построения. В числе последних были названы:

– морфологическое учение о симптомах, свойствах и признаках исследуемых объектов;

– учение о судебной субстанцииологии;

– учение о методах наук в судебных экспертизах;

– учение о логике в судебной экспертизе;

– учение о субъекте судебной экспертизы;

– учение о структуре связей и отношений;

– общая проблема решений экспертных задач;

– проблема экспертных информационных фондов;

– проблема комплексного экспертного исследования;

– теория экспертной профилактики;

– учение об организационных формах судебной экспертизы, научной организации труда в экспертной деятельности, координации судебных экспертных учреждений.

В качестве перспективных элементов судебной экспертологии авторы выделили учения об объектах судебных экспертиз, судебной идентификации, методах экспертного исследования, о диагностике и ситуации в экспертизах и др.⁹⁴

Надо сказать, что предложения А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской о системе науки судебной экспертологии стали предметом широкого критического анализа и обсуждения. В частности, Б. Е. Гордон в статье «К вопросу о системе судебной экспертологии», отмечая некорректность применения в названии наук первого уровня термина «фундаментальные», так как данный термин относится к наукам различных рангов, писал: «К предметным судебным наукам, кроме криминалистики, авторы отнесли судебную медицину, а также “судебные” физику, химию, биологию, психологию, психиатрию. В то же время из схемы выпали реально существующие судебная фотография и автотехника, аналитика, товароведение и соответственные им базовые науки. В схеме среди

⁹⁴ См.: Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы...)... С. 123–126.

предметных судебных наук нет “судебной математики”, но имеются “судебные” представители других фундаментальных наук»⁹⁵. Б. Е. Гордоном была предложена собственная схема трехуровневой системы судебной экспертологии, где среди базовых наук представлены криминалистика и полиграфия, военные науки и фотография, аналитика и товароведение, транспортные науки и медицина, а также генетика и серология, каждая из которых образует предметные судебные науки, а те, в свою очередь, соответствующие экспертизы.

Не будем подробно останавливаться на предложенной схеме в силу неоднозначной и необщепринятой в теории трактовки автором предлагаемых им наук. Однако отметим, что данная критическая оценка предметных судебных наук в интерпретации А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской была не единственной, высказанной в специальной литературе, что вполне объяснимо. Отчасти и потому, что предметные судебные науки, входившие в систему предложенной «науки судебной экспертологии», не отвечали ряду предъявляемых науковедением требований. К примеру, авторы пишут, что «научные знания должны быть систематизированы, вне системы нет науки». Понятно, что систематизация знаний должна проводиться прежде всего в рамках самой предметной науки хотя бы для определения своего предмета. На практике же мы убеждаемся, что анализ и в определенной степени систематизация данных той или иной отрасли знания (физики, химии, биологии и др.), если они используются в судебно-экспертной деятельности, осуществляются, как правило, в рамках криминалистической науки, поскольку названные предметные судебные науки (за исключением судебной медицины) так и не сформулировали собственной теории и методологии в качестве судебных наук.

В этом плане, на наш взгляд, во многом права Т. А. Седова, которая, подробно проанализировав рассматриваемую проблематику, пришла к выводу об отсутствии реальных оснований для признания отдельных областей знания в качестве предметных судебных наук. Так, затрагивая вопрос о применении в экспертном исследовании знаний из области химии, Т. А. Седова пишет: «Судебная химия не справилась с ролью проводника естественнонаучных методов в уголовный процесс, поскольку не смогла разработать специфические методики, которые бы эффективно решали задачи процессуального доказывания на основе естественнонаучных методов. То обстоятельство, что судебная химия была поглощена науками, которые оказались действительно способными обеспечить такую связь, – криминалистикой и судебной медициной можно объяснить проявлением тенденции современной науки к интеграции»⁹⁶.

Аналогичного взгляда придерживался А. Д. Щербаков, который отмечал, что тезис о существовании судебной физики недостаточно аргументирован.

⁹⁵ Гордон Б. Е. К вопросу о системе судебной экспертологии // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1985. Вып. 31. С. 15–21.

⁹⁶ Седова Т. А. Проблемы методологии и практики нетрадиционной криминалистической идентификации. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. С. 27.

«Судебная физика воспринимается как совокупность методов, приемов, средств, которые применяются в криминалистике, но ни одной экспертизы, в особенности криминалистической, нет без физики»⁹⁷.

Критически отнеслась к предложениям А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской и Т. В. Аверьянова, по мнению которой анализ предложенной авторами системы позволяет обнаружить в ней ряд вызывающих сомнения положений и противоречий. К примеру, ни психология, ни математика, ни другие названные авторами науки не являются для криминалистики базовыми, поскольку она сама находится в ряду материнских наук. Положение не проясняется и в том случае, если под предметной судебной наукой понимать не всю криминалистику в целом, а лишь криминалистическую технику. В этом случае мы должны констатировать, что в составе криминалистики имеется еще одна наука – предметная. В каком же качестве предстает сама криминалистика? «В качестве материнской?» – вопрошает автор и отвечает: «Приведенные в схеме “отрасли предметной судебной науки” криминалистики таковыми не являются, поскольку являются подразделами криминалистической техники (судебное почерковедение, судебное документоведение и т. п.). Таким образом, для предметной судебной науки в этой схеме просто не остается места. И, наконец, неправомерно включение в систему науки какой-то области практической деятельности, как это предложено в схеме. Практическая деятельность – не часть науки, а объект ее изучения наукой, поле приложения полученных наукой результатов, критерий истинности ее выводов и рекомендаций»⁹⁸.

С точкой зрения Т. В. Аверьяновой можно в целом согласиться, имея при этом в виду, что практическая деятельность, являясь объектом изучения науки, может рассматриваться и как ее *составная и неотъемлемая часть*, предназначенная для проверки и апробации полученных наукой результатов. Существующее традиционное разделение науки и практики как самостоятельных начал оправданно во всех случаях за исключением одного: когда речь идет об анализе и оценке научного знания. Поскольку практические потребности всегда являются стимулом развития научных отраслей знания, несмотря на то, что наука имеет определенную автономию и внутренние закономерности развития, можно говорить лишь об относительной независимости от нее практической деятельности.

Свой взгляд на системное построение общей теории судебной экспертизы изложил И. А. Алиев⁹⁹, подразделяя ее на пять разделов с последующей их разбивкой на составные элементы. Структура теории, изложенная автором, состоит из следующих основных разделов:

1. Методологические основы общей теории судебной экспертизы:

⁹⁷ Цит. по: С трибуны читательской конференции... С. 186.

⁹⁸ Аверьянова Т. В. Содержание и характеристика методов... С. 27–29.

⁹⁹ См.: Алиев А. И. Проблемы экспертной профилактики. Баку, 1991.

- Понятие, система, методология и функции общей теории судебной экспертизы. Закономерности общего и специального порядка, лежащие в ее основе.
- Дифференциация и интеграция знаний в общей теории судебной экспертизы.
- Систематизация и классификация знаний в общей теории судебной экспертизы.
- Разработка понятийного аппарата в общей и частных теориях судебной экспертизы.
- Место общей теории судебной экспертизы в системе научного знания.
- Роль общей теории судебной экспертизы в развитии судебных экспертиз.

2. *Предмет, объекты, субъекты и задачи экспертной деятельности*

- Учение о предмете и задачах общей теории судебной экспертизы.
- Учение об объектах судебной экспертизы, их свойствах и признаках.
- Учение о субъекте экспертной деятельности и ее системно-функциональный анализ.
- Логические основы экспертного исследования.
- Этико-психологические аспекты экспертной деятельности.
- Эффективность экспертной деятельности.

3. *Методы и методики в структуре экспертной деятельности*

- Учение о методах экспертной деятельности.
- Понятие, принципы и структура построения экспертной методики.
- Интеграция объектовых и методных знаний при создании и модификации экспертных методик.
- Проблемы апробации, внедрения и стандартизации экспертных методик.
- Математические модели и алгоритмы решения экспертных задач и проблема компьютеризации экспертной деятельности.
- Научные основы формирования банков данных и автоматизированных ИПС.

4. *Инфраструктура и процессуальная функция судебной экспертизы*

- Судебная экспертиза как процессуальный институт и основная форма использования специальных познаний и достижений НТП в судопроизводстве.
- Судебная экспертиза на предварительном следствии.
- Экспертиза в суде по уголовным и гражданским делам.
- Экспертиза в арбитражном и административном процессе.
- Заключение судебного эксперта в системе процессуального доказывания.
- Экспертная профилактическая деятельность.
- Закономерности организации экспертных учреждений, их роль в развитии теории и практики судебной экспертизы.

5. Частные теории судебной экспертизы

- Принципы построения отдельных классов и родов судебных экспертиз.
- Теория экспертной идентификации.
- Теория экспертной диагностики.
- Теория экспертной классификации.
- Теория экспертной профилактики¹⁰⁰.

Оценивая системы общей теории судебной экспертизы, предложенные А. И. Винбергом, Н. Т. Малаховской и И. А. Алиевым, нетрудно заметить, что авторы подошли к их раскрытию с позиции максимальной детализации структурных элементов. При этом если А. И. Винберг, Н. Т. Малаховская сводят содержание общей теории к совокупности учений, теорий и проблем, то у И. А. Алиева оно не имеет подобного четкого выражения и включает, помимо названных элементов, фактически всю разновидность известных научных конструкций – законы, закономерности, принципы, понятия, методологические основы, методы, функции и т. п.

Кроме того, мы полагаем, что в структуре, предложенной автором, наблюдается смешение отдельных теоретических положений, к примеру, вопросы предмета, задач общей теории должны охватываться первым разделом как имеющие методологический характер, в отличие от вопросов, посвященных в данном разделе объектам судебной экспертизы и отдельным сферам экспертной деятельности. Некоторые элементы системы, имеющие единый системообразующий признак, располагаются у И. А. Алиева в разных разделах. Скажем, сфера экспертной деятельности отдельно рассматривается во втором, третьем и четвертом разделах.

В приведенной системе теории, к сожалению, не соблюдено методологическое требование простоты и стройности, которое в философской литературе получило определение минимизации понятийных систем. «Требование минимизации, – пишет В. П. Ворожцов, – заключается в том, что в основу теоретической системы должно быть положено как можно меньше исходных независимых понятий и соотношений между ними»¹⁰¹. По мнению автора, соблюдение требования минимизации способствует подъему внутренней организации теории на более высокий уровень, более точному выявлению субординации ее элементов. Тем самым повышается уровень единства и целостности знания. Трудно не согласиться с его выводом о том, что «если в теоретической системе отсутствует хотя бы некоторая минимизация, то это будет неупорядоченное собрание фактов, законов, принципов, которые не сформировались в систему»¹⁰².

С этих методологических позиций оценка предложенной И. А. Алиевым структуры теории показывает, что она не носит требуемого системного

¹⁰⁰ См.: Алиев И. А., Аверьянова Т. В. Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы. Баку, 1991. С. 63–65.

¹⁰¹ Ворожцов В. П., Москаленко А. Т., Шубина М. П. Гносеологическая природа и методологическая функция научной теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 200.

¹⁰² Ворожцов В. П., Москаленко А. Т., Шубина М. П. Указ. соч. С. 200.

характера, а с точки зрения характеристики элементов, ее образующих и размещаемых по разделам, не отвечает требованию их логической совместимости.

Несколько иную интерпретацию системы научных основ судебной экспертизы предложила С. Ф. Бычкова, которая сводит научные основы судебной экспертизы к четырем крупным блокам, каждый из которых представлен присущими ему элементами в виде учений и иных теоретических конструкций:

1. *Методологические основы общей теории судебной экспертизы*

- Понятие, функции, методологическое значение общей теории судебной экспертизы.
- Система общей теории судебной экспертизы.
- Язык судебной экспертизы.
- Учение о судебной экспертизе как научно-практической деятельности.
- Учение о предмете и задачах судебной экспертизы.
- Учение об объектах судебной экспертизы.
- Учение о научных подходах и методах в судебной экспертизе.
- Учение о субъекте судебной экспертизы как профессиональной деятельности.
- Учение о закономерностях формирования и развития судебных экспертиз.
- Учение об информационных процессах в судебной экспертизе.
- Учение об экспертном прогнозировании.

2. *Экспертная техника*

- Общие положения криминалистической техники.
- Учение об экспертных технологиях.

3. *Экспертная тактика*

- Общие положения экспертной тактики.
- Учение о методических основах экспертного исследования.
- Теория решения экспертных задач.
- Учение о заключении эксперта.

4. *Методика экспертного анализа отдельных видов преступлений*

- Общие положения методики экспертного анализа отдельных видов преступлений.
- Учение об исследовании ситуации в судебной экспертизе.
- Учение о следственно-экспертных (экспертных криминалистических) задачах.
- Основные положения частных методик экспертного анализа отдельных видов преступлений¹⁰³.

Как видим, С. Ф. Бычкова разработала собственную оригинальную систему научных основ судебной экспертизы¹⁰⁴, отличающуюся тем, что не

¹⁰³ Бычкова С. Ф. Становление и тенденции развития... С. 147–156.

¹⁰⁴ Данная система общей теории судебной экспертизы автором фактически без изменений повторяется в поздней работе. См.: Бычкова С. Ф. Судебная экспертиза: научные,

повторяет предложенные ранее в науке конструкции. Более того, автором предпринята попытка расширительного толкования научных основ судебной экспертизы посредством включения в них раздела, относящегося к оценке методики экспертного анализа преступлений, что ранее никем не осуществлялось. Однако именно эта новация встретила возражение со стороны Р. С. Белкина, который отметил, что четвертый раздел структуры предлагаемой системы – методика экспертного анализа отдельных видов преступлений – вызывает сомнения. Обосновывая свою оценку, автор пишет: «Перед экспертом не может стоять задача анализа того или иного вида преступлений и даже конкретного преступления. В его компетенцию не может входить даже анализ всего механизма преступления в целом, поскольку такой анализ неизбежно должен включать в себя и анализ правовых сторон этого механизма, что явно выходит за пределы компетенции эксперта. Все это ставит под сомнение правомерность названия этого раздела структуры»¹⁰⁵.

Далее Р. С. Белкин отмечает, что ознакомление с содержанием данного раздела показывает: речь идет, в сущности, о тех типичных экспертных задачах, которые возникают в зависимости от вида преступлений, о связи между отдельными видами преступлений, характером и формами использования при их расследовании тех или иных специальных познаний, об известной типизации видов этих специальных познаний применительно к видам преступлений. Именно это и должно было выражать название рассматриваемого раздела. Касаясь же раздела “Экспертная тактика”, автор утверждал, что его содержание, скорее, соответствует понятию методики, а не тактики, поскольку речь ведется о методических основах экспертного исследования, о теории решения экспертных задач, т. е., по сути, о методике и об учении о заключении эксперта, где также просматриваются методические элементы.

Трудно не согласиться с аргументацией Р. С. Белкина и в части критической оценки предложенного С. Ф. Бычковой наименования разделов. В то же время, если оценить содержание четвертого раздела, то здесь, с нашей точки зрения, ею предпринята в целом удачная попытка показать через конкретные примеры, в частности анализ расследования дорожно-транспортного происшествия, возможности более широкого использования специальных знаний при реконструкции обстоятельств расследуемого события. При этом автор максимально учитывал пределы компетенции судебного эксперта, без какого-либо распространения ее на правовую оценку исследуемого события, с акцентированием внимания на «технической» стороне события ДТП, которое может быть относительно полно реконструировано на основе специальных знаний¹⁰⁶.

организационно-правовые и методические основы: Учеб. пособие. Алматы: Жеті жарғы, 2002. С. 126–136.

¹⁰⁵ Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2. ... С. 310.

¹⁰⁶ Бычкова С. Ф. Становление и тенденции развития... С. 260–261.

Что же касается предлагаемой автором конструкции системы общей теории судебной экспертизы в целом, хотелось бы обратить внимание на следующее. С. Ф. Бычкова пишет: «Элементы первого раздела (т. е. методологических основ. – К. III.) общей теории судебной экспертизы условно дифференцируются на три группы: относящиеся непосредственно к методологическим основам общей теории судебной экспертизы, к экспертной деятельности и к основным закономерностям развития научных основ экспертной деятельности»¹⁰⁷.

Если обратить внимание на то, что наименование элементов первой группы первого раздела аналогично названию самого раздела, то возникает естественный вопрос: относятся ли остальные две группы, содержащие элементы «экспертной деятельности» и «основных закономерностей развития научных основ экспертной деятельности», к методологическим основам общей теории судебной экспертизы? По смыслу изложенной автором структуры теории, скорее всего, да, но тогда напрашивается другой вопрос: насколько правомерно выделение в разделе о методологических основах самостоятельных групп, не относящихся к ним? В этом плане, как нам представляется, следовало бы уточнить, что подразумевается под «методологическими основами». Данное замечание может быть отнесено также и к фактам сведения к одному уровню разных по форме и содержанию теоретических конструкций. В частности, в анализируемой системе в качестве равных элементов структуры представлены учение о закономерностях формирования и развития судебных экспертиз и учение о предмете и задачах судебной экспертизы, учение об объектах судебной экспертизы и т. п. Нетрудно заметить, что первая теоретическая конструкция – учение о закономерностях формирования и развития судебных экспертиз, по сути, о познаваемых закономерностях – как более общая должна включать в себя знания и о предмете, и о задачах, и об объектах судебных экспертиз и, следовательно, должна соотноситься с данными знаниями как общее с частным.

В предложенной системе также не совсем корректно, на наш взгляд, осуществлено разделение единого знания об одном объекте – экспертных задачах – на несколько самостоятельных элементов общей теории. Так, трудно понять, какой содержательный смысл несет в себе распределение по разным разделам – «Учения о предмете и задачах судебной экспертизы», «Теории решения экспертных задач» и «Учения о следственно-экспертных (экспертных криминалистических) задачах», составляющих единую систему знания. Думается, названные элементы могли бы получить единое название в общей теории судебной экспертизы, поскольку призваны исследовать научными методами один и тот же познавательный объект – экспертную задачу.

Кроме того, нельзя не признать, что в соответствии с принципом процессуальной независимости судебного эксперта постановка вопроса о

¹⁰⁷ Бычкова С. Ф. Становление и тенденции развития... С. 151.

«следственно-экспертных задачах», какое бы обоснование, в том числе теоретическое, не вкладывалось в содержание этого понятия, изначально не соответствует ни действующему законодательству, ни общепринятому пониманию теоретических основ судебно-экспертной деятельности.

Обращает на себя также внимание то обстоятельство, что в разделе «Экспертная тактика», предложенном С. Ф. Бычковой, элементы не находятся в логической связи с наименованием раздела. Так, «Учение о методических основах экспертного исследования», «Теория решения экспертных задач» и «Учение о заключении эксперта», если исходить из их содержательной направленности, не имеют какого-либо отношения к вопросам тактики производства экспертизы не только потому, что, как указывает Р. С. Белкин, изначально относятся к методическим аспектам экспертного исследования, но и потому, что сама постановка вопроса об экспертной тактике в предложенном варианте носит несколько надуманный характер и не имеет практического значения. Об этом, в частности, свидетельствует и тот факт, что в работе С. Ф. Бычковой нет исчерпывающего анализа данного понятия и не приведены обоснования необходимости его развития в общей теории судебной экспертизы.

Ну и, наконец, главный недостаток предложенной системы – ориентирование науки о судебной экспертизе только на теоретический анализ и обоснование проблем уголовно-правового характера, о чем мы уже писали. В таком видении структура предлагаемой автором общей теории судебной экспертизы может без проблем рассматриваться как составная часть криминалистической науки, т. е. в варианте, предложенном А. А. Эйسمаном. Кстати, в этом случае предмет данной теории не будет в целом расходиться с определением предмета криминалистики, сформулированным Р. С. Белкиным.

Таким образом, исследование предложенного варианта системы и структуры научных основ судебной экспертизы позволяет сделать вывод о необходимости усилить обоснованность отдельных изложенных положений, а возможно, и иначе сконструировать предлагаемую структуру в целях либо расширения ее предметной области на сферу гражданского и административного судопроизводства, либо исключения акцентирования научных положений судебной экспертизы только на его отдельной стороне.

Поскольку поиск оптимального решения рассматриваемой проблемы продолжался и продолжается, мы в свое время считали необходимым высказать по ней некоторые суждения, безусловно, допуская при этом возможность иных подходов, пусть не совпадающих с предлагаемым нами¹⁰⁸.

При этом мы учитывали то, что при построении любой теоретической конструкции надо исходить прежде всего из принципа соответствия ее системы и структуры содержанию и структуре познаваемого объекта. Следуя этому принципу, в качестве основных элементов научных основ судебной экспертизы мы выделили следующие положения, которые нашли место в

¹⁰⁸ Шакиров К.Н. Судебная экспертиза: проблемы теории и практики... 288 с.

предложенном нами ранее определении судебной экспертологии как науки, а в дальнейшем при ее структуризации:

1. Положения, отражающие познание объективных закономерностей действительности, раскрывающих представления о понятии и содержании общей теории, ее предмете, цели и задачах, месте в системе научного знания, т. е. методологию становления, формирования и развития судебной экспертизы *как научного знания*.

2. Положения науки, обеспечивающие познание объективных закономерностей действительности, раскрывающих научные, правовые, организационные и методические основы осуществления судебной экспертизы *как разновидности экспертной деятельности*.

Такое разделение научных основ судебной экспертизы является весьма условным, однако дает возможность конкретизации рассматриваемого знания в соответствии с требованием научного осмысления его содержания не просто как теории, но и как отражения ею конкретной практической деятельности.

С учетом изложенных положений общая теория судебной экспертизы была представлена в виде системы, имеющей следующее структурное построение:

Введение в теорию и методологию судебной экспертизы.

Научные основы судебной экспертизы как практической деятельности.

Организационные и методические основы судебной экспертизы.

Основы правового регулирования судебной экспертизы.

Частные теории судебных экспертиз.

Каждый из разделов представленной структуры основывался на теоретических конструкциях различного уровня общности, при этом соблюдался принцип их обязательного распространения на весь объект познания – судебные экспертизы. Более подробно структурное построение общей теории судебной экспертизы, предложенное нами, выглядело следующим образом:

1. Введение в теорию и методологию судебной экспертизы

- Предмет общей теории судебной экспертизы.
- Методологические основы общей теории судебной экспертизы.
- Система общей теории судебной экспертизы.
- Задачи и функции общей теории судебной экспертизы.
- Понятийный аппарат (язык) общей теории судебной экспертизы.

2. Научные основы судебной экспертизы как практической деятельности

- Учение о предмете судебной экспертизы.
- Учение о задачах судебной экспертизы и уровнях их решения.
- Учение об объектах судебной экспертизы.
- Учение о методах судебной экспертизы.
- Учение о судебном эксперте и структуре экспертного познания.
- Общие принципы классификации судебных экспертиз.

3. Организационные и методические основы судебной экспертизы

- Учение о научной организации судебно-экспертной деятельности.
- Учение о принципах построения методик экспертного исследования.

4. Основы правового регулирования судебной экспертизы

- Судебная экспертиза как институт специальных знаний в судопроизводстве.
- Учение о заключении судебного эксперта.

5. Частные теории судебных экспертиз

В предложенной структуре частные теории были выделены в самостоятельный раздел и представлены теориями отдельных видов судебных экспертиз, либо научными положениями, распространяющимися на отдельные стороны экспертной деятельности, например такими, как теория экспертной идентификации, теория экспертного прогнозирования и т. д. При этом к характеристике судебной экспертологии как знания допустимо предлагаемое отдельными учеными, ее определение *как метатеории*, т. е. теории более высокого уровня по отношению к интегрированным ею научным положениям частных теорий, имеющих отношение к экспертной деятельности.

«Метатеория, – как верно указывала Т. В. Аверьянова, – это не просто синтез ее оснований, а качественно новое знание, обладающее своеобразной структурой со специфическими связями элементов этой структуры»¹⁰⁹. Кстати, своеобразием отличается собственная модель структуры общей теории судебной экспертизы, предложенная Т. В. Аверьяновой, которая состоит из следующих элементов:

- Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы.
- Учение о судебной экспертизе как разновидности практической деятельности.
- Учение о закономерностях формирования и развития судебных экспертиз.
- Учение о предмете и задачах судебной экспертизы.
- Учение об объектах судебной экспертизы, их свойствах и признаках.
- Учение о субъекте экспертной деятельности.
- Теория процессов, отношений и целей экспертной деятельности.
- Учение о методах общей теории судебной экспертизы и экспертного исследования.
- Учение о средствах и формах коммуникативной деятельности при производстве судебных экспертиз и информационных процессах.
- Теория экспертного прогнозирования.
- Частные теории отдельных родов и видов судебных экспертиз.

По мнению автора, «концептуальные основы общей теории судебной экспертизы – это в основном науковедческая часть теории. Здесь следует рассмотреть и сформулировать понятие предмета общей теории судебных

¹⁰⁹ Аверьянова Т. В. Содержание и характеристика методов... С. 4.

экспертиз, как группы объективных закономерностей, “управляющих” экспертной деятельностью, сконструировать систему этой теории и определить ее место в системе научного знания»¹¹⁰. Из сказанного следует вывод, что предметом рассматриваемой теории как теории о судебной экспертизе, т. е. определенной области практической деятельности, могут быть только объективные закономерности самой этой деятельности, а не развитие ее научных основ. Последние представляют сферу исследования науковедения, что не исключает участия в этих исследованиях специалистов в области судебной экспертизы. Данный аспект нами будет рассмотрен ниже, поскольку, на наш взгляд, требует специального рассмотрения.

Позже Т.В. Аверьянова фактически повторила изложенную структуру в другом фундаментальном труде¹¹¹, переименовав раздел о субъекте судебной экспертизы в раздел о субъекте судебно-экспертной деятельности и дополнив ее следующим разделом «Заключение эксперта в системе процессуального доказывания», тем самым включив в структуру общей теории судебной экспертизы процессуальный аспект, относящийся к результатам деятельности эксперта.

При этом автор предлагает следующее определение общей теории судебной экспертизы – «это система мировоззренческих и праксеологических принципов как самой теории, так и ее объекта – экспертной деятельности, частных теоретических построений в этой области научного знания, методов развития теории и осуществления экспертных исследований, процессов и отношений – комплексное научное отражение судебно-экспертной деятельности как единого целого»¹¹².

Надо отдать должное Т.В. Аверьяновой – она достаточно подробно и критически проанализировала все выше приведенные и иные предлагаемые учеными взгляды на предмет, систему и структуру научных основ судебной экспертизы.

Не обошла она критическим вниманием и наши предложения. Мнение автора на это счет считаю нужным привести полностью с соответствующими комментариями. Приведя вышеизложенное нами определение общей теории судебной экспертизы, и кратко изложив предлагаемую нами ее структуру, Т.В. Аверьянова пишет: «Такая концепция общей теории судебной экспертизы вызывает у нас известные возражения. Предметом рассматриваемой теории как теории о судебной экспертизе т.е. определенной области практической деятельности, могут быть только объективные закономерности самой этой деятельности, а не развития ее методологических, правовых и организационных основ. Первое представляет собой сферу исследования науковедения, что, разумеется, не исключает участия в этих исследованиях специалистов в области судебной экспертизы. Второе – сферу исследования уголовно-процессуальной науки. Рассмотрение судебной экспертизы как процессуального института, процедур ее

¹¹⁰ Аверьянова Т. В. Содержание и характеристика методов... С. 13–14.

¹¹¹ Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. - М.: Норма, 2008. – 480 с.

¹¹² Аверьянова Т.В. Указ. соч... С. 43.

проведения на разных стадиях судопроизводства, в уголовном, гражданском, арбитражном процессах и делах об административных правонарушениях не является предметом общей теории судебной экспертизы, да и вообще предметом теории, а есть не что иное, как изложение нормативного материала, хотя бы даже с комментариями.

Наконец, третье относится к компетенции такой науки, как наука управления, ее разделу научной организации труда эксперта. Что касается закономерностей формирования и развития методических основ, то они являются лишь частью той практической деятельности, которая составляет объект общей теории судебной экспертизы»¹¹³.

Отвечая на критику, мы должны подчеркнуть следующее: отличие изложенной нами системы общей теории судебной экспертизы от других, встречающихся в специальной литературе, заключалось в том, что в ней прежде всего были выделены две относительно самостоятельные структуры судебной экспертизы как единого знания: *научоведческая* и *праксеологическая* (в смысле наиболее целесообразной научно-практической деятельности, формируемой на основе общих норм, обобщения и аккумуляции опыта), при этом особенность каждого элемента структуры была выражена теоретическими конструкциями, по своему содержанию *реально* подтверждающими строгую принадлежность к статусу представляемой структуры. К примеру, если первый раздел – Введение в теорию и методологию судебной экспертизы – представлен положениями, освещающими проблемы общей теории как научного знания, *носящими науковедческий характер*, то в других разделах раскрывались теоретические положения, непосредственно характеризующие научные основы *экспертной деятельности*.

К сожалению, несоблюдение отдельными учеными логической последовательности такого рода при изложении концепций системы общей теории судебной экспертизы (приравненной в нашем понимании к науке судебной экспертологии) приводит часто к смешению в предлагаемых ими структурах разных по предметной направленности учений, теорий, принципов и положений, освещающих различные стороны общего объекта исследования. Например, учение о предмете, задачах судебной экспертизы как практической деятельности, а не теории относится отдельными учеными к методологическим основам общей теории судебной экспертизы, что, на наш взгляд, не совсем верно.

Именно потребность в науковедческом осмыслении общей теории судебной экспертизы, как сформировавшегося научного знания, явившегося отражением всей сферы судебно-экспертной деятельности, заставляет всех исследователей обращаться к анализу этого знания как самостоятельного с целью выявления и уточнения и отграничения его предмета от других научных отраслей. Ни одному автору, претендующему на анализ любой новой формируемой научной отрасли, не избежать исследования

¹¹³ *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории ... С. 38.

научно-исследовательских аспектов даже если эта наука позиционируется в перспективе как прикладная. Ожидать, что придут специалисты из области науковедения и все разложат по полочкам не приходится. Здесь, думается, следует возразить Т. В. Аверьяновой, поскольку научно-исследовательские проблемы судебной экспертизы, если они востребованы, актуализированы и требуют поиска вариантов их решения, должны в первую очередь исследоваться в научной сфере, отражающей данную область, а именно – в судебной экспертологии. Эту ситуацию, надо думать, признает и автор, так как включает концептуальные основы общей теории судебной экспертизы в качестве первого, а, следовательно, значимого раздела предложенной ею структуры теории.

Если следовать по пути жесткой дифференциации знаний, как это предполагается автором, то вопросы о методах общей теории судебной экспертизы необходимо отдать на изучение методологам, вопросы организации экспертной деятельности – специалистам в области НОТ, ну а развитие теории экспертного прогнозирования – ученым из соответствующей области. Практика подтверждает, что никто, кроме ученых, имеющих отношение к судебной экспертизе, никогда не будет *целенаправленно* заниматься разработкой названных вопросов, что вполне объяснимо.

Надлежащее разрешение проблем практики через анализ ее научно-исследовательских начал и наоборот – основное условие совершенствования теории и практической деятельности. Не является в этом плане исключением и судебная экспертиза. Здесь уместно привести классическое определение П. В. Копнина о том, что «любая отрасль научного знания может плодотворно развиваться, если она превращает свои теории с самого начала их возникновения в метод достижения нового знания и практического преобразования действительности»⁶⁸. Задача превращения концептуальных основ общей теории судебной экспертизы в метод достижения нового знания об экспертной деятельности и ее практического преобразования не может быть возложена на кого-либо, кроме как на специалистов этой области. В этом, может быть, и заложена одна из основ закономерных претензий данной теории на относительную самостоятельность. В другом случае, трудно представить предлагаемую Т. В. Аверьяновой модель как отражение единого знания, претендующего на статус самостоятельной теории (науки).

При этом хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на то что наука имеет определенную автономию и внутренние закономерности развития, практические потребности всегда являются стимулом развития научных отраслей знания, именно поэтому можно говорить лишь об относительной независимости от нее практической деятельности.

Таким образом, особенность предложенного нами варианта системы общей теории судебной экспертизы заключается в том, что структура научных основ судебной экспертизы, а именно судебной экспертологии, основываясь *на научно-исследовательских положениях*, в дальнейшем раскрывается с точки зрения анализа научных, организационно-методических и правовых основ экспертной деятельности, т. е. тех элементов, которые в силу своего

интегративного характера экспертного знания требуют осуществления теоретического осмысления на единых началах. Так, организационно-методические основы судебной экспертизы должны опираться на научные основания, раскрывающие ее сущность, которые, в свою очередь, не могут не учитывать правовые требования по должному осуществлению экспертной деятельности в судопроизводстве.

То, что мы акцентируем внимание на правовых началах экспертной деятельности как системной составляющей рассматриваемой теории, объясняется тем, что по своему содержанию, включающему в качестве структурных компонентов научные положения криминалистики, правовых, общественных, естественных и технических наук, общая теория судебной экспертизы является развивающейся отраслью, прежде всего, юридической науки. Здесь вполне приемлемы отчасти те обоснования ее юридической сущности, которыми в свое время была охарактеризована криминалистическая наука. Данные обоснования применительно к судебной экспертологии как отрасли правовой науки заключаются в следующем:

- ее предмет и объекты познания лежат в сфере правовых явлений;
- ее служебная функция, решаемые ею задачи относятся к правовой сфере деятельности государственных органов, к правовым процессам (расследование, судебное разбирательство);

- все рекомендации, разрабатываемые общей теорией судебной экспертизы для практики, носят строго выраженный правовой характер, должны быть основаны на законе, соответствовать его духу и букве, поскольку вызваны к жизни потребностями объективного установления истины по уголовным, гражданским и административным делам;

- правовая сущность данной науки проявляется в нормативно-юридической функции, свойственной ей как отрасли правоведения, под воздействием которой многие научные рекомендации в сфере регулирования судебной экспертизы вводятся на законодательном уровне;

- судебная экспертология связана со многими науками, однако связи эти носят вспомогательный характер по отношению к ее изначальному основанию, базирующемуся на праве, процессуальной науке, экспертной, следственной и судебной практике;

- исторически общая теория судебной экспертизы трансформировавшись в итоге науку судебной экспертологии зародилась именно в рамках правовых наук – криминалистики и уголовного процесса.

Относясь к сфере юридических дисциплин и опираясь на потребности судебной экспертизы, данная наука отражает в своих построениях принципы правового регулирования экспертной деятельности, что также позволяет сделать вывод о том, что она обладает всеми качествами **правовой научной теории**. Не исследовать этот компонент судебная экспертология не может, именно поэтому в ее структуру включаются основы правового регулирования судебной экспертизы. Думается, что именно поэтому Т.В. Аверьянова включает раздел «Заключение эксперта в системе процессуального доказывания» в структуру предлагаемой ею общей теории судебной

экспертизы. Кроме изложенных выше замечаний, ею высказаны и другие, затрагивающие вопросы терминологической характеристики теории и методологии и их соотношения, которые будут рассмотрены нами далее.

Пока же отметим, что один из концептуальных анализов всего перечня рассмотренных выше вопросов по систематизации и структуризации научных знаний о судебной экспертизе и определению ее предметной научной области был представлен Е. Р. Россинской¹¹⁴.

С учетом того факта, что автором предложен оригинальный взгляд на рассматриваемые вопросы, считаем необходимым остановиться на нем несколько подробнее в собственном изложении, не меняя сути изложенной концепции.

В своей публикации Е. Р. Россинская, кратко остановившись на предложениях в данной сфере знания, которые нами рассмотрены выше, приводя определение общей теории судебной экспертизы, данное Т.В. Аверьяновой, отмечает, что оно сыграло огромную роль в период становления данной теории и, на наш взгляд, справедливо подчеркивает, что формулируя это определение, Т. В. Аверьянова исходила из праксеологического подхода, при этом ею разрабатывалась теория не науки, а сугубо практической деятельности.

Учитывая данное обстоятельство, Е. Р. Россинская вполне обоснованно пишет: «Думается, что возрастание роли специальных знаний в судопроизводстве, развитие теории и практики судебной экспертизы обуславливает необходимость некоторого переосмысления концепции общей теории судебной экспертизы как междисциплинарной теории и поднимает ее до уровня полноценной науки, для которой тесны уже рамки праксеологии»¹¹⁵.

Далее Е. Р. Россинская отмечает, что основные отличия концепции Т. В. Аверьяновой по структуре общей теории судебной экспертизы связаны, в первую очередь, с исключением рассмотрения в рамках общей теории судебной экспертизы правовых и организационных основ экспертной деятельности. Но то что не вызывало возражений 20 лет назад, отмечает автор, не отвечает реалиям сегодняшнего дня, когда насущной стала задача унификации законодательства о судебно-экспертной деятельности независимо от вида процесса.

Те же возражения, обращает внимание Е.Р. Россинская, можно выдвинуть и касательно организационных основ судебно-экспертной деятельности. Р. С. Белкин, а за ним и Т. В. Аверьянова утверждают, что организационные основы судебной экспертизы – область науки управления. Т. В. Аверьянова не развивает далее этот тезис, но он ранее получил развитие в Курсе криминалистики Р. С. Белкина, который считал, что «следует всячески приветствовать исследование криминалистами *на современном этапе организационных проблем экспертной деятельности*». «Неясно, - задается вопросом Е.Р. Россинская, - почему эта роль отводится криминалистам?»,

¹¹⁴ Россинская Е.Р. Современная концепция судебной экспертологии ... С. 96-100

¹¹⁵ Россинская Е.Р. Указ. соч... С.99.

указывая, что с момента написания Курса прошло уже 13 лет, существенно изменились страна и практика.

Более того, сама профессор Т. В. Аверьянова косвенно отмечает важность правового обеспечения судебно-экспертной деятельности, когда включает в структуру теории судебных экспертиз «Учение о субъекте судебной экспертизы» и «Заключение эксперта в системе процессуального доказывания».

И, наконец, приведем вывод, к которому в этой связи приходит Е. Р. Россинская: «Теоретические основы правового, но не процессуального, и научно-организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности должны разрабатываться не теорией судебной экспертизы (здесь, безусловно, правы и Т. В. Аверьянова и Р. С. Белкин), а именно *судебной экспертологией* – наукой о судебной экспертизе, в то время как процессуальные аспекты остаются в ведении наук процессуального права.

Таким образом, говоря об изучении закономерностей судебно-экспертной деятельности в целом, нельзя оставить в стороне изучение закономерностей единого правового и организационного обеспечения этой деятельности, независимо от вида процесса. Поэтому думается, что общее название – «судебная экспертология» в настоящий момент больше соответствует реальному положению вещей»¹¹⁶.

Со всеми вышеизложенными взглядами Е.Р. Россинской по определению и структурированию научных основ судебной экспертизы мы не можем не согласиться, поскольку они, как видно, в основном перекликаются с высказанными нами ранее предложениями.

Определившись с принципами структурного построения науки судебной экспертологии, Е.Р. Россинская рассматривает ее предмет как «теоретические, правовые и организационные закономерности осуществления судебно-экспертной деятельности в целом; закономерности возникновения, формирования и развития классов, родов и видов судебных экспертиз и их частных теорий на основе единой методологии, унифицированного понятийного аппарата и с учетом постоянного обновления и видоизменения судебно-экспертных знаний, и разрабатываемые на основе познания этих закономерностей единые для всех видов судопроизводства унифицированные экспертные технологии, стандарты экспертных компетенций и сертифицированных экспертных лабораторий, единое правовое и организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности»¹¹⁷.

Исходя из определения предмета судебной экспертологии, ею предлагается следующая модель общей структуры науки:

1. Общая теория судебной экспертологии

– концептуальные основы судебной экспертологии: предмет, задачи, система, функции;

¹¹⁶ Россинская Е.Р. Современная концепция судебной экспертологии... С.100.

¹¹⁷ Россинская Е.Р. С. Указ. соч... С. 100

- классификации судебных экспертиз по родам и видам, учение о закономерностях формирования и развития родов и видов судебных экспертиз;
- учение о предмете и задачах судебной экспертизы;
- учение об объектах судебной экспертизы, их свойствах и признаках;
- теория экспертной идентификации;
- теория экспертной диагностики;
- теория экспертного прогнозирования;
- учение о формах и средствах коммуникативной деятельности эксперта;
- общие положения частных теорий отдельных родов и видов судебных экспертиз (понятие частной экспертной теории, ее предмета, задач, объектов).

2. Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности

- эксперт как субъект правоприменительной и правотворческой деятельности, его правовой и профессиональный статус;
- специалист как субъект правоприменительной деятельности;
- правовая основа деятельности государственных судебно-экспертных учреждений и негосударственных судебно-экспертных организаций, полномочия и ответственность их руководителей;
- форма и содержание заключения судебной экспертизы и особенности его оценки и использования в судопроизводстве.

3. Организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности

- судебная экспертиза как разновидность практической деятельности;
- организация, структура, функции государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений;
- информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности;
- профессиональная деятельность и подготовка судебного эксперта, экспертная дидактика;
- психологические основы профессиональной деятельности судебного эксперта; профессиональная этика судебного эксперта.

4. Судебно-экспертные технологии

- методология судебно-экспертной деятельности;
- процесс экспертного исследования и его стадии,
- судебно-экспертные методик, их типизация, стандартизация и паспортизация, валидация экспертных методик.
- профилактическая деятельность эксперта, экспертные ошибки и их профилактика.

Как видно, в усеченном виде предлагаемая Е.Р. Россинской структура судебной экспертологии состоит из 4-х блоков:

1. Общая теория судебной экспертологии.
2. Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности.
3. Организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности.
4. Судебно-экспертные технологии.

В этой связи в целях сопоставления приведем структурное построение ранее предлагавшееся нами:

1. Введение в теорию и методологию судебной экспертизы
2. Научные основы судебной экспертизы как практической деятельности
3. Организационные и методические основы судебной экспертизы
4. Основы правового регулирования судебной экспертизы
5. Частные теории судебных экспертиз.

Несмотря на некоторую схожесть отдельных разделов, предлагаемые системы судебной экспертологии имеют совершенно различные подходы к конструированию системы научного знания, обслуживающего судебно-экспертную деятельность. Дело в том, что мы в отличие от Е. Р. Россинской продолжаем исходить из двух начал исследуемого знания о судебной экспертизе – научного и праксеологического, являющихся взаимосвязанными, однако относительно автономными в процессе, как научного анализа, так и осуществления практической деятельности. Другое дело, что содержательная основа этих начал должна корректироваться, а точнее совершенствоваться в процессе взаимодействия.

Учитывая ранее прозвучавшие критические замечания в адрес предлагаемого нами структурного построения научных основ судебной экспертизы, а точнее судебной экспертологии, ниже нами предлагается несколько переработанный вариант системы и структуры рассматриваемой науки, воспринявшей отдельные положения, предложенные Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Россинской и другими учеными.

1. Концептуальные основы судебной экспертологии как отрасли научного знания

- предмет, задачи, система судебной экспертологии;
- методология, методы и функции судебной экспертологии;
- понятийный аппарат судебной экспертологии как научного знания.

2. Научные основы судебно-экспертной деятельности

- учение о закономерностях формирования и развития судебных экспертиз;
- учение о предмете судебной экспертизы;
- учение о задачах судебной экспертизы и уровнях их решения (экспертная диагностика; экспертное классифицирование; экспертная идентификация; экспертная ситуалогия);
- учение об объектах судебной экспертизы, их свойствах и признаках;
- учение о методах судебной экспертизы;
- общие принципы классификации судебных экспертиз;
- учение об экспертном прогнозировании;
- учение об экспертной профилактике;
- учение о формах и средствах коммуникативной деятельности эксперта;
- общие положения частных теорий судебных экспертиз.

3. Организационные основы судебно-экспертной деятельности

- учение о научной организации судебно-экспертной деятельности;
- информационно-аналитическое обеспечение судебно-экспертной деятельности;

- организация профессиональной подготовки и деятельности судебного эксперта;
- психологические основы профессиональной деятельности судебного эксперта и профессиональная этика судебного эксперта.

4. Методические основы судебно-экспертной деятельности

- учение о методологии судебно-экспертной деятельности;
- учение о принципах построения и внедрения методик экспертного исследования.

5. Правовые основы судебно-экспертной деятельности

- учение о судебной экспертизе как институте специальных знаний в судопроизводстве;
- учение о заключении эксперта.

Таким образом, судебную экспертологию можно охарактеризовать как науку, предметом которой является познание закономерностей формирования и развития концептуальных основ экспертного знания, а также научных, организационных, методических и правовых основ судебно-экспертной деятельности и разрабатываемых на основе познания этих закономерностей рекомендаций по научно обоснованному применению судебно-экспертных знаний в практике уголовного, гражданского и административного судопроизводства.

Систематизация и структуризация всего комплекса знаний о судебной экспертизе в рамках науки судебной экспертологии не только позволяют говорить о ней как обособленном и структурированном, но и дают возможность с системных позиций взглянуть на те элементы экспертологического знания, которые наиболее приспособлены для совершенствования судебно-экспертной деятельности в качестве эффективных познавательных инструментов. С другой стороны, подобная систематизация позволяет выявлять проблемные вопросы, требующие своего разрешения. Среди таковых, наряду с другими, можно выделить вопрос об оценке методологической значимости судебной экспертологии как отражения практической деятельности, призванной обслуживать судопроизводство. Данному вопросу посвящен следующий раздел нашего исследования, отчасти показывающий значение системных построений теории для практического воплощения ее положений.

2.5. Методология судебной экспертологии и ее функции как инструмента познавательной деятельности

Как было уже показано, на нынешнем этапе своего развития общая теория судебной экспертологии является систематизированным отражением формирующегося знания в форме научной дисциплины, призванной обеспечивать решение практических задач, возникающих в судебной практике в связи с потребностью привлечения специальных экспертных знаний. Анализ формы и содержания данной научной сферы предполагает не только выявление ее предметной области, объектов, задач, системы и ряда

других гносеологических категорий и понятий, но и уяснение практической значимости рассматриваемого теоретического построения в качестве инструмента познавательной деятельности. Обусловлено это тем, что содержательное предназначение любой научной теории определяется прежде всего осознанным отражением познаваемой объективной реальности в форме организованной системы знания в целях формирования законов, принципов, средств и методов объяснения закономерностей ее развития. Формируя средства познавательной предметно-практической деятельности, теория в то же время обеспечивает развитие научного знания, «создает условия для хранения и передачи эталонов и стандартов познавательной деятельности»¹¹⁸.

Выявляя и объясняя закономерности становления и развития института судебной экспертизы, ее правового, организационного и методического обеспечения, судебная экспертология как форма достоверного знания не может игнорировать концептуальный аппарат, разработанный философской наукой для осмысления накопленного научного материала с позиций методологии и разработанного ею категориального аппарата.

Говоря о значении методологического анализа для науки, В. А. Лекторский и В. С. Швырев отмечали: «Исследование природы научного познания, осознание природы и средств научного исследования, рефлексия над ними, их методологический анализ выступают как проявление общей закономерности развития научной деятельности и имеют не только внутринаучное, но и социально-культурное значение. От уровня самосознания науки, ее методологического анализа в настоящее время зависит, как она будет выполнять свои функции»¹¹⁹.

В другой работе В. С. Швырев уточняет, что любая рефлексия над научным знанием (даже если она ориентирована непосредственно на внутренние проблемы науки) потенциально содержит в себе зародыши философской проблематики, она неявно опирается на предпосылки, которые при их осознании и превращении в предмет анализа в конечном счете предполагают определенные философские позиции¹²⁰.

В силу своей важности и значимости философским и методологическим проблемам судебной экспертологии как отрасли научного знания и практической деятельности уделяется определенное внимание в специальной литературе, посвященной исследуемой сфере¹²¹.

¹¹⁸ *Ракитов А. И.* Философские проблемы науки: системный подход. М., 1977. С. 232.

¹¹⁹ *Лекторский В. А., Швырев В. С.* Методологический анализ науки: Типы и уровни // *Философия. Методология. Наука.* М., 1972. С. 7–8.

¹²⁰ *Швырев В. С.* Научное познание как деятельность. М.: Политиздат, 1984. С. 488.

¹²¹ См.: *Аверьянова Т. В.* Содержание и характеристика методов...; *Белкин Р. С.* Понятие методологии советской криминалистики в свете ленинской теории отражения; *Он же.* Курс советской криминалистики: В 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М.: Акад. МВД СССР, 1978; *Бычкова С. Ф.* Становление и тенденции развития...; *Винберг А. И., Малаховская Н. Т.* Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы...); *Зорин Г. А.* Криминалистическая методология. Минск, 2000; *Корухов Ю. Г.* Формирование общей теории судебной экспертизы...; *Эйсман А. А.* Экспертология в системе научного знания...

В то же время нужно признать, что концептуальные вопросы методологического анализа системы знаний о судебной экспертизе требуют отдельного и глубокого рассмотрения.

В литературе отмечается, что основу методологии составляют система идей, принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе. В этой связи В. С. Тюхтин пишет: «Понятие методологии имеет две стороны, которые следует различать. Первая – это учение о методах научного познания и преобразования мира как определенная рефлексия над самой познавательной и преобразующей мир деятельностью субъекта. Следовательно, анализ форм, в частности средств, методов познавательной деятельности, есть одна из задач методологического анализа. Другая задача раскрытия понятия методологии связана с тем, что само содержание знания – понятия, модели, гипотезы, теории, выводы и т. п. – имеет *методологическую функцию*»¹²².

Для понимания методологической значимости судебной экспертологии весьма важно принять во внимание следующие исходные положения, изложенные в науке и имеющие принципиальное, на наш взгляд, значение: методология как форма познания органически вплетается в ткань науки и ее исследовательский процесс. Поэтому в реально существующих науках она не часть, не раздел научных дисциплин, а аспект познавательной деятельности наряду с логическим аспектом ее деятельности. Метод и методология всякой области знания должны базироваться на теории изучаемого объекта, однако ни теория предмета, ни теория познавательной деятельности еще не есть методология. Чтобы стать методологией, теория должна быть подвергнута соответствующему преобразованию, суть которого мыслится как выработка предписаний в данной области научного исследования. Наука является противоречивым единством знания и творческой деятельности ученых. Противоречие знания и научной деятельности разрешается в методе – самом подвижном и революционном элементе любой науки.

В свою очередь, метод – это особый вид знания о способах, приемах и процедурах, нормах исследования, предписаниях и требованиях к мыслящему субъекту, руководствуясь которыми он совершает те или иные операции, проверяя тем самым истинность используемых правил, а соответственно, и знаний, лежащих в их основе¹²³.

В существующих формулировках метода довольно часто он определяется через теорию, а два этих понятия иногда рассматриваются как синонимы. Поэтому при анализе концептуальных положений общей теории судебной экспертизы, направленных на освещение познавательной деятельности, очень важно провести четкую грань между методом и теорией, а также методом и методикой. «Метод, – считает В. С. Швырев, – это путь

¹²² Тюхтин В. С. Гносеология, теория отражения и методология научного исследования в системе материалистической диалектики // Диалектика. Познание. Наука. М.: Наука, 1988. С. 29.

¹²³ См.: Москаленко А. Т., Погоразде А. А., Чечулин А. А. и др. Методология в сфере теории и практики. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. С. 56.

исследования, познания, теория, учение – в широком смысле сознательный способ достижения какого-либо результата, осуществления определенной деятельности, решения задач»¹²⁴.

«Теория и метод, – пишут, в свою очередь, А. Т. Москаленко, А. А. Погорадзе, А. А. Чечулин, – органически взаимосвязаны и взаимообусловлены. Эта особенность является внутренней закономерностью их функционирования, важнейшей предпосылкой их совершенствования и развития. Вместе с тем они находятся в диалектическом противоречии, существуют как относительно самостоятельные формы, взаимное соответствие которых не всегда является полным. Различие и относительная самостоятельность в функционировании теории и метода предопределяются тем, что они выполняют различные функции. Если назначение теории – дать как можно полное описание и всестороннее объяснение действительности через раскрытие ее необходимых и закономерных связей, то метод служит для определения форм осуществляемой деятельности субъекта по отношению к познаваемому объекту, для определения того, какие операции субъект должен совершить, чтобы достичь поставленной цели»¹²⁵.

Что касается различий между методом и методикой, то они в философской литературе определяются следующим образом: «Методика – это фиксированная совокупность приемов практической деятельности, приводящая к заранее определенному результату. В отличие от *метода* в задачу методики не входит теоретическое обоснование полученного результата, она концентрируется на технической стороне эксперимента и на регламентации действий исследователя»¹²⁶.

С другой стороны, методике надо отличать от методологии, поскольку они представляют собой вполне самостоятельные формы познания, характеризующиеся специфическими признаками. В этом плане методика – совокупность приемов частнонаучного исследования, набор правил и процедур исследования, основывающихся на инструментальных методах и включающих в себя навыки, технику обработки фактического материала, нацеленные на аналитическое изучение предметов и явлений, их свойств и признаков. Методология и методика взаимосвязаны, но при этом методика занимает подчиненное положение.

В отличие от методологии в задачу **методики** входит теоретическое обоснование полученного результата, при этом она концентрируется как на аналитической и технической стороне исследования, так и на регламентации действий исследователя. В соответствии с Законом РК «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан» **методика судебно-экспертного исследования** – система методов, применяемых при изучении объектов судебной экспертизы для установления обстоятельств, относящихся к предмету определенного рода, вида судебной экспертизы.

¹²⁴ Швырев В. С. Метод // Новая филос. энцикл.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 551.

¹²⁵ Москаленко А. Т., Погорадзе А. А., Чечулин А. А. и др. Указ. соч. С. 20.

¹²⁶ Мирский Э. М. Методика // Новая филос. энцикл. Т. 2. С. 552.

Как видно из приведенного определения задачей методике служит познание не научных закономерностей в сфере судебной экспертологии, а конкретных объектов практической экспертной деятельности.

В специальной литературе под методом понимается особый вид знания о способах приемах и процедурах, нормах исследования, предписаниях и требованиях к мыслящему субъекту, руководствуясь которыми он совершает те или иные операции, проверяя тем самым истинность используемых правил, а, соответственно, и знаний, лежащих в их основе.

Согласно законодательному определению – **метод судебно-экспертного исследования** – система логических и (или) инструментальных операций (способов, приемов), применяемых при изучении объектов судебной экспертизы для установления обстоятельств, относящихся к предмету судебной экспертизы. Методы судебной экспертизы - это наиболее оптимальные способы решения задач, возникающих в теории и практике судебных экспертиз, которые в судебной экспертологии как и в других науках классифицируются на общенаучные и специальные.

Общенаучные – методы, используемые во всех науках и сферах практической деятельности. Среди последних широко применяются чувственно-рациональные, логические, математические, кибернетические методы.

Чувственно-рациональные методы:

- наблюдение – восприятие какого-либо объекта, явления, процесса, осуществляемое преднамеренно и целенаправленно с целью его изучения;
- описание – графическая или вербальная фиксация признаков объекта;
- сравнение – сопоставление свойств или признаков объектов с целью установления связей и отношений;
- эксперимент – опытное воспроизведение процессов или явлений события для изучения его связей с другими событиями;
- моделирование – исследование объекта посредством замены оригинала и воспроизведения его признаков на аналоге.

Логические методы:

- анализ – мысленное разложение целого на части;
- синтез – изучение объекта в его целостности, в единстве и взаимной связи его частей;
- дедукция – процесс познания от общего к частному;
- индукция – процесс познания от частного к общему;
- гипотеза – предположение о фактах, событиях, явлениях;
- аналогия – сопоставление объектов материального мира и их отражений с подобными.

Специальные – это методы, привлекаемые в практическую деятельность, сфера применения которых ограничена одной или несколькими науками, например физики, химии, антропологии, социологии, психологии, биологии и других наук.

Специальные методы в подразделяются в судебной экспертологии на две большие группы: на **методы выявления невидимого** и **методы восстановления первоначального состояния, вида объекта исследования**, которые в свою очередь подразделяются на математические, химические, физические, биологические, кибернетические (электронно-вычислительные) и т.д.¹²⁷

Критериями допустимости методов и научно-технических средств в судебной экспертизе являются законность и соответствие нормам нравственности, научная состоятельность, надежность, безопасность, эффективность, экономичность.

Законность и соответствие нормам нравственности метода подразумевает под собой применение в рамках экспертного исследования только тех средств, которые не противоречат конституционным принципам законности и нравственным критериям общества. Они ни в коем случае не должны нарушать нормы процессуального права и должны исключать любое ущемление прав и законных интересов граждан, унижение их человеческого достоинства, а также допускать угрозы и насилие.

Научная состоятельность метода предполагает обоснованность и достоверность результата, полученного при его применении. В этой связи в Республике Казахстан утверждены Правила разработки, апробирования и внедрения методик судебно-экспертных исследований, которые подразумевают внедрение прогрессивных форм, методов, приемов и средств проведения судебных экспертиз.

Надежность метода должна обеспечиваться возможностью проверки и перепроверки результатов, получаемых на основе его применения. Этому служат соответствие всех параметров приборов требуемым инструкциям и стандартам, а также правильность применения инструментальной базы самим судебным экспертом.

Безопасность метода подразумевает отсутствие каких-либо условий при его применении, могущих повлечь за собой причинение ущерба здоровью, как эксперта, так и участников экспертного исследований.

Таким образом, методная составляющая при проведении судебной экспертизы во многом предопределяется применяемой судебным экспертом методикой экспертного исследования. Именно от разработанной судебно-экспертной методики зависит привлечение тех или иных методов решения возникающих на практике экспертных задач. В свою очередь, в экспертной методике используются те подходы и принципы исследовательской деятельности, тот «инструментарий» в виде научных способов, приемов, методов, которые разработаны или привлечены на основе рекомендаций предложенных методологией судебной экспертологии. В этом сущностная основа экспертологических знаний, применяемых в судопроизводстве в качестве инструмента познавательной деятельности.

¹²⁷ Более подробно см.: Винберг А.И., Шляхов А.Р. Общая характеристика методов экспертного исследования // Общее учение о методах судебной экспертизы. М., 1977.

Таким образом, в процессе познания роль теории сводится к выявлению, объяснению и описанию познаваемых закономерностей, методология же, исследуя эти закономерности в качестве своего объекта, призвана раскрывать их отношения, стороны, свойства, формулировать на познавательном уровне основные подходы и принципы исследовательской деятельности, разрабатывать соответствующий “инструментарий” в виде научных способов, приемов и методов.

В этой связи хотелось бы обратить внимание, что в таком ракурсе теория как способ освоения действительности по своему содержанию выполняет роль метода, ибо функция объяснения и описания есть также сторона познавательной деятельности. Другое дело, когда мы переходим на уровень анализа непосредственной практической деятельности, здесь понятия теории и метода как научных средств познания приобретают другое смысловое содержание, выполняя методологическую, ориентирующую функцию для исследователя и определяя пути наиболее эффективного осуществления его практической деятельности. Непосредственным же «инструментарием» для исследователя в этом случае служит обширный арсенал методов практической деятельности, разработанный в той или иной науке.

Вот почему следует всегда различать не только уровни теоретической и практической познавательной деятельности, но и методы ее реализации. Соответственно методология, *понимаемая в традиционном философском плане*, играя важную роль в определении стратегии научного исследования, лишь опосредственно воздействует на практику с точки зрения конкретного акта познания; решающую роль здесь уже приобретает методика как система научно разработанных в теории правил, рекомендаций по оптимальному изучению исследуемых объектов.

Недооценка сказанного, прямой перенос науковедческих и методологических понятий в экспертную практику породили в криминалистике и в теории судебной экспертизы не одну дискуссию, которые, как было показано ранее, продолжаются до сегодняшнего дня. В качестве примера здесь можно привести обсуждение в специальной литературе сущности криминалистической идентификации, которая отдельными учеными называется теорией, другими – методом, третьими – процессом или результатом.

В связи с тем, что данное понятие в зависимости от точки зрения его рассмотрения может быть истолковано и как теория, и как метод, и как результат, каждый из ученых, отстаивающий в дискуссии по данному вопросу только свою позицию, может оказаться прав только при одном условии: если свое определение он соотносит с реальным местом понятия идентификации в познавательном процессе. Как научно разработанная в криминалистике теория, идентификация является частной теорией криминалистики, и в этом качестве, как система предписаний и условий научно обоснованного установления тождества искомого объекта, она не может не признаваться методом данной науки. В практическом же приложении идентификация выступает и задачей, и процессом, и

результатом исследования, но не методом, поскольку сама влечет за собой привлечение методной и инструментальной базы для индивидуализации криминалистических объектов. С этих же позиций, думается, следует подходить к характеристике криминалистической диагностики, классифицирования, ситуалогии, о которых пойдет речь в следующих разделах работы.

Судебная экспертология, разрабатывая методическую базу собственных исследований, вполне естественно, не может не учитывать требуемый уровень методологического анализа формируемых ею знаний. В науке оценка каждому теоретическому построению дается с учетом уровня освоения им предмета познания, соответственно методология каждой науки (теории) имеет свою градацию¹²⁸.

Различают *философскую методологию*, представляющую собой высший уровень методологического анализа, который включает в себя мировоззренческую интерпретацию результатов науки, анализ общих форм и методов научного мышления, его категориального строя с точки зрения осмысления познаваемой картины мира.

Второй уровень методологического анализа включает *изучение общенаучных принципов, подходов и форм исследования*. В качестве примера здесь можно назвать методы системного, структурного, функционального подходов, моделирования, теоретической кибернетики, идеализации, формализации, алгоритмизации и ряд других, получивших развитие во второй половине прошлого столетия.

Третий уровень методологического анализа подразумевает конкретно-научную методологию, т. е. совокупность методов, принципов исследования и процедур, применяемых во всех отраслях научного знания.

Методы науки, являясь в данном случае общенаучными, подразделяются на методы теоретического и эмпирического исследования. К первым относятся такие, как гипотеза, аналогия, анализ и синтез, индукция и дедукция и др., ко вторым – наблюдение, описание, эксперимент и т. д. Их объединяет то, что они применяются в научном исследовании предмета познаваемой отрасли.

Четвертый уровень методологического анализа включает в себя *дисциплинарную методологию*, т. е. совокупность методов, принципов исследования и процедур, применяемых в той или иной научной дисциплине, входящей в какую-либо отрасль науки или возникшей на стыке наук.

Пятый уровень методологического анализа отражает междисциплинарные исследования, которые представляют собой особую форму взаимодействия наук, когда получение содержательного знания о предмете исследования происходит через четко субординированную систему предметных монодисциплинарных построений, строго подчиненных глобальной цели и

¹²⁸ Приводится в нашей интерпретации по работе: *Ворожцов В. П., Москаленко А. Т., Шубина М. П.* Гносеологическая природа и методологическая функция научной теории... С. 139–163.

открывающих большие возможности для получения комплексного, всестороннего знания о предмете исследования.

Термин «междисциплинарные исследования», отмечает Э. М. Мирский, характеризует виды исследовательской деятельности, которые для своего осуществления требуют непосредственного объединения усилий представителей различных дисциплин в ходе отдельного исследования¹²⁹. Этот уровень методологического анализа отличается большой динамичностью и создается с учетом нужд научно-исследовательского процесса. Важное значение в междисциплинарном исследовании имеет взаимопонимание его участников – представителей различных научных дисциплин и отраслей знания, которые на основе выработанной стратегии научного поиска должны выйти за пределы своего профессионального горизонта, подняться на более высокий уровень, найти общий методологический язык. Исследования такого рода нашли широкое применение при разработке и реализации комплексных целевых программ.

На нынешнем этапе развития науки основной формой научного знания выступает научная дисциплина. Научные дисциплины наряду с проблемными науками являются следствием углубления и специализации научного знания, расширения его сферы, накопления огромного материала в узких проблемных областях, что и приводит к разделению в науке, появлению новых ее разделов и отраслей. Именно в этом качестве, нам представляется, было бы правильным определить судебную экспертологию в системе научного знания, а следовательно, и определить ее методологию как методологию стремящуюся к статусу междисциплинарной науки.

Исследуя проблему методологической значимости судебной экспертологии, мы не вправе игнорировать тенденции, характеризующие развитие методологической науки, в частности ее стремление выйти за рамки чисто философского обоснования процесса познания в целях поиска путей возможной реализации накопленного знания непосредственно в сфере практической деятельности. Поскольку эти тенденции имеют прямое отношение к оценке методологической значимости рассматриваемой нами области знания и представляют определенный научно-практический интерес, остановимся несколько подробнее на данном вопросе.

Анализируя методологические проблемы в указанном контексте, В. С. Швырев отмечает, что процесс воздействия науки на практику, предполагающий разработку на основе науки методов активно-преобразовательной деятельности, требует глубоких изменений статуса и структуры науки, перехода от классического типа научной рациональности, связанного с описанием, объяснением существующего положения дел, к постклассическому типу рациональности, органически включающему проектно-конструктивные функции научного знания¹³⁰.

Раскрывая это положение в историческом контексте и обосновывая его, В. М. Розин в материале, озаглавленном «Переход от методологии науки к

¹²⁹ См.: Мирский Э. М. Системные исследования. М., 1972. С. 10.

¹³⁰ См.: Швырев В. С. Метод // Новая филос. энцикл. Т. 2. С. 552.

методологии деятельности»¹³¹, дает достаточно подробную характеристику процессов, происходящих в оценке методологического знания. Понимание методологии, отмечает автор, как науки о методах мышления, когда-то весьма плодотворное, сегодня отходит на второй план, называя при этом в качестве причин возрастание веса методологической науки, возникновение потребности в самостоятельной практической деятельности в различных науках и дисциплинах, формирование методологических подходов и направлений в целом ряде дисциплин. Существенное влияние на развитие в XX в. профессиональной методологии оказало технологическое мировоззрение. Будучи вначале всего лишь необходимым моментом интеллектуальной деятельности в философии, методология становится самостоятельной реальностью, поскольку в этот период складываются социокультурные условия воспроизводства технологии. Создаются дисциплины, в которых технология осознается и осмысливается (философия техники, праксеология, собственно методология), формируются специалисты, практикующиеся в новой области интеллектуальной практики (технологи, системотехники, методологи), создаются специальные теории и программы. Под влиянием этих социокультурных условий и складывается профессиональная методология как одна из областей современной технологии – технологии мыслительной работы (деятельности).

Отмечая существующие тенденции развития методологического знания, В. М. Розин обращает внимание на то, что сегодня в методологии можно различить две основные ориентации: критико-аналитическую и проектно-конструктивную. Реализуя первую ориентацию, методолог выступает как исследователь мышления (деятельности) в той или иной дисциплине. Реализуя же проектно-конструктивную ориентацию, методолог помогает специалисту перестраивать и развивать свой предмет. Важным результатом критической деятельности методолога является «распредмечивание» понятий и других дисциплинарных представлений. В рамках проектно-конструктивной ориентации осуществляется обратная процедура – «опредмечивание», т. е. построение новых понятий и объектов. Так как методолог ориентирован на построение нового предмета (дисциплины), он аргументирует необходимость создания новых понятий, выявляет нужные для этого средства и методы, разрабатывает стратегию действий, иногда создает первые фрагменты нового предмета. Методологическая работа, считает В. М. Розин, реализует себя как особого рода исследование и как род интеллектуального проектирования. Цель профессиональной методологии – развитие практической деятельности, понимаемое в значительной мере в технологическом ключе.

Насколько нам известно, авторы концепции профессиональной методологии успешно реализовали ряд крупных социальных проектов в Российской Федерации и других странах. В этой связи, несомненно, возникает вопрос о возможности интеллектуального проектирования в такой

¹³¹ См.: *Розин В. М.* Переход от методологии науки к методологии деятельности // Там же. С. 554–555.

сфере государственного регулирования, как судебная экспертиза. Данная сфера деятельности, имеющая большое значение для должной реализации правоохранительной функции государства накопила огромный теоретический и практический опыт, который, по нашему мнению, в целях его эффективного применения нуждается в совершенно ином, нетрадиционном осмыслении. Такая ситуация обуславливается прежде всего неопределенной позицией самого государства в реальной оценке возможностей и перспектив развития института судебной экспертизы, отсюда различные, далеко не всегда осмысленные шаги по реформированию экспертной системы.

Позиция эта во многом предопределяется отсутствием четких и однозначных предложений со стороны научной общественности, не способной порой найти общий язык в своей среде, а также с практиками при обсуждении основных направлений теоретического, правового и организационного функционирования и развития отрасли. При этом, как было отмечено, накоплен значительный теоретический и практический материал, имеется зарубежный опыт, т. е. та необходимая основа для проведения фундаментальной с точки зрения практической полезности ревизии и переоценки института применения специальных знаний в судопроизводстве, в частности такой его формы, как судебная экспертиза. Для осуществления реформы в этой сфере необходима, на наш взгляд, воля государства, создание центра, включающего специалистов в области права, судебной экспертизы и других областей знания, руководимого методологами, в задачу которых входили бы разработка и внедрение в масштабах государства специализированной комплексной целевой программы. В этом случае все теоретические построения могли бы пройти своего рода обкатку и тестирование на их соответствие практическим потребностям, а вновь созданные (либо «очищенные») теории могли бы стать реальными инструментами приращения научного знания в судопроизводство.

Подобное методологическое преобразование существующей экспертной системы позволило бы поднять на иной уровень «культуру и технологию мышления», затрагивающие данную сферу, а вместе с тем создать условия для надлежащего ее функционирования. Понятно, что оно не изменило бы сущности конкретных исследовательских процедур, осуществляемых экспертами при изучении объектов, но не исключено, что последние вооружились бы научно обоснованными технологическими схемами получения надежных результатов, особенно при решении задач, носящих интегративный характер, т. е. требующих привлечения знаний из различных отраслей науки.

Другое, но уже частное направление методологического переосмысления рассматриваемой области возможно, с нашей точки зрения, на основе привнесения в практику производства экспертных исследований технологического аспекта, т. е. рассмотрения ее как реализации технологии определенного типа.

Технология научной деятельности тесно связана с методологией науки, которая определяет основные принципы деятельности, к технологии наиболее близка реализованная методология научного исследования: если методология – приведенная в действие теория, то технология – приведенная в действие методология¹³².

В задачу технологии любой деятельности в целях придания ей целенаправленного, сознательного и планомерного характера входят постоянное накопление и переработка информации о закономерностях этой деятельности и регуляции ее процесса. Собранная и переработанная информация о познанных закономерностях трансформируется в систему норм, правил и предписаний, которые регулируют, направляют и совершенствуют эту деятельность. В свою очередь, роль нормативной системы в сфере научной деятельности призвана сыграть методология¹³³.

Характеризуя технологию как познавательный процесс, болгарский ученый Н. Стефанов пишет: «Чем больше усложняются виды человеческой деятельности, тем больше обязательным становится расчленение их на соответствующие этапы и операции. Чтобы деятельность получила право называться технологией, необходимо, чтобы она была сознательно и планомерно расчленена на элементы, реализующиеся в определенной последовательности. Ни этапы и операции, ни порядок и последовательность этих операций не могут быть установлены произвольно, поскольку каждая деятельность имеет свою логику развития и функционирования. Поэтому требуется выделить в особую единицу такой один механизм (блок), который обладает способностью регулировать расчленение процесса на этапы и операции и осуществлять эти процессы в определенной последовательности»¹³⁴.

Нетрудно заметить, что по своему содержанию излагаемое Н. Стефановым видение технологии в основных чертах совпадает с реализуемыми на практике методиками экспертного исследования, особенно часто применяемыми в рамках программированного решения экспертных задач. Однако слабая сторона механизма решения той или иной экспертной задачи с точки зрения существующих методик – отсутствие единого подхода к получению результата при исследовании одного и того же объекта. Иными словами, методики экспертного исследования очень часто в зависимости от воли, желания, да и возможностей пользователя подгоняются под имеющиеся в наличии методы и средства исследования объекта и не всегда носят требуемого стандартизированного характера.

Технология же, описывая алгоритм исследовательской процедуры, применяемые при решении задач определенного класса способы и методы, в том числе альтернативные, должна в первую очередь нести в себе характер стандартизированного знания, быть своего рода научно разработанным

¹³² См.: Стефанов Н. *Общественные науки и социальная технология*. М., 1976. С. 188.

¹³³ См.: Москаленко А. Т., Погоразде А. А., Чечулин А. А. и др. *Методология в сфере теории и практики*... С. 49.

¹³⁴ Стефанов Н. *Общественные науки и социальная технология*... С. 187.

эталон. Создание таких эталонов должно стать прерогативой научно-исследовательских коллективов, работающих в судебно-экспертных учреждениях, и представлять по своему содержанию научное исследование, включающее: анализ проблемы; определение типа объекта; анализ требуемых исходных данных, нормативных и справочных материалов; определение типа решаемой задачи и этапов ее решения; оценку соответствия и достаточности имеющейся инструментальной и технической базы; поиск идеи решения; построение модели решения задачи; осуществление операционального анализа, включающего выбор имеющихся или разработку новых операций, действий, процедур над объектами; формирование алгоритма решения задачи, сопутствующих его применению норм и правил; апробацию технологии, ее государственную (межгосударственную) сертификацию, регистрацию и внедрение в практику.

Такие жесткие требования к созданию судебных экспертных технологий обуславливаются рядом факторов, но прежде всего значением получаемой экспертом информации, служащей источником доказательств по уголовным, гражданским и административным делам. При таком подходе возрастет требование к теоретическому обоснованию применяемых методик экспертного исследования, их организационному и техническому оснащению. Естественно, повысятся и требования к квалификации судебного эксперта, а также научного персонала, призванного содействовать практике производства экспертиз.

Существующий в Республике Казахстан порядок разработки, апробирования и внедрения методик судебно-экспертных исследований внешне как бы предусматривают рассмотренный выше механизм, однако в большей степени он носит формальный, бюрократический характер.¹³⁵ Достаточно сказать, что имеющаяся в республике база данных стандартизированных методик не является общедоступной, в частности для частных экспертов, работающих по лицензии, не говоря уже о сотрудниках правоохранительных и судебных органов.

Создание экспертных технологий должно повысить качество даваемых экспертных заключений, позволит сократить количество повторных экспертиз, а субъектам доказывания – следователю и суду – реально оценивать не только возможности судебных экспертиз, но и объективность полученных результатов в процессе исследования, проведенного экспертом.

Разработка экспертных технологий преследует в конечном счете цель создание условий для наиболее целесообразной деятельности в процессе производства судебных экспертиз на основе выработки норм, правил и предписаний ее эффективного осуществления. Предлагая новый подход к оценке названной деятельности, мы в немалой степени учитывали идеи, заложенные в науке праксеологии, понимаемой как комплексная дисциплина,

¹³⁵ См.: Правила разработки, апробирования и внедрения методик судебно-экспертных исследований. Утверждены приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 20 апреля 2010 года № 124. // <http://www.sudexpert.adilet.gov.kz/ru>

синтезирующая данные различных наук (теории организации, теории управления, научной организации труда), искусств и практического опыта, относящиеся к формам организации труда и эффективности всякой деятельности.

По мнению Т. Котарбинского, одного из авторов нового направления, праксеологи ставят своей целью исследование наиболее широких обобщений технического характера. Речь здесь идет о технике рациональной деятельности как таковой, об указаниях и предостережениях, важных для всякого действия, эффективность которого надо повысить. Выработка и обоснование наиболее общих норм максимально целесообразной деятельности на основании широких обобщений и аккумуляции исторического опыта является главной задачей праксеологии, и эта ее направленность сближает праксеологию с методологией¹³⁶.

Таким образом, приведенные положения в общем плане показывают возможность реализации теоретических положений судебной экспертологии как методологии познавательной деятельности. Именно посредством анализа ее *методологической* функции возможен поиск путей эффективного соединения накопленного в ней научного знания с практическими потребностями.

Не меньшее значение имеет в этом плане исследование и других функций судебной экспертологии как научной теории, однако, необходимо иметь в виду, что в философской литературе относительно конкретных функций научной теории высказаны различные суждения. Так, И. Д. Андреев считает, что научная теория выполняет объяснительную, предсказательную, систематизирующую, практическую и методологическую функции¹³⁷. Г. И. Рузавин полагает, что необходимо разграничение следующих функций теории: информативной, систематизирующей, прогностической и объяснительной¹³⁸. По мнению А. И. Ракитова, научная теория выполняет несколько взаимосвязанных функций: эвристическую (функцию производства новых знаний), эпистемологическую (функцию отражения фрагментов действительности), генетическую (функцию регулирования когнитивной наследственности)¹³⁹. Л. Б. Баженов в качестве самостоятельных функций научной теории выделяет описательную, предсказательную и синтезирующую¹⁴⁰. Б. М. Кедров в числе функций теории называет также обобщение, систематизацию и регистрирование¹⁴¹.

Как видим, в интерпретации различных ученых представлен широкий спектр функций теоретического знания, при этом каждая из названных имеет

¹³⁶ См.: Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975. С. 20.

¹³⁷ См.: Андреев И. Д. Теория как форма организации научного знания. М., 1979. С. 23.

¹³⁸ См.: Рузавин Г. И. Научная теория: логико-методологический анализ. М., 1978. С. 14.

¹³⁹ См.: Ракитов А. И. Философские проблемы науки: системный подход... С. 216.

¹⁴⁰ См.: Баженов Л. Б. Строение и функции естественнонаучной теории. Синтез современного научного знания. М., 1973. С. 408.

¹⁴¹ См.: Кедров Б. М. Предмет и взаимосвязь естественных наук. М., 1967. С. 18.

право на свое самостоятельное признание, так как под тем или иным углом зрения показывает возможность реализации теории в практическом плане.

Естественно, при анализе функционального значения судебной экспертологии мы должны отталкиваться от известных в философской литературе положений о системе рассматриваемых функций теории. Однако прежде всего, на наш взгляд, всю систему функций научного знания правильно было бы представить в определенной иерархии, как это предлагают сделать В. П. Ворожцов, А. Т. Москаленко и М. П. Шубина¹⁴². По мнению авторов, системная иерархия функций может быть представлена в виде рабочей модели. Во-первых, это общие функции, присущие всем или большинству форм познания и проявляющиеся в научной теории. К ним можно отнести гносеологическую (познавательную), предсказательную (акцепторную) и т. д. Во-вторых, это функции, присущие только теории как особой форме познания и определяемые ее спецификой (объяснительная, систематизации и т. д.). В-третьих, представляется возможным выделить в особую группу функции, возникающие как синтез всех или значительной части свойственных теории «атомарных», простейших функций. К ним прежде всего следует отнести методологическую, которая проявляется через посредство других функций, что составляет важную характерную особенность механизма ее реализации.

В рассматриваемом ракурсе одной из основных функций судебной экспертологии, относящихся к первой группе, можно назвать наряду с эвристической функцию отражения фрагментов действительности или, как ее называет А. И. Ракитов, эпистемологическую. Именно потому, что данная теория способна к истинному отражению объективной реальности, лежащей в сфере экспертной деятельности, она может служить методом дальнейшего развития экспертологического знания и ее преобразования. Эта теория обладает и другими сложными функциями – объяснительной и предсказательной. Научная теория призвана не только описать, но и объяснить отражаемую систему, показать ее сущность, зависимости, возникновение, а также ответить на вопрос: почему ей присущи те или иные процессы, непосредственный опыт, предметы и явления. Описание должно быть целенаправленным и содержать: цель и задачи, место и назначение теории; цели ее функционирования как целостности; показатели полезности, качества; систему, состав и структуру теории через описание ее элементов и их функционального значения; анализ связей между элементами системы теории, а также схему их функционирования в системе; и т. д.

Объяснительная функция судебной экспертологии заключается в раскрытии связей, установлении закономерностей, выяснении сущности судебно-экспертной деятельности. «Теория, – отмечал Р. С. Белкин, – в процессе объяснения выступает в форме модели объясняемого явления с указанием на его сущность»¹⁴³. Так, по его мнению, не только констатируется

¹⁴² См.: *Ворожцов В. П., Москаленко А. Т., Шубина М. П.* Методология в сфере теории и практики... С. 188.

¹⁴³ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Т. 1. ... С. 206.

существование объективных закономерностей, но и показывается механизм проявления этих закономерностей, результат их действия, характер связей между причиной и результатом. Объяснительная функция общей теории включает в свое содержание определенные высказывания, которые в своей совокупности дают характеристику событию, явлению, процессам. В свою очередь, описывая познаваемые явления в соответствующих терминах, общая теория создает свой язык, посредством которого становится возможным точнее выразить закономерности объективной действительности, раскрывающие специфику судебной экспертизы как знания. Систематизация и упорядочение материала, достигаемые на основе научно разработанной терминологии, дают возможность глубже понять существо изучаемой предметной области.

Поскольку судебная экспертология как теория раскрывает взаимосвязь между рассматриваемыми явлениями, выявляет их сущность, то создается возможность построить предвидение на этой основе. Именно потому, что данная теория выполняет функцию предсказания, она в состоянии выполнять роль метода в познании.

Научное предсказание, по мнению В. А. Штоффа, одно из самых ярких и значительных проявлений творческой активности научно-теоретического мышления. Оно является также одним из самых характерных выражений *относительной самостоятельности* развития научной теории¹⁴⁴. Предсказательная функция судебной экспертологии выражается в том, что позволяет предвидеть развитие знания о познаваемых ею закономерностях, указывает на тенденции развития ее предметной области и тем самым дает возможность корректировки в необходимых случаях научных исследований в целях приведения их в соответствие с диалектическими законами построения научной теории. Судебная экспертология как теория, будучи средством объяснения и предсказания, тем самым реализует свою эпистемологическую функцию.

Судебная экспертология как теория есть упорядоченное знание в силу того, что ее данные, как было показано, систематизированы ходом ее развития. Систематизация и синтез знаний, осуществляемые данной наукой, благодаря ее синтезирующей функции упрощают их восприятие, позволяют совершенствовать привлекаемые знания, способствуют выявлению глубинных связей не только между отдельными элементами теории, но и между данной теорией и другими науками. Одна из самых характерных черт общей теории – тенденция к обобщению знания, нередко посредством проявления «экспансии». Собственно, именно потребности судебной деятельности в научном объяснении теоретических начал судебной экспертизы предопределили поиск и объяснение закономерностей развития ее природы как знания, функционирующего на основе привлечения и последующей трансформации данных различных наук. Без осуществления своего рода «экспансии» эта деятельность не имела бы научной перспективы

¹⁴⁴ Штофф В. А. Введение в методологию... С. 186.

и ограничилась бы простейшими исследованиями доказательственной информации.

Возрастание взаимосвязи общественных, естественных и технических наук, обусловленное практическими потребностями судебной практики, представляет собой ту основу, на которой формируются и приобретают свой статус различные компоненты экспертного знания. Наличие единых целей экспертного исследования стимулирует синтез знания, причем его эффективное приращение получается на основе интеграции различных отраслей науки. Интегративные тенденции захватывают в этом процессе как технические средства и операции, применяемые в экспертном исследовании, так и теоретические приемы, методы и процедуры познания, порождая новые формы и виды научной деятельности, полностью направленные на формирование науки судебной экспертологии. Именно в направлении интеграции научных знаний с точки зрения задач судопроизводства нам видится перспектива развития института судебной экспертизы как единой самостоятельной теоретической системы. При этом общая теория судебной экспертологии должна была взять на себя функцию коммуникации между научными дисциплинами в процессе привлечения в судопроизводство специальных знаний. Наиболее ценен при этом был криминалистический опыт не прямого, механического переноса уже добытого знания из одной сферы в другую, а переноса творческого, имеющего эвристическую направленность, когда транслируемое знание качественно трансформировалось и порождало новые результаты с учетом практических задач судебной экспертизы.

Не будет преувеличением сказать, что именно единство, синтез знаний, всемерное развитие интегративных процессов и тенденций в общей теории судебной экспертологии – это тот фокус, в котором пересекаются все лучи отдельных функций, форм и средств научно-исследовательской деятельности. Качественное накопление знания требует его упорядочения, аналитическо-синтетической переработки. Средствами систематизации здесь выступают категории, законы, принципы, понятия. Различные стороны, аспекты, уровни и элементы науки и практики исследуются при этом не разобщенно, а в органической взаимосвязи, взаимозависимости, как элементы единой системы.

В этом смысле ее теоретическим идеалом является системный синтез, в котором воплощается интеграция специальных знаний, привлекаемых в судопроизводство, реализуется доминирующая роль синтетического мышления по отношению к аналитическому. Реализуемый при этом системный подход к оценке специальных знаний, выражая интегративные тенденции, ориентирован на достижение целостного видения изучаемых экспертным познанием объектов. Следует подчеркнуть, что системный подход представляет собой междисциплинарную методологию особого типа, обеспечивающую такую интеграцию знаний, при которой специальные науки сохраняют свою самостоятельность и специфичность, не сводятся одна к другой, но их фактические данные и теоретические построения

объединяются вокруг системных методов исследования как общего основания, интегрирующего научное знание в целях повышения его практической эффективности¹⁴⁵.

Именно в этой связи реально проявилась методологическая функция судебной экспертологии как систематизированного знания. Важнейшей закономерностью данной функции является ее реализация посредством структурных элементов теории, таких как понятия, аксиомы, принципы, закономерности, выражающие связь между абстрактными объектами. Каждый из элементов теории раскрывает, конкретизирует, обосновывает определенный центральный принцип, поскольку без исходного, синтезирующего принципа нет и теории. Этот тезис можно проследить на общеизвестном философском принципе преемственности знаний, реализующемся, как и во всех научных построениях, в судебной экспертологии. Данный принцип имеет значение в том плане, что дает возможность раскрыть пути реализации методологической функции рассматриваемой теории с точки зрения оценки путей ее зарождения в теории криминалистики и дальнейшей автономизации как самостоятельного начала. «Старая и новая теории различаются столь существенно, – пишет И. В. Кузнецов, – что на первый взгляд кажется, что они не могут иметь точек соприкосновения, существенных общих элементов. Но на самом деле это не так. Замкнутые системы понятий, хотя и радикально отличаются друг от друга, тем не менее не являются совершенно обособленными, не связанными друг с другом. Создание новой системы всегда происходит на основе старой, и оно не может происходить иначе, чем путем передачи, сохранения всего того из старой теории, чему опыт, практика дали статус объективной истины. Преемственность знания – фундаментальный закон развития науки»¹⁴⁶.

При реализации методологической функции судебной экспертологии *принцип преемственности* выражается, в частности, в переносе в нее фундаментальных и разработанных в отдельных отраслях знания понятий. В качестве примера здесь можно привести широко применяемые в данной области знания такие понятия, как отражение, признак, свойство, идентификация, диагностика и др.

Наряду с названным принципом в реализации методологической функции теории играет роль *принцип соответствия*, который выражает интегральную взаимосвязь между системами понятий как целостными образованиями. Принцип соответствия заключается в том, что теория, справедливость которой была установлена для той или иной предметной области, при появлении новой, более общей теории не опровергается ею и не отбрасывается, а сохраняет свое значение. Примером здесь может служить значение положений криминалистической экспертизы как составной части криминалистической науки для развития положений судебной экспертологии.

¹⁴⁵ См.: Гвишиани Д. М. Диалектико-методологический фундамент системных исследований // Диалектика и системный анализ. М.: Наука, 1986. С. 7.

¹⁴⁶ Кузнецов И. В. Избранные труды по методологии физики. М., 1975. С. 161.

Таким образом, стремление судебной экспертологии к выделению в качестве самостоятельного научного знания как условия эффективности его применения выражается в ее методологической функции, отражающейся, в свою очередь, прежде всего в функциях эвристической, эпистемологической, объяснения, синтеза и прогнозирования. Именно эти функции, будучи составной частью механизма реализации методологической функции общей теории, формируют новое знание в области судебной экспертизы, показывая взаимосвязь между новым теоретическим построением и существующим.

Использование научного потенциала, накопленного криминалистикой, процессуальной, естественными и другими науками, осуществляется в судебной экспертологии как посредством приспособления уже апробированных методов, приемов, инструментов данных наук, так и путем теоретического обоснования новых методов и средств познания на основе реализации методологической функции. При этом рассматриваемая функция судебной экспертологии находит свое отражение в анализе привлекаемых ею в процессе интеграции знаний средств и методов познавательной и практической деятельности и предложении на этой основе способов ее преобразования в соответствии с новым формируемым знанием. Любое изменение научного взгляда на судебную экспертизу неизменно ведет к изменению методов экспертного познания, их дальнейшей разработке, расширению и углублению. В этом суть методологии судебной экспертологии, которая в философском смысле понимается как учение о постижении истины и учение об ее использовании, о методах движения знания к сферам практической деятельности¹⁴⁷.

Методологическая функция судебной экспертологии определяется ее содержанием и направлена, кроме решения задач совершенствования практической деятельности, на выяснение природы данной теории в системе научного знания в целом. В этом плане она одновременно выполняет мировоззренческую функцию, основанную на диалектическом подходе к познанию окружающей действительности, обеспечивая правильное понимание предмета и содержания данной науки, ее связи с методологией научного познания. Что в конечном итоге дает возможность характеризовать рассматриваемое направление научной деятельности как высший уровень теоретического отражения и осмысления практической сферы, а именно судебно-экспертной деятельности.

¹⁴⁷ См.: Урсул А. Д. Философия и интегративно-общенаучные процессы. М., 1981. С. 247.

3. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК СФЕРЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

3.1. Предмет судебной экспертизы как практической деятельности

Целью судебной экспертизы как разновидности судебно-экспертной деятельности в судопроизводстве является установление обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела по существу. В соответствии с целью формулируется **предмет судебной экспертизы**, под которым понимаются фактические данные, конкретные обстоятельства уголовного, гражданского или административного дела, подлежащие установлению на основе специальных экспертных знаний.

Характеризуя предметную область судебной экспертизы как составную часть практической экспертной деятельности, подчеркивая ее взаимосвязь со всеми структурными элементами общей теории, немаловажно определить ее конкретное место в системе экспертологического знания. Решение данного вопроса связано с определением содержания предмета судебной экспертизы, что имеет существенное значение в аспекте ее разграничения среди иных видов практической деятельности, уяснения содержания решаемых ею задач и объектов исследования, проведения научной классификации судебных экспертиз, а также решение иных вопросов с целью эффективной реализации рассматриваемого института привлечения в судопроизводство специальных знаний.

Рассматривая теоретическую сферу судебной экспертизы, приходится констатировать наличие определенных расхождений во взглядах ученых, по такому основополагающему для нее вопросу, как определение ее предметной области для уяснения сущности судебной экспертизы и критериев классификации ее отдельных разновидностей в практической деятельности.

В свое время, А. Р. Шляхов, одним из первых рассматривая существенные признаки экспертизы, обратил внимание на недопустимость раздельного анализа различных критериев ее классификации, к числу которых объективно относится и предмет. Остановившись на содержании судебной экспертизы, автор отмечал, что предмет, объект и научные методики в своей совокупности верно определяют ее сущность¹⁴⁸. В этой связи важно подчеркнуть, что точка зрения автора легла в дальнейшем в основу предложенной им классификации судебных экспертиз, которая была в целом принята в теории и нашла реализацию в экспертной практике.

К мнению А. Р. Шляхова присоединился Р. С. Белкин, при этом включил в качестве дополнительного критерия разграничения экспертиз такой признак, как «характер обосновывающего знания»¹⁴⁹.

¹⁴⁸ Шляхов А. Р. Предмет некоторых видов судебной экспертизы // Вопросы криминалистики. М.: Госюриздат, 1963. № 8–9. С. 19.

¹⁴⁹ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики: В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Академия МВД СССР, 1978. С. 271.

Если у А. Р. Шляхова, Р. С. Белкина и ряда других ученых предмет судебной экспертизы фигурирует лишь в качестве составного элемента общего критерия их разграничения наряду с объектами, методами и специальными знаниями, то с точки зрения В. Д. Арсеньева понятие предмета судебной экспертизы синтезирует в своем содержании все перечисленные элементы и выступает в качестве основного критерия.

Рассматривая соотношение понятий предмета познания и предмета судебной экспертизы, что немаловажно, В. Д. Арсеньев приходит к выводу, что предмет познания наиболее рельефно отражает соответствующую отрасль знания, деятельности и поэтому дает основание для классификации этих отраслей (классификация наук, судебных экспертиз и т. д.). Справедливо обращая внимание на необходимость дифференцированного подхода к предмету науки, теории и к предмету соответствующих им отраслей экспертизы, автор пишет: «В понятии предмета (отраслевого и конкретного) экспертизы (как и предмета любой другой познавательной деятельности) синтезируются понятия: а) объекта экспертизы – в широком и узком смысле, т. е. фактических обстоятельств, познаваемых средствами экспертизы, а также материальных носителей информации о них; б) экспертных задач (целей) или вопросов, подлежащих разрешению; в) метода (методик) экспертного исследования, а также иных условий и обстоятельств его»¹⁵⁰.

К предмету общей теории судебных экспертиз В. Д. Арсеньев относит объективные закономерности возникновения, изменения и сохранения используемой при производстве экспертизы доказательственной информации. Давая определение предмета экспертизы, автор замечает, что понятие предмета отнюдь не исключает возможности самостоятельного рассмотрения и исследования составляющих его элементов.

Таким образом, анализируемая по рассматриваемому вопросу позиция В. Д. Арсеньева заключает в себе два важных момента: предмет экспертизы должен соответствовать предмету познания; предмет экспертизы синтезирует в своей основе понятие цели (задачи), объекта (методик) и условий исследования.

Подобный подход к пониманию сущности предмета экспертизы мы встречаем и в работах других ученых-криминалистов. К примеру, Ю. Г. Корухов считает, что при определении предмета любого исследования, в том числе и понятия «криминалистическая экспертиза», следует также исходить из общепринятого философского понятия предмета познания. С указанных позиций, отмечает автор, предмет криминалистической экспертизы предопределяется объектами этих исследований, задачами, требующими разрешения, методами и условиями исследования. При этом Ю. Г. Корухов подчеркивает: «Только системный подход к изучению взаимосвязанных

¹⁵⁰ Арсеньев В. Д. Соотношение понятий предмета и объекта судебной экспертизы // Пробл. теории судебной экспертизы. М., 1980. С. 9–10 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 44).

элементов может способствовать процессу познания закономерностей, объединяющих криминалистические экспертизы в единый класс»¹⁵¹.

В работе М. Я. Сегая и В. К. Стринжи, в которой они рассматривают методологические аспекты решения экспертных задач, отмечается, что судебная экспертиза – это основанное на данных науки практическое познание фактических обстоятельств расследуемого события. Как и познавательная деятельность, экспертное исследование имеет свой предмет познания, определяемый объектом, целью (задачей) и средствами (методами) познания. Эти элементы существуют в диалектическом единстве, но могут быть и предметом самостоятельного анализа¹⁵².

Для полноты нашего исследования следует отметить, что расширительную интерпретацию понятия предмета экспертизы в 1963 г. давал и сам А. Р. Шляхов, когда писал, что «раскрыть предмет определенного вида экспертизы – это значит определить пределы и основные черты методики экспертного исследования, компетенцию экспертов различных специальностей, характеристику объектов, которые могут быть исследованы с помощью экспертизы данного вида, примерный перечень основных вопросов, которые могут быть разрешены с помощью данного вида экспертизы»¹⁵³.

В общем контексте рассматриваемых позиций по вопросу о предмете экспертизы и его значении для разграничения судебных экспертиз нельзя не привести и точку зрения Ю. К. Орлова, хотя отдельные его высказывания можно признать дискуссионными. В частности, он выразил несогласие с трактовкой предмета судебной экспертизы, высказанной В. Д. Арсеньевым, в плане его обязательного соответствия предмету познания. Свою точку зрения автор аргументирует тем, что прямой перенос науковедческих понятий в сферу судебно-экспертной деятельности не оправдан хотя бы потому, что последняя принципиально отличается от научного познания. «Любая наука, – пишет автор, – (в том числе и судебная экспертиза как наука) изучает какие-то объективные закономерности. В ходе экспертного исследования познаются конкретные факты прошлого и настоящего. Никаких закономерностей здесь не устанавливается. Поэтому прямая аналогия между судебно-экспертным исследованием и научно-исследовательской деятельностью недопустима»¹⁵⁴.

Отмечая несовпадение отдельных терминов в различных сферах деятельности, Ю. К. Орлов призывает осторожно подходить к «коренной ломке» понятийного аппарата, даже если к этому есть основания по существу, поскольку такая ломка не оправдывает тех издержек, которые она

¹⁵¹ Корухов Ю. Г. Экспертные и неэкспертные трасологические исследования в уголовном процессе // Пробл. трасологических исслед. М., 1978. С. 5–6 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 35).

¹⁵² См.: Сегай М. Я., Стринжа В. К. Типология экспертных задач: методологические аспекты // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1988. Вып. 37. С. 10.

¹⁵³ Шляхов А. Р. Организация производства новых видов судебных экспертиз // Вопр. криминалистики и судебной экспертизы. Душанбе, 1963. Вып. 3. С. 20.

¹⁵⁴ Орлов Ю. К. Производство экспертизы в уголовном процессе. М.: ВЮЗИ, 1982. С. 15–16.

за собой повлечет. Последнее замечание связано со стремлением некоторых авторов рассматривать предмет экспертизы как проявление определенных закономерностей. По мнению Ю. К. Орлова, предмет экспертизы при всей его важности не может служить единственным и достаточным критерием разграничения отдельных видов экспертиз и определения компетенции эксперта. В качестве такого критерия может выступать лишь совокупность трех элементов – предмета, объекта и методов (методик) экспертного исследования.

Нетрудно заметить, что мнение автора по вопросу о критериях разграничения судебных экспертиз перекликается с ранее изложенными взглядами отдельных ученых.

Для того чтобы конкретизировать реальное место понятия «предмет» судебной экспертизы в процессе разграничения сфер экспертной деятельности, а этот вопрос имеет определенное значение также для целей систематизации и дифференциации научных знаний, привлекаемых в экспертизу, необходимо обратиться к анализу существующих в криминалистической и процессуальной науках представлений на сущность рассматриваемого понятия.

Большое внимание вопросу о сущности предмета экспертизы уделено в работах А. Р. Шляхова, чьи взгляды подробно проанализированы Р. С. Белкиным, сделавшим обоснованный вывод, что А. Р. Шляхов в разное время формулировал это понятие по-разному¹⁵⁵.

В систематизированном виде точка зрения А. Р. Шляхова сводится к следующему: предмет экспертизы – это фактические данные, факты обстоятельства дела, устанавливаемые (подлежащие установлению; которые возможно получить) на основе специальных познаний¹⁵⁶.

Д. Я. Мирский, анализируя различные подходы А. Р. Шляхова к решению данного вопроса, обращает внимание на то, что они порой противоречивы, поскольку в одном случае экспертиза устанавливает фактические данные, а в другом сказано, что ее предметом являются фактические данные, подлежащие установлению, или те, которые возможно получить посредством экспертизы. «Различие, это, на наш взгляд, не только стилистическое, оно имеет существенное смысловое значение, – пишет автор и отмечает: – Речь

¹⁵⁵ См.: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 2. ... С. 256–261.

¹⁵⁶ См.: Шляхов А. Р. Предмет, метод и система советской науки криминалистической экспертизы // Вопр. криминалистики и судебной экспертизы. Алма-Ата: Изд-во Казах. ун-та, 1959. С. 12–32; *Он же*. Предмет и система криминалистической экспертизы // Вопр. криминалистической экспертизы и правовой кибернетики. М., 1971. С. 11–38 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 3); *Он же*. Классификация судебной экспертизы // Общее учение о методах судебной экспертизы. М., 1977. С. 9–53 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 28); *Он же*. Судебная экспертиза. Организация и проведение. М.: Юрид. лит., 1979; *Он же*. Понятие задач судебной экспертизы. Соотношение задач, предмета и объекта экспертизы // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР. М., 1980. С. 3–26 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 42); *Он же*. Предмет, объекты, методика и правовые основы судебных экспертиз // Назначение и производство судебных экспертиз: Пособие для следователей, судей и экспертов. М.: Юрид. лит., 1988. Гл. 1. С. 7–14.

идет о том, устанавливает ли эксперт фактические данные или он только добывает информацию, необходимую для этих данных, а устанавливает их следователь или суд на основе оценки заключения эксперта и других доказательств по делу. Более правильной представляется вторая позиция»¹⁵⁷.

По определению же самого Д. Я. Мирского, предметом судебной экспертизы является информация, получаемая в результате исследования лицом, обладающим специальными знаниями о представленном следователем, судом объекте, который служит для установления фактов, имеющих доказательственное значение.

Думается, нельзя не согласиться с позицией автора в отношении устанавливаемых в процессе расследования фактических данных (в аспекте предмета экспертизы). Однако у нас нет оснований считать взгляды А. Р. Шляхова противоречивыми. Дело в том, что фактические данные, факты в уголовном и гражданском судопроизводстве отражают как гносеологическое, так и процессуальное содержание. В гносеологическом аспекте экспертное познание направлено на установление фактов, фактических данных об объекте исследования, иное противоречило бы сущности экспертной деятельности. Другое дело, когда информация о познанных экспертом фактах обретает процессуальную форму, т. е. становится доказательственным фактом. Понятно, что данная трансформация фактических данных выходит за пределы компетенции экспертов. Надо полагать, что А. Р. Шляхов да и другие криминалисты вкладывают в понятие предмета гносеологический аспект, никак не претендуя на его процессуальную интерпретацию.

На этом основании можно возразить и Н. А. Селиванову, который выступает против включения термина «фактические данные» в определение предмета экспертизы, поскольку, по его мнению, они образуют не предмет, а ее результат. Н. А. Селиванов полагает, что предметом экспертизы можно считать факт, который реально произошел (мог произойти) в прошлом и существует (мог существовать) в настоящем, а также закономерности, связи, отношения, обуславливающие данный факт¹⁵⁸.

В этой связи следует согласиться с Ю. К. Орловым, который не видит оснований для противопоставления понятия факта, обстоятельств дела и фактических данных, так как они отражают различные аспекты одного и того же: в рамках экспертизы, для эксперта, это будут факты, обстоятельства; в рамках процесса доказывания в целом, для других субъектов, – сведения, фактические данные¹⁵⁹.

В представлении ряда авторов, определение предмета судебной и криминалистической экспертизы связано также с вещественными доказательствами, т. е. конкретными объектами. К примеру, З. Е. Шиманова отмечала, что предметом судебной экспертизы являются вещественные

¹⁵⁷ *Мирский Д. Я.* Предмет и система фототехнической экспертизы // Теорет. вопр. судебной экспертизы. М., 1981. С. 57 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 48).

¹⁵⁸ См.: *Селиванов Н. А.* Спорные вопросы судебной экспертизы // Соц. законность. 1978. № 6. С. 63.

¹⁵⁹ См.: *Орлов Ю. К.* Производство экспертизы в уголовном процессе... С. 11.

доказательства и факты, исследуемые по заданию судебно-следственных органов¹⁶⁰. Вещественные доказательства и обстоятельства дела легли в основу определений предмета криминалистической экспертизы, предложенных в разное время В. К. Лисиченко¹⁶¹, А. Р. Шляховым (1963 г.)¹⁶², М. Я. Сегаем¹⁶³. В частности, М. Я. Сегай предметом криминалистической экспертизы вещественных доказательств называет самые разнообразные объекты материального мира, представляющие собой орудия совершения преступлений, объекты преступных посягательств, а также следы преступных действий.

Ряд ученых сходятся во мнении, что предмет судебной экспертизы интерпретируется через задачи, стоящие перед ней, либо вопросы, выносимые на ее разрешение. Такой подход мы обнаруживаем в работах В. К. Степутенковой¹⁶⁴, Г. М. Надгорного¹⁶⁵, Р. Д. Рахунова¹⁶⁶, Н. П. Яблокова¹⁶⁷ и др.

Ну и, наконец, нельзя не привести несколько обобщенное мнение О.Г. Кузнецова, который пишет: «Предмет судебной экспертизы, - по нашему мнению, - должен рассматриваться с научной, процессуальной и практической сторон деятельности такого субъекта, как судебный эксперт. С научной точки зрения, предмет судебной экспертизы определяют закономерности исследования информации о фактах и обстоятельствах какого-либо события и основанные на изучении этих закономерностей специальные методы и средства исследования этой информации. С

¹⁶⁰ См.: Шиманова З. Е. Пожарно-техническая экспертиза. М., 1963.

¹⁶¹ См.: Лисиченко В. К. К вопросу о предмете и системе криминалистической экспертизы // Материалы 4-й расш. конф. судебных медиков и криминалистов. Киев, 1959. С. 328–331; *Он же*. Значение и место методов естественных и технических наук в криминалистической экспертизе // Вопр. судебной экспертизы и криминалистики. Алма-Ата, 1959. С. 43–52; *Он же*. Криминалистическое исследование документов. Киев: Вища шк., 1971.

¹⁶² См.: Шляхов А. Р. Организация производства новых видов судебных экспертиз. С. 12.

¹⁶³ См.: Сегай М. Я. Некоторые вопросы судебной экспертизы вещественных доказательств // Теорет. и процессуальные вопр. судебной экспертизы. М., 1961. Вып. 1. С. 76–78.

¹⁶⁴ См.: Степутенкова В. К. Предмет судебной экспертизы и экспертное исследование обстоятельств, образующих основание уголовной ответственности // Актуальные теорет. и общеметод. пробл. судебной экспертизы. М., 1975. С. 35–65 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 16); *Она же*. Судебная экспертиза и исследование обстоятельств, образующих состав преступления // Теорет. вопр. судебной экспертизы. М., 1975. С. 251 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 20).

¹⁶⁵ См.: Надгорный Г. М. К вопросу о понятии судебно-экспертной отрасли знаний // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1982. Вып. 25. С. 28–33; *Он же*. Понятие судебной экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1984. Вып. 29. С. 7–12; *Он же*. О понятии предмета судебной экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1989. Вып. 38. С. 10–15.

¹⁶⁶ См.: Рахунов Р. Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1953.

¹⁶⁷ См.: Яблоков Н. П. Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

процессуальной точки зрения, в соответствие со ст. 240 УПК РК (и соответствующими статьями ГПК и Кодекса об административных правонарушениях), судебная экспертиза – это исследование материалов дела, проводимое экспертом на основе специальных научных знаний для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела. С практической точки зрения, предмет судебной экспертизы определяется как фактические данные, устанавливаемые на основе специальных научных познаний и исследовании материалов уголовного, гражданского, административного дела и предопределяются объектом экспертного исследования и вопросами субъекта доказывания»¹⁶⁸.

Таким образом, анализ встречающихся в специальной литературе подходов к определению предметной области судебной экспертизы свидетельствует о наличии неоднозначных, а порой противоречивых взглядов на существо рассматриваемого вопроса. Имеющаяся в данном случае неопределенность не может не сказываться на развитии теоретических основ судебной экспертизы, затрудняет в определенной степени анализ частных проблем, отражающих запросы практической экспертной деятельности. Кроме того, ранее уже отмечалось, что определение предмета судебной экспертизы является основой для правильной ее дифференциации по отдельным отраслям применения специальных научных знаний в судопроизводстве.

Для того чтобы на объективных основаниях подойти к характеристике понятия «предмет» судебной экспертизы, необходимо, мы полагаем, в процессе теоретического анализа строго дифференцировать научный и практический аспекты рассматриваемого понятия. На данное обстоятельство уже обращалось внимание в литературе. Например, Р. С. Белкин в этой связи писал: «Предмет науки и предмет основанной на ней экспертизы нам представляются понятиями разных уровней. Как известно, предмет науки – определенная группа объективных закономерностей действительности, предмет же экспертизы – это те обстоятельства, которые можно установить в результате познания своего предмета»¹⁶⁹.

На наш взгляд, отсутствие подобной дифференциации обусловило включение отдельными авторами, и в частности В. Д. Арсеньевым, в понятие «предмет судебной экспертизы» определенных закономерностей. Однако в этом случае речь идет не о «коренной ломке понятийного аппарата», как утверждает Ю. К. Орлов, а о попытке уточнения применяемой в судебной экспертологии терминологии. Соглашаясь с Ю. К. Орловым о недопустимости прямой аналогии между судебно-экспертным исследованием и научно-исследовательской деятельностью, считаем в то же время необходимым подчеркнуть, что также недопустимым является их противопоставление. При решении рассматриваемого вопроса важно, по

¹⁶⁸ Кузнецов О.Г. Предмет, объект и задача судебной экспертизы // Вестник КРСУ. Т.8. № 3. Бишкек. 2008. С. 126-133.

¹⁶⁹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М.: Юрид. лит., 1988. С. 64.

нашему мнению, исходить из общепринятого определения предмета познания, которое в философской литературе рассматривается как «зафиксированные в опыте и включенные в процесс практической деятельности человека стороны, свойства и отношения объектов, исследуемые с определенной целью в данных условиях и обстоятельствах. Выделение познания в относительно самостоятельную область означает и выделение специального предмета познания в отличие от предмета практической деятельности, оперирования»¹⁷⁰.

При уяснении содержания судебной экспертизы как специфического рода деятельности по установлению в процессе судопроизводства обстоятельств исследуемого события разграничение научного и практического познания преследует методологические цели, так как сама по себе судебная экспертиза есть не что иное, как практическая реализация в установленной законом форме научных положений, являющихся предметом ее теоретической отрасли – судебной экспертологии.

Следовательно, определяющим началом предмета судебной экспертизы как практической деятельности следует признать выявляемые и изучаемые ее научной отраслью закономерности объективной действительности. Именно закономерности, устанавливаемые судебной экспертологией на основе изучения определенных сторон, связей и отношений, существующих между объектами материального мира, формируют предметную область конкретной экспертизы. Непосредственным же предметом судебной экспертизы как практической деятельности является установление по уголовным и гражданским делам фактических данных, обстоятельств посредством применения специальных научных знаний, формируемых на основе выявленных ее научной отраслью – судебной экспертологией – закономерностей объективной действительности.

С этой позиции, надо полагать, необходимо подходить к анализу предложенных в теории определений предмета конкретных видов экспертиз, в частности криминалистической, включающих в свое содержание понятие вещественных доказательств, объектов в узком смысле слова. Предметом экспертного познания выступают не вещественные доказательства либо объекты как таковые, а определенная информация (факты, обстоятельства), извлекаемая экспертом на основе научного исследования определенных сторон, свойств, признаков изучаемых объектов. Материальные носители информации служат лишь источниками фактических данных, лежащих в основе экспертного заключения. Объекты исследования сами по себе не определяют ни предмет судебной экспертизы, ни ее сущность, так как уже было отмечено, что один и тот же объект может быть предметом изучения различных отраслей знания. Только вычленение отдельных сторон, свойств, отношений объекта из всеобщей и объективной связи в процессе научного анализа (в соответствии с конкретными задачами того или иного экспертного

¹⁷⁰ Предмет познания // Филос. слов. 4-е изд. М.: Политиздат, 1980. С. 292.

исследования) дает возможность рассматривать его в аспекте предмета практической деятельности.

Ранее отмечалось, что некоторые ученые относят к предмету судебной экспертизы вопросы, выносимые на ее разрешение, либо задачи, стоящие перед ней. В данном случае, естественно, речь идет о предмете конкретной экспертизы, однако и здесь необходимо внести ряд уточнений, так как в специальной литературе встречаются весьма спорные точки зрения. Скажем, В. К. Степутенкова, возражая против включения в определение предмета таких понятий, как факты, фактические данные, пишет, что предмет экспертизы, проводимой сведущим лицом, составляют вопросы, поставленные перед ним следователем (судом). «Там, где нет определенного задания, исходящего от следственного органа, суда, там, – утверждает она, – и нет предмета судебной экспертизы»¹⁷¹.

Критически осмысливая данное мнение В. К. Степутенковой, необходимо подчеркнуть, что с точки зрения любого познавательного процесса предметом исследования являются не вопросы, стоящие перед субъектом, а конкретные обстоятельства, позволяющие извлечь искомую информацию. Вопросы, возникающие при этом, лишь конкретизируют предмет исследования, определяют его целевую направленность. Конечно, в случае, приводимом автором, наличие определенного задания следователя (суда) обуславливает производство экспертизы, уточняет сферу потребностей в определенных специальных научных знаниях, однако это не означает, что выносимые в постановлении следователя (суда) вопросы составляют предмет познания эксперта. В этой связи, думается, правильнее было бы говорить, что они определяют предмет экспертизы. Здесь немаловажно также обратить внимание на то существенное обстоятельство, что судебная экспертиза как процессуальное действие, характеризуясь совокупностью специальных познаний в определенной области науки и техники, в свою очередь обуславливает саму возможность постановки вопросов, подлежащих разрешению. Предмет экспертизы, как и ее теоретические основы, существуют объективно и не зависят в широком смысле слова от наличия либо отсутствия задания следователя (суда).

При анализе соотношения понятий «предмет», «вопросы», «задачи» судебной экспертизы необходимо исходить из того факта, что вопросы и задачи, стоящие перед экспертизой, позволяют установить ее предмет, но как таковые не входят в его содержание. Иными словами, установление в экспертном исследовании определенных обстоятельств детерминируется конкретными задачами, стоящими перед экспертизой, которые определяют круг фактических данных, входящих в содержание предмета исследования.

Говоря о роли задач (вопросов) в конкретизации предмета экспертизы, важно также отметить их значение для формирования предмета и научной отрасли, ибо конечные задачи практической деятельности определяют потребности в теоретическом осмыслении возникающих в ней проблем.

¹⁷¹ Степутенкова В. К. Судебная экспертиза и исследование обстоятельств, образующих состав преступления... С. 58–59.

Таким образом, уточнение представлений о конкретных задачах экспертизы дает возможность конкретизировать предмет экспертного познания, что, в свою очередь, должно служить основой для разграничения теоретических и методических начал различных классов судебных экспертиз. С другой стороны, отмеченные место и роль экспертных задач в определении предметной области той или иной экспертизы предопределяют необходимость их методологического анализа в целях уяснения вопроса о целевой направленности практической деятельности судебного эксперта, исследования возможностей и перспектив ее совершенствования посредством интеграции научных знаний, привлекаемых и трансформируемых в практику судопроизводства общей теорией судебной экспертизы. В конечном же счете уточнение в рамках теории и практики предмета судебной экспертизы играет существенную роль при конкретизации сущности судебной экспертизы как научного средства доказывания обстоятельств по уголовным и гражданским делам при установлении объективной истины органами досудебного следствия и суда.

3.2. Задачи судебной экспертизы: понятие, система и обоснование

Разработка и развитие теоретических основ судебной экспертизы – одно из важных условий совершенствования практической деятельности экспертов в процессе решения экспертных задач. Методологическая значимость научных разработок в целях оптимизации экспертного познания находит свое проявление в различных формах, одной из которых является трансформация теоретических представлений о сущности предмета судебной экспертизы в систему задач экспертного исследования.

Методологическая функция судебной экспертологии в этом случае выражается двояко. В научном плане она заключается в формировании на основе познаваемых закономерностей общих целей и теоретических принципов экспертного познания в форме определенного способа мышления. В практическом же аспекте данная функция находит отражение в обосновании, постановке и конкретизации задач экспертного исследования, разработке оптимальных способов, приемов и методов их решения.

Диалектическая взаимосвязь теории и методов ее воплощения в практику судебной экспертизы вполне согласуется с философскими представлениями об этих двух аспектах общего процесса познания. Как отмечал П. В. Копнин, «метод мышления возникает на базе обобщения результатов познания предмета, его закономерностей, знание которых используется как орудие его дальнейшего познания»¹⁷².

Систематизирующим звеном методологического анализа всего комплекса вопросов, затрагивающих сферу экспертного познания, можно без преувеличения назвать научную разработку судебной экспертологией проблемы решения экспертных задач. В свое время А. И. Винберг

¹⁷² Копнин П. В. Логика научного исследования. М.: Наука, 1965. С. 107.

справедливо отмечал, что данный вопрос вообще еще по многим параметрам в общей теории судебных экспертиз не исследован, хотя практическая потребность в нем несомненно велика¹⁷³.

С точки зрения А. Р. Шляхова, научное определение задач судебной экспертизы – методологическая основа для уяснения сущности предмета экспертизы, формулирования конкретных вопросов при назначении судебных экспертиз и вместе с тем базис для развития теорий и методик экспертного исследования¹⁷⁴.

На методологическую значимость рассматриваемого вопроса обращали также внимание М. Я. Сегай и В. К. Стринжа, которые отмечали, что в общем предмете экспертного познания, абстрагированного от конкретных объектов и специальных методов, определение типичных задач, объединенных общностью целей судебного доказывания и общностью условий и способов его осуществления на основе использования специальных познаний сведущих лиц, имеет методологическое значение для развития общей теории судебной экспертизы¹⁷⁵.

С учетом конкретного значения экспертной задачи в структуре познавательной деятельности эксперта в специальной литературе даны различные определения данного понятия. Так, А. Р. Шляхов отмечает, что задача экспертизы – это научно обоснованное определение предмета экспертизы, обобщенно и систематизированно формулируемое для рода (вида) экспертизы в целом. По мнению автора, понятие задачи экспертизы близко, сходно с понятием вопроса, поставленного перед экспертом: очевидно, что первое есть научное определение, которое может быть выражено множеством разнообразных формулировок; по конкретной экспертизе оно реализуется посредством ряда вопросов¹⁷⁶.

Несколько иная интерпретация понятия экспертной задачи предложена Н. Т. Малаховской, которая формулирует его через анализ вопросов, выносимых следователем и судом на экспертизу. «Экспертные задачи, – полагает она, – это вопросы следственно-судебной практики, на которые может ответить эксперт, проведя экспертизу конкретного вида с помощью методик, предназначенных для исследования данных объектов и основанных на знаниях, входящих в соответствующую предметную науку»¹⁷⁷. Уточняя данное определение, автор поясняет, что к задачам отнесены лишь те вопросы, которые могут быть решены экспертным путем; если поставленная задача не может быть решена, она остается, по сути дела, вопросом, не сформировавшимся в задачу.

¹⁷³ Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград, 1979. С. 171.

¹⁷⁴ См.: Шляхов А. Р. Понятие задач судебной экспертизы... С. 9

¹⁷⁵ См.: Сегай М. Я., Стринжа В. К. О структуре экспертного познания // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1985. Вып. 31. С. 9.

¹⁷⁶ См.: Шляхов А. Р. Понятие задач судебной экспертизы... С. 4–5.

¹⁷⁷ Малаховская Н. Т. Понятие экспертных задач и возможность построения их иерархической системы (применительно к дактилоскопической экспертизе) // Теорет. и метод. вопр. судебной экспертизы. М., 1985. С. 84 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).

В определении Н. Т. Малаховской мы наблюдаем несколько прагматичный подход к оценке сущности задачи, когда факт ее существования как таковой ставится в зависимость от возможности ответа эксперта на поставленный вопрос. Думается, что предлагаемая аргументация сущности экспертной задачи вполне допустима лишь при анализе организационных аспектов экспертной деятельности, но неприемлема с точки зрения ее методологического анализа как способа решения возникающих при производстве экспертизы вопросов.

По мнению Г. Л. Грановского, под задачей понимается не вопрос, который должен быть решен на основе специальных познаний, а задача в ее широком понимании, охватывающая и цель исследования, и исследуемый объект с совокупностью необходимых методов¹⁷⁸. Акцентируя внимание на информационной и процессуальной роли экспертной задачи, автор определяет ее как предмет экспертной деятельности, направленный на практическое преобразование потенциальной доказательственной информации, содержащейся в исходных данных, в актуальную доказательственную информацию об обстоятельстве, имеющем значение для правильного разрешения уголовного и гражданского дела¹⁷⁹.

На наш взгляд, предложенное Г. Л. Грановским определение экспертной задачи в достаточной степени отвечает потребностям теоретического анализа данного понятия в аспекте исследования структуры познавательной деятельности эксперта. Определение же экспертной задачи как вопросов, решаемых экспертизой, может быть приемлемо в отдельных ситуациях, однако необходимо иметь в виду, что экспертная задача, хотя и предопределяется вопросами, выносимыми на экспертизу, тем не менее не сводится к ним. Здесь, мы полагаем, прав А. Р. Шляхов, который отмечал, что в известном смысле задача – научно обобщенное объяснение смысла наиболее типичных вопросов¹⁸⁰.

Уяснение сущности экспертной задачи не может быть осуществлено вне анализа роли и места судебной экспертизы в общем процессе доказывания. Как известно, содержательная сторона экспертного исследования, форма его осуществления предопределяются общей задачей судебной и следственной практики в получении доказательственной информации на основе привлечения специальных познаний. Следовательно, понятие общей задачи в рассматриваемом нами аспекте включает в себя цели судопроизводства, требующие для своего достижения научного установления и обоснования фактических данных посредством привлечения специальных экспертных знаний. С позиции же экспертной практики общая задача находит свое преломление в конкретных задачах экспертизы, позволяющих уточнить цели

¹⁷⁸ См.: Грановский Г. Л. Экспертные задачи: понятие, структура, стратегия решения // Теорет. и метод. вопр. судебной экспертизы. М., 1985. С. 57 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).

¹⁷⁹ См.: Грановский Г. Л. Алгоритмические и эвристические методы решения экспертных задач // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР. М., 1980. С. 31 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 42).

¹⁸⁰ Шляхов А. Р. Понятие задач судебной экспертизы... С. 5.

экспертного исследования. Совокупность целей судебной экспертизы, преобразованная в процессе научного анализа в так называемое “дерево целей”, позволяет систематизировать характер искомой информации для каждого конкретного случая. Критерием трансформации целей экспертной деятельности в конкретную экспертную задачу являются условия, обеспечивающие ее достижение. К последним следует отнести исходные данные¹⁸¹ и систему научно разработанных в судебной экспертологии приемов, средств и методов экспертного познания.

Таким образом, более широкое понимание экспертной задачи как цели, заданной в определенных условиях и достигаемой разработанными в науке способами, в большей степени отражает методологическую сущность данного понятия, позволяя конкретизировать ее структурные элементы с учетом конечных практических потребностей судопроизводства.

Именно такой подход к оценке экспертной задачи в целом утвердился в специальной литературе. На его основе осуществлены классификация и типизация задач судебной экспертизы. В частности, А. Р. Шляховым была дана классификация судебных экспертиз по предметно (цель) - объектно-методному (условия) основанию¹⁸², которая широко используется при научном анализе и в практической деятельности.

Отмечая положительные стороны предложенной классификации, позволившей систематизировать всю совокупность экспертных задач по классам, родам, видам, подвидам экспертиз, нельзя не сказать, что современное развитие научного знания, в частности включение интеграционных процессов в структуру экспертного познания, поставило перед учеными проблему поиска новых подходов к анализу и оценке задач экспертного исследования. Кстати, эту тенденцию развития экспертологического знания не игнорировал и А. Р. Шляхов, признавая определенную ограниченность предлагаемой им классификации. Автор отмечал, что классификация судебных экспертиз при всей ее очевидности и плодотворности – это путь дифференциации, который имеет вместе с тем слабые стороны: он не показывает пограничных зон в предметных науках, не обозначает смежных вопросов разного рода экспертиз. Такое направление поиска необходимо дополнить интеграцией посредством выявления и научного объяснения пограничных задач судебных экспертиз¹⁸³.

Аналогичная мысль была высказана Г. Л. Грановским, утверждавшим, что для успешного развития экспертной науки следует уже теперь думать об упрощении и унификации структуры задач. Это, по мнению ученого-

¹⁸¹ Более подробно об исходных данных см.: *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы... С. 75–80; *Дидковская С. П., Клименко Н. И., Лисиченко В. К.* Подготовка и проведение отдельных видов судебной экспертизы. Киев: Вища шк., 1977.

¹⁸² См.: *Классификация судебных экспертиз и типизация их задач: Материалы к ученому совету / Под ред. А. Р. Шляхова.* М.: ВНИИСЭ, 1977.

¹⁸³ См.: *Шляхов А. Р.* Теория и практика комплексных исследований в судебно-экспертных учреждениях МЮ СССР // Пробл. орг. и проведения комплекс. эксперт. исслед.: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1985. С. 5.

криминалиста, возможно путем интеграции, призванной нейтрализовать отрицательные последствия специализации и дробления экспертного научного знания на множество подразделов (видов, подвидов экспертиз), затрудняющего организацию и проведение комплексных исследований. Разработка общей методики решения задач криминалистической экспертизы представляет не только практический, но и теоретический интерес¹⁸⁴.

Рассматривая данную проблему, но уже с точки зрения внедрения в экспертную практику передовых технологий, и в частности автоматизированных систем, Л. Г. Эджубов отмечает, что бесперспективно пытаться перечислить все конкретные задачи, постановка которых может быть полезной в практической деятельности. Такое перечисление не будет нести существенной методологической нагрузки и не сможет служить теоретической основой для разработки систем. Именно в такой ситуации необходимо выделить наиболее типичные задачи. Не вызывает сомнений, что типизация должна быть связана с классификацией самих экспертиз по родам и видам. Далее автор замечает, что универсальность некоторых математических методов распознавания образов часто приводит к тому, что одна и та же машинная программа оказывается пригодной для решения задачи автоматизации анализа самых различных объектов судебной экспертизы¹⁸⁵.

Анализ изложенных выше позиций объясняет причины наметившейся в криминалистической науке и в судебной экспертологии интенсификации исследований по проблеме экспертных задач. Кроме того, побудительным мотивом научного анализа понятия экспертной задачи явилось стремление прежде всего криминалистов привести содержание рассматриваемого понятия в соответствие с методологией экспертного познания. Именно этому направлению научного анализа уделено значительное внимание в работах А. И. Винберга, Г. Л. Грановского, Ю. Г. Корухова, Ю. К. Орлова, В. Ф. Орловой, М. Я. Сега, В. А. Снеткова, А. Р. Шляхова и многих других ученых.

Содержательной основой нетрадиционной оценки экспертных задач явился уровневый подход к определению их структуры, который выразился в выделении в общей системе экспертного познания задач *диагностического, классификационного, идентификационного и ситуалогического (ситуационного) уровней*. Такой подход, с одной стороны, значительно расширил имеющиеся представления о классе неидентификационных экспертиз, обозначив в нем наличие различных уровней решения задач, а с другой – более рельефно оттенил задачи идентификационного уровня.

В практическом же плане дифференциация задач по уровневому критерию легла в основу конкретизации целей и условий задачи каждого уровня, что

¹⁸⁴ См.: Грановский Г. Л. О понятиях и основах классификации задач комплексной экспертизы // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР. М., 1980. С. 72 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 42).

¹⁸⁵ См.: Эджубов Л. Г. Теоретические, правовые и организационные проблемы автоматизации судебной экспертизы: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1989. С. 78–79.

создало методологическую базу для унификации структуры решения экспертных задач независимо от класса, рода, вида экспертиз, а следовательно, предопределило возможность создания единых познавательных методов решения задач каждого уровня.

Отмечая широкие возможности и перспективы рассматриваемого направления для практической реализации накопленного в криминалистической науке и судебной экспертологии потенциала, в то же время нельзя не обратить внимание на неоднозначность теоретических посылок и аргументации во взглядах ученых на различные аспекты исследуемой проблемы.

С точки зрения судебной экспертологии главная проблематика здесь заключается в определении сущности задач неидентификационного уровня, их места в структуре познавательной деятельности судебного эксперта. Основная сложность, препятствующая объективному уяснению данного вопроса, обусловлена, на наш взгляд, ранее сложившимися представлениями о криминалистической экспертизе как решающей в основном идентификационные задачи. Подобный подход, принижающий значение неидентификационных экспертных исследований в экспертизе за счет придания приоритетности идентификационным, отмечался в работах ведущих ученых-криминалистов. Так, А. Р. Шляхов, отдавая должное экспертизам неидентификационного характера, тем не менее пишет, что предмет криминалистической экспертизы составляют прежде всего идентификационные вопросы¹⁸⁶. По мнению А. В. Дулова, «криминалистическая экспертиза является идентификационной. Именно это определяет ее место в системе других видов судебной экспертизы»¹⁸⁷.

В свое время А. И. Винберг, аналогично характеризуя криминалистическую экспертизу, писал: «Для отграничения сферы криминалистической экспертизы от судебно-медицинской, судебно-химической и других видов судебных экспертиз могут быть предложены два критерия: основной и производный. Основным критерий относится к главной задаче экспертизы: индивидуальная идентификация – это сфера криминалистической экспертизы, и родовая идентификация – сфера судебной физики, химии и т. д.»¹⁸⁸. В последующем автор не изменил своей позиции. Так, в совместной работе с Н. Т. Малаховской он отмечал, что основу криминалистической экспертизы составляет криминалистическая идентификация, выступающая в форме процесса, метода и цели экспертного исследования. Идентификационный уровень исследования признается

¹⁸⁶ См.: Шляхов А. Р. Предмет, объекты, методика и правовые основы судебных экспертиз. Гл. 1. С. 7–14.

¹⁸⁷ Дулов А. В. Разграничение пределов использования криминалистической техники следователем и экспертом // Вопр. судебной экспертизы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. С. 81.

¹⁸⁸ Винберг А. И. Насущные вопросы теории и практики судебной экспертизы // Сов. государство и право. 1961. № 6. С. 81–82.

авторами высшим уровнем решения задач криминалистической экспертизы, имеющей высокое доказательственное значение¹⁸⁹.

В связи с наличием значительного числа сторонников изложенной точки зрения, которая, думается, не столь однозначна и требует несколько иного осмысления, следует обратить внимание на то, что ни теория, ни судебная практика не дают оснований для подобной оценки сущности криминалистической экспертизы. Во-первых, с позиции процессуального доказывания “высокое доказательственное значение” могут иметь любые факты, устанавливаемые в процессе экспертного исследования и не только на идентификационном уровне решения задачи. В силу сказанного данный критерий не может быть принят для выделения идентификационной задачи как основной среди иных задач, решаемых криминалистической экспертизой. Во-вторых, отнесение идентификационных задач к разряду “высших” неприемлемо также и с точки зрения оценки сложности познавательного процесса, имеющего место при их решении.

Естественно, что во многих случаях практической экспертной деятельности идентификационная процедура вызывает ряд затруднений. «Сложный процесс решения задач этого уровня, – справедливо пишет А. Ф. Аубакиров, – требует более детального изучения каждого из этапов решения общей задачи (обнаружение, исследование, включая сравнение и оценку признаков), поскольку возникают трудности в построении точных моделей изучаемого процесса. Эти затруднения носят принципиальный характер и связаны в значительной степени со сложностью исследуемых процессов, отсутствием необходимой и достаточной информации и пр.»¹⁹⁰.

Встречающиеся в экспертной практике трудности при производстве идентификационных исследований можно объяснить трудоемкостью и множественностью факторов, определяющих возможность достижения уровня индивидуальности. Но та же экспертная практика имеет примеры обратного порядка. Так, в судебном почерковедении успешно разработаны методики установления исполнителей почерковых реализаций (почерк, подпись, знаки и т. д.), т. е. методики решения идентификационных задач. В то же время еще не получены надежные научные разработки, которые достоверно позволяли бы устанавливать по почерку возрастные категории, половые, совокупные группы – по образованию, специальности и др., т. е. оптимально решать задачи «низшего», если по аналогии воспользоваться предложенной терминологией, классификационного уровня.

Кроме того, нельзя не признать, что находящаяся в стадии формирования возможность решения экспертных задач ситуалогического (ситуационного) уровня по совокупности следов в вещной обстановке места происшествия стоит на порядок выше по степени сложности по отношению к идентификационным задачам. «Ее возможности, – справедливо подчеркивал

¹⁸⁹ См.: Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы...)... С. 131, 155–156.

¹⁹⁰ Аубакиров А. Ф. Теория и практика моделирования в криминалистической экспертизе: Дис. ... д-ра юрид. наук. Алма-Ата, 1986. С. 288.

Г. Л. Грановский, – намного превышают возможности традиционных экспертиз, а предметом является установление более широкого круга обстоятельств, подлежащих доказыванию, чем в случаях исследования вещественных доказательств»¹⁹¹.

В процессе решения ситуационных задач нередко необходим синтез всего комплекса специальных познаний, среди которых знания в области криминалистической идентификации реализуются в качестве лишь подзадач процесса исследования. Констатация данного факта не служит, в свою очередь, основанием для принижения значения и сложности задач идентификационного уровня, смысл здесь заключается в другом: критерием разграничения экспертных задач на «низшие» и «высшие» служит не принадлежность их к классу экспертиз (например, к криминалистическим), не сложность исследовательской процедуры (она может встречаться на любом уровне), а степень общности устанавливаемого факта на основе объективной возможности проникновения эксперта в сущность познаваемых явлений посредством исследования представленной исходной информации и применения имеющейся методической базы.

В этой связи представляется, что предлагаемая в теории характеристика криминалистической экспертизы как прежде всего идентификационной не в достаточной степени отражает ее сущность и не отвечает потребностям методологического анализа ее задач, потребностям практической экспертной и судебной деятельности. На данное обстоятельство в 1964 г. справедливо обращал внимание Б. М. Комаринец, который подчеркивал, что сужение сферы криминалистической экспертизы до случаев разрешения только задач идентификации значительно ее обеднит и отрицательно скажется на расследовании преступлений, так как лишит следствие и доказывание возможности разрешать с помощью экспертных исследований вопросы о важнейших для дела фактах¹⁹².

Как уже нами было отмечено, обозначившаяся в свое время в теории криминалистической экспертизы недооценка роли и возможностей неидентификационных исследований явилась одной из существенных причин отставания теоретической базы данной области знания от практических запросов экспертной деятельности. Другой немаловажной причиной создававшегося положения можно назвать различие подходов ученых-криминалистов к оценке задач данного уровня, их места и соотношения в структуре познавательной деятельности эксперта.

Введение в понятийный аппарат криминалистики и судебной экспертологии вместо неопределенного понятия «неидентификационные экспертизы (задачи)» новой терминологии, в частности «диагностические»,

¹⁹¹ Грановский Г. Л. Криминалистическая ситуационная экспертиза места происшествия // Реф. науч. сообщ. на теорет. семинаре – криминалистических чтениях (21 апреля 1977 г.). М.: ВНИИСЭ, 1977. Вып. 16. С. 3.

¹⁹² См.: Комаринец Б. М. Участие экспертов-криминалистов в проведении следственных действий по особо опасным преступлениям против личности // Теория и практика судебной экспертизы. М.: Юрид. лит., 1964. С. 13.

«классификационные», «ситуационные» исследования (экспертизы, задачи), обусловило критическое отношение ученых к данным общенаучным понятиям, попытки трансформировать их применительно к практической экспертной деятельности, определить место в системе криминалистического и экспертного знания.

Одним из первых подробный анализ сущности диагностических исследований в аспекте экспертной деятельности предпринял В. А. Снетков. Характеризуя их место в криминалистической экспертизе, автор писал: «Диагностика как особый процесс установления природы явлений имеет определенные особенности, отличающие ее от иных применяемых в криминалистической экспертизе видов познания, и прежде всего от криминалистической идентификации, установления родовой (групповой) принадлежности, классификации (классифицирования), в которых, как и в диагностике, существенную роль играет сравнительный метод»¹⁹³.

С точки зрения В. А. Снеткова, диагностика и отождествление в криминалистической экспертизе различаются по целям, объектам, содержанию. Диагностика имеет своей непосредственной целью установить природу изучаемого явления (состава материалов, способа и средств подделки документов и т. д.), идентификация – установить или исключить тождество. При сопоставлении диагностики с установлением родовой (групповой) принадлежности, по мнению В. А. Снеткова, необходимо иметь в виду неоднозначность понятия «установление групповой принадлежности», которое в одних случаях является идентификационным, а в других диагностическим процессом и должно осуществляться по правилам криминалистической диагностики со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Автор выступил против истолкования установления родовой (групповой) принадлежности как классификационного исследования, ибо задачей последнего является распределение предметов какого-либо рода на классы по наиболее существенным признакам.

Мы не случайно несколько подробно изложили позицию В. А. Снеткова, так как вопросы, затрагиваемые им, явились предметом широкой дискуссии. В частности, отметим, что по вопросу о сущности установления групповой принадлежности в криминалистике и судебной экспертизе бытуют весьма противоположные суждения. Так, В. Я. Колдин считал, что данный процесс является разновидностью классификационного исследования, предпринимаемого в целях выделения существенных свойств, вещественных доказательств, определения рода и вида объекта и природы вещества¹⁹⁴.

В рамках классификационных экспертиз рассматривают данное исследование также А. И. Винберг, А. А. Эйман и другие ученые. А. И. Рудиченко относит установление групповой принадлежности к

¹⁹³ Снетков В. А. Экспертная криминалистическая диагностика // Диагностика при производстве криминалистических экспертиз. М.: ВНИИ МВД СССР, 1984. С. 9–12.

¹⁹⁴ См.: Колдин В. Я. Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 114.

диагностическим задачам, называя их одновременно классификационными¹⁹⁵. По мнению Н. С. Романова, установление групповой принадлежности по своей сущности представляет распознавание объекта, его диагностирование¹⁹⁶.

«Классификационные экспертизы, – отмечают авторы учебного пособия “Экспертизы в судебной практике”, – устанавливают принадлежность объекта к какому-либо классу (групповая принадлежность), причем с использованием специфических признаков класс может быть определен в очень низких пределах, однако индивидуальность объекта эти экспертизы не устанавливают»¹⁹⁷.

Ряд ученых занимают промежуточные позиции по данному вопросу, считая, что установление групповой принадлежности в одних случаях является классификационной задачей, в других – идентификационной¹⁹⁸.

И, наконец, существует точка зрения, что данное исследование является, по существу, идентификационным. Так, Ю. Г. Корухов, анализируя экспертные задачи, высказался против включения в перечень неидентификационных задач исследований, связанных с установлением групповой принадлежности. «Установление групповой принадлежности в том плане, в каком оно трактуется в криминалистике, должно рассматриваться как один из видов или этапов идентификационного исследования, подчиняющегося общим принципам и целям криминалистической идентификации», – считает автор¹⁹⁹.

Всю совокупность экспертных задач ученый подразделяет на три категории: идентификационные, классификационные, диагностические. Установление групповой принадлежности, индивидуальное отождествление, в том числе установление целого по части, автор относит к идентификационным задачам. Классификационной задачей названо установление принадлежности объекта к общепринятому, в том числе стандартизированному, классу. Наконец, широким классом в данной конструкции представлены диагностические задачи, цели которых определяются как установление свойств и состояния объекта, результатов

¹⁹⁵ См.: Рудиченко А. И. Классификация и структура диагностических экспертных задач судебной экспертизы // Теорет. вопр. судебной экспертизы. М., 1981. С. 100 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 48).

¹⁹⁶ См.: Романов Н. С. Диагностика как метод и задача судебно-экспертного исследования // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1985. Вып. 31. С. 12.

¹⁹⁷ Экспертизы в судебной практике: Учеб. пособие для студентов юрид. ин-тов и фак-тов / Авт. кол.: В. И. Гончаренко (руководитель), В. Е. Бергер, Т. В. Варфоломеева и др. Киев: Вища шк., 1987. С. 19.

¹⁹⁸ См.: Арсеньев В. Д. Вопросы экспертной идентификации в судебном доказывании / Тр. ВНИИСЭ. М., 1974. Вып. 8. С. 3–25; Васильев А. Н. Советская криминалистика. М.: Юрид. лит., 1970; Орлов Ю. К. Спорные вопросы теории идентификации // Пробл. теории судебной экспертизы. М., 1980. С. 42–58 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 44).

¹⁹⁹ Корухов Ю. Г. Соотношение категорий экспертных задач: идентификационных, классификационных, диагностических // Актуал. пробл. теории судебной экспертизы. М., 1984. С. 99 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).

действия причинно-следственных связей. В данную категорию задач Ю. Г. Корухов включает и ситуационные исследования, которые, как отмечает автор, по своему существу являются диагностическими. «Их важная черта, – пишет он, – определение обстоятельств события по его отражению и установление причинной связи между событиями (фактами). При этих условиях возникают сомнения в целесообразности выделения ситуационных исследований в самостоятельный вид экспертиз»²⁰⁰.

Иная точка зрения на сущность и соотношение названных задач высказана А. И. Винбергом и Н. Т. Малаховской, которые выделяют четыре уровня исследований в структуре экспертного познания. «С позиции научной классификации, – пишут авторы, – следует подразделять криминалистическую экспертизу на идентификационную (установление единичного конкретного тождества объекта) и диагностическую и ситуационную (комплексную). Все другие судебные экспертизы подразделяются на классификационные (род, вид, групповая принадлежность), диагностические и идентификационные»²⁰¹.

Вызывает удивление отсутствие в предложенной классификации криминалистической экспертизы задач классификационного уровня, хотя в рассматриваемой работе в дальнейшем приводится перечень таковых. Авторами делается попытка разграничить диагностические и ситуационные экспертизы. По их мнению, для диагностической экспертизы характерно установление типичных признаков того или иного объекта для данной ситуации; задачей же ситуационной экспертизы является установление комплекса различных признаков, объектов, частных ситуаций, из которых складывается целостная картина исследуемого события, установление механизма которого требует применения самых различных судебных экспертиз²⁰².

Примером другого подхода к проблеме классификации экспертиз и задач можно назвать совместную работу В. Ф. Орловой и А. Р. Шляхова. Отмечая отсутствие единства мнений по основным вопросам криминалистической диагностики, в том числе и содержанию, систематизации задач экспертизы, авторы пытаются определить наиболее общие позиции, естественные для выделения класса задач диагностической экспертизы. «Несмотря на разнообразие видов диагностических исследований, – пишут они, – обращает на себя внимание определенная общность их объектов и целей: установлению (распознаванию) подлежат не собственно материальные образования, а их “поведение”, действия, носящие характер частных событий относительно основного события преступления. В этом... заключается специфика криминалистической диагностики в отличие от других

²⁰⁰ Корухов Ю. Г. Указ. соч. С. 106.

²⁰¹ См.: Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы...)... С. 159–160.

²⁰² См.: Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Указ. соч. С. 176.

многочисленных ее видов»²⁰³. На основе своего исследования авторы делают вывод: в отличие от идентификационных в диагностических задачах объект исследования не обладает статичностью объекта идентификации, он динамичен по своей сущности, а цель исследования составляет не его отождествление, а реконструкция имевшего место в прошлом неповторимого, уникального, частного события.

В предлагаемой В. Ф. Орловой и А. Р. Шляховым классификации экспертных задач определены следующие цели каждого из уровней:

классификационный – отнесение объекта к определенному классу, группе;
идентификационный – установление индивидуально-конкретного тождества объекта или приближение к нему;

диагностический – установление (реконструкция) элементарных частных событий;

ситуалогический – установление (реконструкция) частных или основного события.

Представленное здесь обсуждение сущности и соотношения (классификации) экспертных задач является лишь частью широкой дискуссии, развернувшейся в литературе по рассматриваемым вопросам. Тем не менее оно в достаточной степени характеризует неоднозначность в подходах ученых к отдельным аспектам понимания экспертных задач, а вследствие этого отсутствие устоявшихся представлений на сущность отдельных уровней задач экспертизы, в частности диагностических и ситуалогических. Вот почему вполне естественно воспринимается прозвучавшая диссонансом ведущемуся обсуждению критика отдельных взглядов ученых по данной проблеме, изложенная Н. А. Селивановым на страницах журнала «Социалистическая законность»²⁰⁴.

Поскольку позиция автора – одно из немногих альтернативных предложений, в частности по вопросу о диагностических экспертизах, считаем нужным остановиться на ней более подробно. Так, по мнению Н. А. Селиванова, деление криминалистических экспертиз на классификационные и идентификационные весьма условно, так как первые, устанавливающие групповое тождество (групповую принадлежность), являются «неиндивидуально-идентификационными». Автор допускает возможность называть их группофикационными, а их разновидностью считать классификационные экспертизы. «Но вот, – пишет Н. А. Селиванов, – в это устоявшееся деление вводится в качестве самостоятельного вида диагностическая экспертиза, которая при ближайшем рассмотрении вполне укладывается в рамки экспертизы, имеющей целью установление группового тождества. Решив (с нашей точки зрения неосновательно) отторгнуть от предмета группофикационных экспертиз некоторую часть и сделать ее

²⁰³ Орлова В. Ф., Шляхов А. Р. Принципы классификации задач криминалистической экспертизы // Актуал. пробл. теории судебной экспертизы. М., 1984. С. 55 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).

²⁰⁴ См.: Селиванов Н. А. Нужна ли криминалистике такая “диагностика”? // Соц. законность. 1988. № 6. С. 58–60.

предметом так называемой диагностической экспертизы, авторы таких решений по объективным причинам не смогли провести четкую границу между этими двумя частями целого». И далее: «Не всегда достаточно четко обозначается граница даже между диагностической и индивидуально-идентификационными экспертизами». Подвергнув критическому анализу взгляды некоторых ученых за расширительное толкование понятия «криминалистическая диагностика», автор приходит к выводу, что попытки найти какие-то особые диагностические средства и способы познания, отличающиеся от применяемых при производстве экспертиз по установлению тождества и групповой принадлежности, представляются бесперспективными. В заключительной части статьи Н. А. Селиванов пишет: «Если бы некоторые авторы не допустили неточностей в трактовке термина “диагностика”, все ограничилось бы констатацией простой истины – при производстве небольшой доли криминалистических группофикационных и отдельных технических экспертиз приходится решать технико-диагностические вопросы. Только и всего, и тогда не появились бы на свет теоретизирования относительно «криминалистической диагностики», научная состоятельность которой весьма сомнительна»²⁰⁵.

Приведенные нами отдельные положения статьи Н. А. Селиванова, касающиеся сущности диагностики в экспертных исследованиях, поднимают вопросы, которые не могут быть проигнорированы независимо от взглядов того или иного ученого на данную проблему. В этом, по нашему мнению, заключено положительное начало статьи. В целом соглашаясь с критическими замечаниями автора по поводу неустоявшихся представлений о диагностической экспертизе, отсутствия в криминалистике четких критериев ее разграничения, все же трудно согласиться с выводами, к которым приходит ученый, с ходу отвергая значение диагностики в криминалистическом ее понимании. Включение в терминологический аппарат криминалистической науки и судебной экспертологии понятий «диагностика», «диагностические задачи», «диагностические исследования», «диагностические экспертизы» (последнее, на наш взгляд, менее корректно) явилось не прихотью того или иного ученого, не увлечением модными терминами, а жесткой необходимостью конкретизировать цели и задачи познавательной деятельности, возникающие в процессе доказывания.

Можно полностью принять позицию З. М. Кирсанова, который подчеркивал, что для криминалистики было бы недальновидным пренебрегать научным арсеналом и перспективами дальнейшего развития теории распознавания и отказываться от творческого применения его методов и средств для решения задач борьбы с преступностью²⁰⁶.

С точки зрения логического анализа любое экспертное исследование можно считать не только идентификационным, направленным на ин-

²⁰⁵ Селиванов Н. А. Нужна ли криминалистике такая “диагностика”? ... С. 60.

²⁰⁶ См.: Кирсанов З. М. Криминалистическое распознавание и диагностика // Современные пробл. судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений: Тез. респ. конф. Киев, 1983. С. 51.

дивидуализацию единичного объекта (группы), как утверждает Н. А. Селиванов, но и диагностическим, решающим задачу распознавания происшедшего события либо его элементов. Вот почему понятны попытки криминалистов трансформировать общенаучные понятия применительно к специфической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Дискуссию по проблемам криминалистической (экспертной) диагностики, развернувшуюся в специальной литературе, трудно назвать «теоретизированием», скорее всего, это поиск путей совершенствования криминалистического знания на основе дифференциации и интеграции общенаучных положений²⁰⁷. Наличие же различных подходов в данном случае следует считать вполне нормальным явлением научного анализа (достаточно вспомнить бурные дискуссии по проблемам теории криминалистической идентификации). Другой вопрос – насколько та или иная концепция более реально отвечает практическим потребностям. Здесь, к сожалению, приходится констатировать, что эффективность криминалистических разработок по обсуждаемой проблеме еще далека от желаемых результатов.

Представляется, потребностям криминалистических и судебно-экспертных исследований отвечала бы разработка специфического подхода к анализу понятия «диагностика». И если криминалистическая диагностика может без особого ущерба воспринять основные положения теории диагноза, разработанные в медицине и технических науках, то в отношении экспертной диагностики, в силу значения экспертных специальных знаний в процессе доказывания, необходим более критический подход к анализируемому понятию. Основная цель судебной экспертологии в данном случае заключается, на наш взгляд, в разработке методологического аспекта диагностики, который позволит наиболее полно определить место диагностических исследований в структуре экспертного познания, выявить их соотношение с другими уровнями исследования, конкретизировать цели, условия и способы решения экспертных диагностических задач.

Проведенный нами обзор теоретических подходов к проблеме экспертных задач позволяет прийти к выводу, что кардинальные ее положения находятся в стадии научного обсуждения и разработки и являются весьма актуальными для теории и практики судебной экспертизы. С учетом данного обстоятельства попытаемся изложить свой взгляд на систему задач, формируемых в структуре экспертного познания, не исключая возможность иных подходов к рассматриваемой проблеме.

Прежде всего отметим, что анализ сущности задач судебной экспертизы как гносеологической категории трудно представить без характеристики устанавливаемых в процессе их решения форм, типов связей, существующих между предметами, объектами, явлениями объективной действительности. «Уразумение того, что вся совокупность процессов природы, – писал Ф.

²⁰⁷ Об этом более подробно см.: *Палий В. М.* Классификация экспертных задач в свете теории распознавания образов // *Криминалистика и судебная экспертиза*. Киев: Вища шк., 1988. Вып. 37. С. 30–35.

Энгельс, – находится в систематической связи, побуждает науку выявлять эту систематическую связь повсюду, как в частностях, так и в целом»²⁰⁸.

В философской литературе рассмотрены различные формы пространственно-временных, причинно-следственных, энергетических и иных связей. Подробно они проанализированы и в криминалистической литературе. Например, Ю. Г. Корухов, говоря об их значении, отмечает: «Применительно к расследованию преступлений знание форм связи и умение использовать их в познании события и его доказывании приобретают первостепенное значение. Событие преступления всегда связано с большим количеством других событий, действий, фактов. Однако далеко не все они имеют значение для данного конкретного дела. Доказательствами станут только те, характер связи которых дает основание считать, что устанавливаемые обстоятельства либо входят в предмет доказывания, либо способствуют его установлению»²⁰⁹.

Детальная характеристика субстанциональной, объемной, функциональной, генетической форм связей, а также связи преобразования и их значимости в структуре экспертного познания впервые подробно в криминалистике была дана А. А. Эйсманом²¹⁰.

По справедливому суждению М. Я. Сегая и В. К. Стринжи, связи взаимодействия следует признать центральным системообразующим звеном предмета судебно-экспертного познания, его адекватной гносеологической моделью. Оценивая их значение, они пишут: «Целостная система связей взаимодействия в гносеологическом аспекте, определяющем в конечном итоге методику экспертного исследования, может быть условно рассмотрена в качестве самостоятельных подсистем, направленных на решение идентификационных задач, диагностических и ситуационных»²¹¹.

Думается, предложение авторов может служить основой для дифференциации экспертных задач, позволяющей осуществить их типологию посредством вычленения в качестве предмета того или иного уровня определенных типов связей. Такой подход к экспертным задачам весьма актуален, ибо, как уже отмечалось, в теории судебной экспертизы вопрос об их сущности, критериях выделения и соотношении до сих пор остается дискуссионным.

С гносеологических позиций многообразие решаемых в судебной экспертизе задач обусловлено необходимостью познания различных фактов, содержанием которых является отражение многочисленных связей и закономерностей объективной действительности. Будучи по своей природе неоднородными, выражая различную степень общности познаваемых явлений, названные связи и закономерности лежат в основе иерархичности

²⁰⁸ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 35–36.

²⁰⁹ Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: Науч.-практ. пособие. М.: Норма-Инфра, 1998. С. 18.

²¹⁰ Эйсман А. А. Заключение эксперта (Структура и научное обоснование). М.: Юрид. лит., 1967.

²¹¹ Сегай М. Я., Стринжа В. К. О структуре экспертного познания... С. 5.

общего процесса познания. «Познание, как и реальный мир, которое оно исследует, – по емкому выражению М. М. Розенталя, – имеет свои уровни и “этажи”, и невозможно подняться на высшие, не пройдя низшие»²¹². Не является в этом отношении исключением и экспертное познание, характеристика которого без философского осмысления его направленности теряет свою объективность. Вот почему вычленение в процессе научного анализа той или иной формы связи, устанавливаемой экспертом в ходе исследования искомых обстоятельств, позволяет по-новому взглянуть на решаемые при производстве экспертиз задачи. При этом мы исходим из концептуального положения, отмеченного А. А. Эйсманом, что всегда возможно достаточно четко определить, какая именно связь должна быть выделена в качестве основной для ответа на конкретно поставленный вопрос. Здесь же необходимо отметить, что рассмотренные А. А. Эйсманом формы объективных связей были выбраны в качестве критерия дифференциации экспертных задач, излагаемых ниже. Такой подход к анализу задач экспертизы предпринимался и ранее, однако, на наш взгляд, при этом нередко происходило смешение различных форм связей при характеристике экспертной задачи того или иного уровня.

Предлагаемая нами дифференциация экспертных задач по уровневому критерию на основе познаваемых экспертом связей объективной действительности отличается от существующих в литературе предложений прежде всего реальным учетом иерархичности познавательного процесса. В этой связи в нашей системе уровневый подход учитывает в первую очередь глубину проникновения эксперта в сущность познаваемых явлений, итогом которого является степень обобщения устанавливаемого факта. Вполне естественно, что обстоятельства, выявляемые в процессе диагностического исследования, должны в гносеологическом плане отличаться по степени своей обобщенности от обстоятельств, выявленных в процессе классификационного исследования, идентификации либо ситуалогического анализа. Каждое из названных исследований преследует сугубо *свой* уровень обобщения, в зависимости от характера устанавливаемых в процессе познания связей. При этом каждая форма установленных экспертом объективных связей определяет не только содержание того или иного уровня исследования в структуре общего процесса экспертного познания, но и его иерархическое место как решенной (решаемой) задачи. Являясь, по существу, условной, дифференциация структуры экспертного познания по уровневому критерию дает возможность не только выделить цель и задачу каждого уровня познавательной деятельности эксперта, но и предложить самостоятельные методики их решения.

Изложенные принципиальные положения легли в основу предлагаемой ниже оценки экспертного познания как структурированной и иерархической системы, в которой базисными, предопределяющими любые иные исследования нами определены задачи диагностического уровня. Будучи

²¹² Розенталя М. М. Ленин и диалектика. М., 1963. С. 52.

первоначальным этапом познавательной деятельности эксперта, диагностические задачи направлены на установление субстанциональных связей и связей преобразования между свойствами объекта. В частности, установление субстанциональных связей в процессе экспертного исследования предполагает возможность вывода об объекте как таковом на основе анализа его собственных свойств (установление природы объекта), например диагностика холодного оружия, либо вывода о наличии определенных свойств объекта (установление состояния) на основе анализа его признаков как целого, к примеру решение вопроса о пригодности следа для целей идентификации посредством анализа его морфологических признаков.

Установление связи преобразования в процессе решения диагностической задачи предполагает, в свою очередь, возможность вывода о наличии объекта либо отдельных его характеристик на основе преобразования не поддающихся непосредственному восприятию отображенных свойств (признаков), к примеру получение невидимой части текста документа с помощью электронно-оптического преобразователя.

Предполагаемый взгляд на диагностические исследования как на основу экспертного познания базируется на том факте, что, не распознав, не различив, не определив природы материальных объектов или их состояние в процессе экспертного анализа (именно эти задачи решает экспертная диагностика), трудно говорить о возможности проведения какого-либо исследования вообще. Подобный подход согласуется с сущностью познавательного процесса, предусматривающего стадийный переход от анализа простейших форм отражения объектов окружающего мира к более сложным. «Надо сначала знать, что такое данный предмет, – подчеркивал Ф. Энгельс, – чтобы можно было заняться теми изменениями, которые с ним происходят»²¹³.

Сужение сферы диагностических исследований рамками установления субстанциональных связей и связей преобразования должно, на наш взгляд, лечь в основу определения экспертных задач данного уровня, позволяя отграничить их от ситуационных, предметом которых следует признать познание причинно-следственных и функциональных связей.

Мы уже отмечали, что выделение той или иной формы объективной связи при анализе экспертных задач является весьма условным, ибо в реальной действительности эксперт сталкивается с их переплетениями, взаимозависимостью и взаимообусловленностью. Здесь мы исходим из положения, которое, с нашей точки зрения, достаточно точно сформулировал А. А. Эйсман, подчеркивая, что процесс познания, его аналитическая ступень требует четкого разграничения понятий причинного и объемного описания событий, выявления причинных линий (действия, движения, изменения) и объемных и субстанциональных отношений (предмет, орудие, тип или вид вещей). «Эти линии, начинаясь в одной точке, расходятся затем и приводят к

²¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1947. С. 283.

разным результатам, без чего невозможно познание всех существенных сторон события»²¹⁴.

Говоря о сущности экспертной диагностической задачи, необходимо сказать, что ее целью является распознавание исследуемого объекта либо его характеристик на основе данных, ранее установленных и систематизированных в криминалистике, общей теории судебной экспертизы либо другой отрасли знания. Причем процесс диагноза осуществляется путем сравнительного анализа собственных признаков объекта, позволяющего в дальнейшем прийти к выводу о распознавании свойств и состояний определенного наукой либо практикой стандартизированного класса объектов. К примеру, сравнительный анализ признаков объекта дает возможность диагностировать его как след обуви, при этом эксперт оперирует специальными познаниями, разработанными криминалистическим учением о следах, в частности исходя из криминалистического понятия следа, его классификации.

Здесь следует согласиться с мнением С. А. Гиляревского и К. Е. Тарасова, которые пишут, что любое распознавание объекта в его «нормальном», наблюдаемом в данное время состоянии связано с определением его класса, рода, вида и т. д. на основе выявления, исследования его качественно-количественного состава; если анализ проводится в целях распознавания вещества для причисления его к определенному, уже известному виду, классу и т. д., то эта операция относится к диагностическому процессу²¹⁵.

Распознавание объекта либо его состояний на основе анализа собственных свойств с последующим выводом о его принадлежности к определенному, ранее установленному классу, являясь содержанием диагностической задачи, позволяет отграничить ее от задач классификационного уровня, предметом которых является познание не только субстанциональных, но и объемных связей между систематизированными в науке объектами. В рассматриваемом случае решение экспертной диагностической задачи является необходимым, но недостаточным условием. Сущность классификационной задачи заключается не только в распознавании в исследуемом объекте признаков того или иного класса, но и в последовательном сравнительном исследовании выявленных признаков с признаками классов, родов, видов, подвидов, установлении и обосновании различий и совпадений между ними. Целью классификационной задачи является процедура отнесения исследуемого объекта к определенному множеству, группе (классифицирование). Согласно содержащемуся в энциклопедии определению, «основным принципом этого процесса является сравнение рассматриваемых объектов с заданными образцами, эталонами, представителями классов»²¹⁶.

Характеризуя сущность классификационных задач, В. Ф. Орлова и А. Р. Шляхов пишут: «На наш взгляд, по цели и объекту классификационные

²¹⁴ Эйсман А. А. Заключение эксперта... С. 12.

²¹⁵ Гиляревский С. А., Тарасов К. Е. Диалектический материализм и медицинская диагностика. М.: Медицина, 1979. С. 33–34.

²¹⁶ Классифицирование // Большая сов. энцикл. 3-е изд. М., 1973. С. 269.

задачи отличаются как от идентификационных, так и от диагностических. Объекты классификационных исследований – любое материальное образование и их отображение, цель исследования – отнесение объекта к определенному, предусмотренному классификацией разряду, классу (установление родовой (групповой) с учетом различных порядков принадлежности). При этом объем определяемой группы не должен влиять на существо задачи экспертизы»²¹⁷.

Мы полагаем, что такой подход к оценке классификационных задач позволяет конкретизировать их место в структуре экспертного познания, в частности ответить на вопрос: каким видом исследования является установление групповой принадлежности – классификационным либо идентификационным? Данный вопрос возникает в связи с наличием в криминалистической литературе суждения, что установление групповой принадлежности является идентификационной задачей. Так, Ю. Г. Корухов, отмечая, что деление экспертных криминалистических задач должно быть осуществлено в рамках трех категорий – идентификационные, классификационные и диагностические, пишет: «К идентификационным задачам должны быть отнесены исследования двух видов: индивидуальное отождествление и установление групповой принадлежности (в том числе, установление общего источника происхождения)»²¹⁸.

Между тем более верной нам представляется точка зрения, излагаемая М. В. Салтевским, который в отличие от Ю. Г. Корухова подчеркивает, что термин «установление групповой принадлежности» позволяет четко ограничить эти два понятия, правильно судить о соотношении их друг с другом, видеть различие задач и цели отождествления и установления родовой (групповой) принадлежности, что, в свою очередь, исключает смешение понятий, неправильное их толкование²¹⁹.

Уточнение данного вопроса требует, на наш взгляд, оценки объективного различия частных целей, стоящих между этими двумя уровнями исследования, которые достаточно четко были сформулированы Н. В. Терзиевым: «При идентификации устанавливается, что это тот же самый единичный объект. При определении родовой (групповой) принадлежности констатируется лишь, что исследуемый объект относится к известному классу, является таким же по своему роду или виду»²²⁰.

Оценка установления групповой принадлежности в качестве цели классификационной задачи не препятствует ее анализу в качестве подзадачи идентификационного уровня, тем более что ее решение – необходимый этап установления тождества индивидуальности определенного объекта.

²¹⁷ Орлова В. Ф., Шляхов А. Р. Принципы классификации задач криминалистической экспертизы... С. 59.

²¹⁸ Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. С. 68.

²¹⁹ См.: Салтевский М. В. Объекты идентификации и установление групповой принадлежности. Киев: РИО МВД УССР, 1965. Вып. 2. С. 92–98.

²²⁰ Терзиев Н. В. Лекции по криминалистике. М.: ВЮЗИ, 1951. С. 21.

Принцип иерархичности задач диагностического, классификационного и идентификационного уровней концентрированно выражен Р. А. Кентлером, который рассматривал идентификацию как процесс последовательного разрешения трех задач: распознавание объекта; классификация, т. е. отнесение его к определенному классу; индивидуализация одного отдельного объекта или установление тождества данного конкретного индивидуального объекта²²¹.

Данный процесс объективно отражает методологию экспертного познания при решении задач идентификационного уровня, предполагающим в качестве необходимого условия индивидуализации объекта его диагностику и классификацию. Формулировка же конечного вывода осуществляется в этом случае экспертом посредством анализа объемной связи, существующей между предметами, составляющими группу, род, вид и т. п. – вплоть до связей, позволяющих индивидуализировать конкретный объект.

В ходе экспертного исследования каждая из рассмотренных нами задач может быть самостоятельной и выступать в качестве конечной цели судебной экспертизы. Однако, как уже отмечалось, по мере усложнения экспертной задачи (с точки зрения степени общности познаваемых фактов) необходимо учитывать ступени экспертного познания, иметь в виду его иерархичность. Такой подход, особенно в условиях внедрения в экспертную практику автоматизированных систем, дает возможность на объективной основе определить этапы исследования (подзадачи), уяснить цели и условия каждого из них, исходя из которых прогнозировать процесс решения экспертной задачи.

Рассмотренные нами уровни экспертных задач характеризуются одной особенностью – предметом их познания являются фактические данные, основанные на познании объектов материальной действительности, посредством анализа их морфологических, субстанциональных и объемных свойств (признаков) в их «статичном» выражении. Эти же свойства, однако уже с точки зрения существующих между ними причинно-следственных (генетических) и функциональных связей, являются, на наш взгляд, предметом ситуалогических (ситуационных) экспертных задач.

Выделяя ситуационный уровень в структуре экспертного познания, мы имеем в виду не только сложившееся в криминалистике представление о ситуационной экспертизе (А. И. Винберг, Г. Л. Грановский)²²², но и более узкую его трактовку, включающую анализ элементарных ситуаций, являющихся предметом отдельных экспертиз (например, установление возможности выстрела оружия без нажатия на спусковой крючок).

Такой подход позволяет уточнить цели задач ситуационного уровня: в одном случае – это установление на основе специальных познаний события в целом, в другом – установление фрагмента события. Соответственно задачи данного уровня по степени общности устанавливаемых фактов следует подразделять на общие и частные. И в том, и в другом случае характерной

²²¹ См.: Кентлер Р. А. О сущности идентификации вообще и юридической в особенности // *Вопр. криминалистики и судебной экспертизы*. Душанбе: НИИСЭ, 1962. С. 83–84.

²²² Авторы связывают ее с анализом вещной обстановки места происшествия.

чертой ситуационных задач будет анализ динамических процессов, отражающих взаимодействие объектов, выявление их причинно-следственных отношений.

Решение общей ситуалогической задачи носит интегральный характер, требует, как правило, специальных познаний в различных областях науки и техники и нередко принимает форму комплексной экспертизы. Сущность ситуалогической экспертизы достаточно подробно освещена в работах Г. Л. Грановского, который одним из первых дал ее теоретическое обоснование. «Объектом ситуалогической экспертизы, – пишет автор, – является событие, происшествие, а непосредственным объектом – место, где оно произошло. Эксперты могут судить о событии лишь по отражениям в вещной обстановке. Поэтому, хотя объектом ситуалогической экспертизы является событие, эксперты изучают его не непосредственно, а по его материальным отражениям в вещной обстановке места происшествия. Следует подчеркнуть, что речь идет о широком подходе, охватывающем событие в целом: его время, место, структуру и стадии, течения, действия виновных и потерпевших, связи между действиями лиц и последствиями, отобразившимися в отдельных следах и во всей обстановке»²²³.

Завершая общую характеристику задач ситуационного уровня, следует согласиться с мнением А. И. Винберга, Г. Л. Грановского, А. Р. Шляхова и других авторов о том, что их экспертное решение не означает превышения процессуальных полномочий эксперта, подмену им следователя и суда. Решающим и определяющим критерием правомочности подобного рода экспертиз является использование экспертом специальных познаний, не затрагивающих правовую оценку исследуемых обстоятельств.

Таким образом, анализ объективных связей и закономерностей, устанавливаемых при производстве судебных экспертиз, позволяет выделить в структуре экспертного познания исследования различного уровня, в зависимости от определяющей формы их отражения. Структура осуществляемой при этом дифференциации экспертных задач по данному критерию представляется следующим образом:

Уровень исследования	Форма связи	Задачи
Диагностический	Субстанциональная Преобразования	1. Установление природы объекта 2. Установление состояния объекта
Классификационный	Объемная	1. Отнесение диагностированного объекта к стандартизированному классу 2. Установление групповой (видовой) принадлежности объекта по отображению его свойств
Идентификационный	Объемная	1. Установление тождества конкретного объекта

²²³ Грановский Г. Л. Ситуалогические исследования места происшествия // Программированные методики трасологических исслед. М., 1979. С. 115 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 37).

		2. Установление целого по части 3. Установление принадлежности частей к единому целому 4. Установление единого источника происхождения
Ситуалогический	Функциональная Генетическая	1. Общая - установление исследуемого события в целом 2. Частные - установление фрагментов события: - определение способа совершения действия; - определения возможности совершения действия; - определение места совершения действия; - определения времени совершения действия; - определение механизма взаимодействия объектов; - установление причинной связи между действием и последствиями; - установление возможных последствий по совершенному действию; - определение причин и условий изменения объекта - иные.

В отличие от предлагаемой Ю. Г. Коруховым и другими учеными классификации экспертных исследований (задач), допускающей смешение задач диагностического и ситуалогического уровней, настоящая предполагает выделение ситуалогических задач в качестве самостоятельных. Еще раз повторимся, данный уровень экспертных исследований не следует смешивать с диагностическим, решающим строго определенные задачи по установлению природы объекта либо его состояния на основе выявления субстанциональной связи и связи преобразования. С другой стороны, разграничение классификационных и идентификационных исследований объектов экспертизы, не обуславливаясь различием выявляемой объективной связи (объемной), тем не менее связано с различным уровнем обобщения познаваемых при этом фактов. В первом случае критерием решения задачи будет отнесение объекта к определенному стандартизированному классу (установление принадлежности объекта к классу огнестрельного оружия), во втором – установление индивидуально-конкретного тождества объекта (индивидуализация данного конкретного экземпляра оружия).

Что касается исследований ситуалогического уровня, то при их оценке необходимо исходить из направленности решаемых на данном уровне экспертных задач на установление события в целом (к примеру, определение механизма ДТП на основе анализа вещной обстановки места происшествия) либо установление отдельных его элементов (определение причины столкновения ТС) посредством выявления генетической, функциональной или иных форм связи. Соответственно задачи данного уровня дифференцируются по степени общности устанавливаемого факта на общую

и частные. Цели частной ситуалогической задачи значительно уже, их достижение, как правило, обеспечивается специальными познаниями, к примеру, той отрасли знания, на основе которой производится экспертиза. Скажем, для решения вопроса о возможности открыть дверцу сейфа каким-либо инструментом достаточно познаний в области судебной трасологии. Предложенный перечень частных ситуалогических задач не является исчерпывающим, поскольку многообразны ситуации, становящиеся предметом судебной экспертизы.

Оценивая задачи ситуационного уровня, необходимо отметить, что оптимальное их решение предопределяется результатами диагностических, классификационных и идентификационных исследований, выступающих в качестве подзадач экспертизы. Если при решении общей ситуалогической задачи названные подзадачи, как правило, являются обязательными элементами ее структуры, то при решении частных возможны случаи, когда идентификационный уровень в исследовании может отсутствовать. Так, например, при установлении причины самопроизвольного выстрела оружия потребность в идентификационном исследовании бывает актуальна лишь в редких случаях.

Подводя итог изложенной позиции на сущность и соотношение экспертных задач судебной экспертизы, можно сделать следующие выводы: целям системного развития научной основы судебной экспертизы соответствует выделение в структуре экспертного познания задач диагностического, классификационного, идентификационного и ситуалогического уровней. Объективным критерием их разграничения по уровневому принципу следует считать формы системообразующих связей, выражающих различные стороны познаваемых явлений. Рассматриваемый подход в практическом плане создает предпосылки для конкретизации целей и условий исследований каждого уровня, а следовательно, формирования единой технологии решения экспертных задач определенной степени общности. Практика создания автоматизированных методик экспертного исследования показывает и подтверждает обоснованность уровневого подхода к экспертным задачам. В частности, ее анализ позволяет прийти к выводу, что на современном этапе развития криминалистических экспертиз принципам алгоритмизации познавательной деятельности эксперта в наибольшей степени соответствуют задачи диагностического и классификационного уровней, решение которых в традиционном плане осуществляется на основе аксиоматизированного знания. Что касается задач идентификационного и ситуалогического уровней, то преобладание в процессе их решения эвристических начал, предполагающих творческий поиск, обнаружение и выделение искомой информации значительно сужает сферу алгоритмического подхода, позволяя автоматизировать лишь отдельные операции, доступные математическому описанию. Изложенные положения нашли подтверждение при разработке и создании методик

автоматизированного решения экспертных задач диагностического и идентификационного уровней, рассмотренных ранее в нашей работе²²⁴.

3.3. К вопросу о комплексных исследованиях при решении задач судебной экспертизы

С принятием в 2015 г. действующего уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан в нем получила закрепление норма, регламентирующая правовой статус комплексной экспертизы. Чтобы на ее основе более наглядно осветить проблемы процессуального и, как следствие, теоретического характера, а также развернувшуюся в специальной литературе дискуссию по различным аспектам комплексности исследований при решении задач в судебной экспертизе, приведем содержание ст. 282 УПК Республики Казахстан (в ГПК РК она повторяется практически без изменений), предусматривающую ее проведение:

«Статья 282. Комплексная экспертиза

1. Комплексная экспертиза назначается, когда для установления обстоятельства, имеющего значение для дела, необходимы исследования на основе разных отраслей знаний, и проводится экспертами различных специальностей в пределах своей компетенции.

Комплексная экспертиза может проводиться одним экспертом в случае, если он имеет право производства исследований по различным экспертным специальностям.

2. В заключении комплексной экспертизы должно быть указано, какие исследования, в каком объеме провел каждый эксперт и к каким выводам он пришел. Каждый эксперт подписывает ту часть заключения, в которой содержатся эти исследования.

3. На основе результатов исследований, проведенных каждым из экспертов, ими формулируется общий вывод (выводы) об обстоятельстве, для установления которого экспертиза была назначена. Общий вывод (выводы) формулируют и подписывают только эксперты, компетентные в оценке полученных результатов. Если основанием окончательного вывода комиссии или части ее являются факты, установленные одним из экспертов (отдельными экспертами), то об этом должно быть указано в заключении.

4. В случае разногласий между экспертами результаты исследований оформляются в соответствии с частью четвертой статьи 281 настоящего Кодекса.

5. Организация производства комплексной экспертизы, порученной органу судебной экспертизы, возлагается на его руководителя...».

По сравнению с предыдущим УПК РК, статья обогатилась нормой о возможности проведения комплексной экспертизы одним экспертом. Данный аспект нами будет рассмотрен ниже, а пока отметим, что в специальной

²²⁴ *К.Н. Шакиров. Судебная экспертиза: проблемы теории и практики... 203 с.*

литературе правовая природа комплексной экспертизы ставилась под сомнение и на этом основании поднимался вопрос о правомочности ее как самостоятельного института. Поводом для такого суждения явились сомнения в правомочности дачи совместного заключения экспертами различных специальностей, неоднозначная оценка правовых последствий их совместной деятельности, исходя из процессуального принципа, предусматривающего личную ответственность каждого эксперта за данное им заключение. В варианте с комплексной экспертизой таковая, по мнению ряда авторов, размывается и фактически переходит на уровень коллективной ответственности, не предусмотренной процессуальным законодательством.

В этой связи, на наш взгляд, вполне обоснованно высказывание М. Н. Ростова, который пишет: «В судебной экспертизе, где процессуальная деятельность эксперта регулируется достаточно жесткими предписаниями закона, главное, что вынуждает весьма осторожно подходить к допустимости комплексных исследований, – это сомнения в правомерности решения экспертами задачи, относящейся к различным специальным знаниям»²²⁵.

На наличие данной проблемы обратил внимание также З. М. Соколовский, который считал, что именно при использовании специальных знаний из различных областей возникают процессуальные трудности, в результате чего вопрос о комплексной экспертизе является одним из сложных в теории судебной экспертизы. «Иначе говоря, – отмечал автор, – в этих случаях необходимо уяснить: как сочетать совместную деятельность специалистов различных профессий, решающих единый вопрос, с требованием закона давать заключение только в пределах специальных познаний эксперта с его личной ответственностью за данное заключение»²²⁶.

Эту мысль далее развил В. Е. Корноухов, который, анализируя процессуальное законодательство, пришел к выводу, что вне правового регулирования остаются многие важные вопросы: «Может ли рассматриваться в качестве комплексной экспертизы исследование с применением совокупности комплекса методов разных наук; если да, то как совместить данное положение с требованием закона о проведении исследований в соответствии со специальными знаниями эксперта в пределах его научной компетенции; если нет, то данные каких наук правомерно использовать при проведении комплексной экспертизы?»²²⁷.

В поисках ответа на поставленные и иные вопросы оценки комплексной экспертизы ученые заняли противоположные позиции, о чем свидетельствует широкое обсуждение различных ее аспектов, приводимое ниже.

²²⁵ Ростов М. Н. О комплексных экспертных исследованиях и их организационно-процессуальных формах // Организационно-правовые пробл. судебных экспертиз. М., 1982. С. 24 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).

²²⁶ Соколовский З. М. О так называемых комплексных исследованиях в судебном доказывании и криминалистической экспертизе: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1972. Ч. 1. С. 45.

²²⁷ Корноухов В. Е. Правовое регулирование комплексных экспертных исследований // Общетеорет. вопр. судебных экспертиз. М., 1992. С. 43 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).

Дискуссия о правомочности комплексной экспертизы как процессуального института

С точки зрения М. С. Строговича и Р. Д. Рахунова, комплексная экспертиза **не соответствует нормам процессуального законодательства**, так как при ее производстве эксперты нередко выходят за пределы своей компетенции ²²⁸.

Аналогичного, по сути, взгляда придерживается Э. Б. Мельникова, которая, допуская возможность проведения комплексных исследований в экспертизе, тем не менее выступает против оформления их результатов одним заключением, поскольку, по ее мнению, в таких случаях каждый эксперт, подписавший общее заключение, будет отвечать за исследование в целом, в то время как его компетенция распространяется лишь на часть исследования ²²⁹.

Справедливости ради следует отметить, что доминирующей точкой зрения в позициях большинства ученых является признание допустимости и правомерности производства комплексных экспертиз комиссионным составом экспертов, обладающих знаниями из различных отраслей науки и техники. При этом ряд авторов исходят из анализа характера специальных знаний, применяемых экспертами, уровень которых, по их мнению, достаточен для профессиональной оценки знаний, не входящих в непосредственную компетенцию эксперта.

Так, В. Д. Арсеньев в этой связи пишет: «Характерной чертой комплексной экспертизы является дача экспертами заключений, содержащих общие “синтетические” выводы, входящие в пределы компетенции каждого отдельного эксперта и включающиеся в своеобразную “компетенцию” двух и более экспертов, проводящих экспертизу. Практика проведения комплексных экспертиз показала возможность конструирования такой “комплексной” компетенции экспертов только при условии, что каждый из них имеет представления об основах другой экспертизы»²³⁰.

С позиции И. Л. Петрухина, эксперты, несмотря на то что каждый из них специализирован в сравнительно узкой области знания, в конечном счете обладают научной компетенцией и только поэтому они вправе составить общее заключение ²³¹. По мнению же В. М. Галкина, «предполагается, что каждый эксперт владеет только знаниями в своей сфере, но все они

²²⁸ См.: Рахунов Р. Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1953; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки уголовного процесса. М., 1968.

²²⁹ См.: Мельникова Э. Б. Компетенция криминалистической экспертизы и оценка заключения // Вопр. криминалистики. М., 1963. Вып. 3. С. 35.

²³⁰ Арсеньев В. Д. Процессуальные проблемы комплексной судебной экспертизы // Теорет. вопр. судебной экспертизы. М., 1981. С. 72 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 48).

²³¹ См.: Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 146.

компетентны, чтобы, отправляясь от исследований другого, произвести синтетические обобщения и дать общий вывод»²³².

М. Н. Ростов, анализируя данную проблему, отмечает, что в основе различий решаемых задач всеми экспертами, их частью или одним экспертом лежит наличие или отсутствие у экспертов знаний для критической оценки того, что сделано другими экспертами. Именно полным несовпадением объема знаний или совпадением их в той или иной части определяется одинаковость (неодинаковость) компетенции разных экспертов. Автор считает, что если каждый эксперт, участвующий в комплексном исследовании, осведомлен о знаниях, являющихся достоянием других экспертов, в пределах, необходимых для решения совместной задачи, то выхода за пределы компетенции не происходит и принцип личной ответственности каждого эксперта за данное им заключение не может быть нарушен²³³.

Несколько иную аргументацию в обоснование отсутствия выхода эксперта за пределы своей компетенции при даче совместного вывода приводит М. П. Чавчанидзе, который полагает, что с учетом того, что между знаниями различных родов, видов и даже классов судебных экспертиз не существует строгих границ (наряду со специальными имеются пограничные отрасли знания) и что задачей комплексной экспертизы является решение именно пограничных вопросов судебных экспертиз, можно утверждать о наличии у экспертов различных специальностей общих знаний, позволяющих им в ряде случаев проводить совместное исследование, давать по ним общий вывод²³⁴.

А. Р. Шляхов считал, что эксперты при даче совместного заключения действуют в пределах своей компетенции. Если же эксперты решают вопросы, относящиеся к различным классам, родам экспертиз в пределах своей компетенции, но без совместного исследования и оценки результатов, то таковая экспертиза не является комплексной. В этом случае имеет место комплекс экспертиз²³⁵.

В свою очередь, Ю. Г. Корухов, отмечал, что наиболее сложным и спорным является вопрос о том, какие знания и в каком объеме могут сочетаться при производстве комплексных экспертиз, пишет: «Представляется, что возможность комплексных экспертиз не случайно ограничивается решением вопросов из смежных наук, поскольку подразумевается не только наличие узкой специализации эксперта, но и определенных его познаний в смежной области (областях). Здесь на первый

²³² Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. М., 1968. Ч. 2. С. 61.

²³³ См.: Ростов М. Н. О комплексных экспертных исследованиях... С. 28.

²³⁴ См.: Чавчанидзе М. П. Комплексная экспертиза как одна из форм комиссионной экспертизы // Пробл. орг. и проведения комплекс. эксперт. исслед.: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. С. 47.

²³⁵ См.: Шляхов А. Р. Теория и практика комплексных исследований... С. 31.

план выступает наличие базового образования эксперта и его специализации, полученной в процессе профессиональной подготовки»²³⁶.

Такая же позиция была выражена Р. С. Белкиным, считавшим, что формальными показателями компетенции эксперта служат указываемые в заключении сведения об уровне, характере образования и стаже работы эксперта по специальности, которые в современных условиях не дают исчерпывающего представления ни о возможностях получившего это образование специалиста, ни о содержании образования. Связано это, по его мнению, с тенденциями интеграции научного знания, изменения характера подготовки специалистов при сохранении традиционного названия их профильной специальности. К примеру, современный химик должен профессионально владеть рядом физических, физико-химических методов исследования, математическим аппаратом и т. п. Следовательно, судить о компетентности эксперта по наименованию его базового образования в нынешней ситуации можно лишь приблизительно, отвлекаясь от личности эксперта. В связи с изложенным автор справедливо предлагал наименование образования заменить указаниями тех областей знания (или их отделов) и тех методов, которыми эксперт владеет профессионально, что должно быть подтверждено соответствующей квалификационной комиссией²³⁷.

Следует отметить, что предложения автора фактически реализованы в деятельности Центра судебной экспертизы МЮ Республики Казахстан, где специализация экспертов проводится по специальному Перечню экспертных специальностей²³⁸, присваиваемых при аттестации экспертов комиссией Министерства юстиции РК. Однако, нельзя не сказать, что это в итоге не решает проблемы определения компетенции и компетентности экспертов при их включении в состав комиссии, проводящей комплексную экспертизу.

Таким образом, как видим из изложенных позиций, большинство ученых не усматривают какого-либо превышения полномочий при даче совместного заключения экспертов по комплексной экспертизе. Мы же в этой связи хотели бы заметить, что по своему содержанию компетенция эксперта носит двойственный характер, условно подразделяясь на процессуальную и профессиональную, на чем не все авторы акцентируют внимание. Что касается профессиональной компетенции, то она служит необходимым условием возможности дачи совместного заключения при производстве комплексной экспертизы. Процессуальная же компетенция выявляет правовые основания и результаты участия эксперта в ее производстве в качестве члена комиссии экспертов. Смещение названных компетенций эксперта в позициях отдельных ученых в итоге порождает неверную трактовку сущности применяемых экспертом знаний при проведении комплексных исследований.

²³⁶ Корухов Ю. Г. Теоретический, методический и процессуальный аспекты комплексных экспертиз и комплексных исследований // Пробл. орг. и проведения комплекс. эксперт. исслед.: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. С. 33.

²³⁷ Белкин Р. С. Методологические проблемы комплексной экспертизы ... С. 39–40.

²³⁸ См.: Судебная экспертиза: Сб. законодательных актов. Алматы: Юрист, 2012. 134 с.

Некоторые неясности в правовом режиме комплексной экспертизы были в свое время порождены известным Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г., в котором рассматриваемое понятие фигурировало лишь в преамбуле. В п. 6 документа указывалось, что в необходимых случаях, когда установление того или иного обстоятельства невозможно путем проведения отдельных экспертиз, либо это выходит за пределы компетенции эксперта или комиссии экспертов, может быть назначено **проведение ряда исследований, осуществляемых несколькими экспертами** (выделено нами. – *К. III.*) на основе использования разных специальных познаний. Эксперты вправе при этом составить совместное заключение ²³⁹.

В постановлении отмечалось, что основанием вывода одного эксперта могут быть факты, установленные другим экспертом, а также подчеркивалось, что принцип личной ответственности эксперта полностью распространяется на лиц, участвовавших в производстве такой экспертизы.

В данной ситуации вполне естественно возникают вопросы: каким образом может быть распределена личная ответственность каждого эксперта при даче совместного заключения и не трансформируется ли последняя в коллективную ответственность экспертов, что законом не предусмотрено?

Думается, чтобы ответить на эти вопросы, требуется проведение специального анализа с целью уточнить правовую природу комплексной экспертизы. При этом нельзя не учитывать существующие в литературе взгляды ученых, обосновывающие правомерность производства комплексной экспертизы посредством анализа ее сущности как процессуального института. Правда, здесь важно обратить внимание на имеющиеся расхождения в позициях разных ученых по такому аспекту, как критерии, позволяющие разграничить **комплексную экспертизу и комплексные исследования** в рамках моноэкспертизы, и **комплекс экспертиз**, например при исследовании одного и того же объекта. Между учеными не достигнуто понимания по вопросу о возможности **единоличного производства экспертом комплексной экспертизы**, т. е. вне состава комиссии экспертов.

Насколько неоднозначны взгляды специалистов по изложенным вопросам, можно судить по характеру их обсуждения в специальной литературе.

Дискуссия о возможности производства комплексной экспертизы одним экспертом

А. Р. Шляхов, подчеркивая, что комплексная экспертиза – понятие процессуальное, писал, что ее суть состоит в том, что исследование проводится для решения смежных (пограничных) задач различных родов (видов), классов экспертиз, которые не могут быть разрешены на основе одной отрасли экспертных знаний. Согласно позиции автора, критериями комплексности в рассматриваемом случае будут:

²³⁹ См.: О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1971. № 1. С. 337.

– использование разных специальных знаний для решения пограничных задач, когда такие задачи не могут быть решены на основе отдельных предметных наук;

– одновременность исследования разных свойств объектов;

– совместная оценка и обобщение полученной информации.

Комплексная экспертиза, по мнению А. Р. Шляхова, может выполняться и **единолично**, если эксперт владеет знаниями в пограничных областях. Ни общность изучаемых объектов, ни количество экспертов даже различных специальностей не являются решающими признаками комплексной экспертизы. Главным ее признаком, считал автор, является решение пограничных вопросов разного рода экспертиз²⁴⁰.

Определяющим признаком комплексной экспертизы, по мнению Р. С. Белкина, выступает необходимость кооперации знаний специалистов разного профиля при исследовании общего для них объекта исследования. Он также допускал возможность единоличного проведения комплексной экспертизы, обосновывая свою позицию тем, что в процессуальном плане для решения подобного вопроса не возникает никаких препятствий, поскольку любое заключение эксперта (экспертов) подлежит «обязательной оценке следователем и судом и только они решают вопрос о его использовании по делу»²⁴¹.

Этих же взглядов придерживаются А. Я. Палиашвили²⁴², И. А. Алиев²⁴³ и другие ученые. В частности, с точки зрения И. А. Алиева, возможность проведения комплексной экспертизы одним экспертом допустима, ибо при проведении экспертных исследований основную роль играют не число экспертов, обладающих различными знаниями, а сущность, цели и мотивы данного заключения.

Совершенно иной подход по этому вопросу мы обнаруживаем у ряда ученых, категорически **не допускающих возможность признания экспертизы комплексной в случае ее единоличного проведения экспертом**. Например, В. М. Галкин в этой связи подчеркивал: «Комплексная экспертиза есть разновидность комиссионной. Иное понимание комплексной экспертизы, основанное на ее смешении с комплексными исследованиями, вообще снимает всю эту проблему в процессуальном плане»²⁴⁴. Такую же позицию занимают В. Д. Арсеньев и Ю. К. Орлов, отмечая в совместной публикации, что не будет комплексной (в процессуальном смысле) экспертиза, проведенная одним экспертом, обладающим познаниями в различных областях, так как нет признака, обозначающего основное специфическое свойство комплексной экспертизы –

²⁴⁰ См.: Шляхов А. Р. Теория и практика комплексных исследований... С. 6–7.

²⁴¹ Белкин Р. С. Методологические проблемы комплексной экспертизы... С. 39.

²⁴² См.: Палиашвили А. Я. Экспертиза в суде по уголовным делам. М., 1973.

²⁴³ См.: Алиев И. А. Процессуальные и организационные вопросы проведения комплексных исследований // Пробл. орг. и проведения комплекс. эксперт. исслед.: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. С. 63.

²⁴⁴ Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе... С. 60.

общий синтетический вывод. В качестве критериев, выражающих комплексную экспертизу, авторы выделяют следующие: комиссионный состав экспертов; применение различных специальных знаний; оформление единого акта, в котором синтезируются результаты исследования объекта различными специалистами и содержатся их совместные выводы²⁴⁵.

Эти положения развиваются Ю. К. Орловым в другой работе, где автор подчеркивает, что комплексная экспертиза в отличие от комплексного исследования **является прежде всего понятием процессуальным**. Ее отличительные признаки: участие в производстве экспертов различных специальностей и возникающее отсюда разделение функций между ними, совместное формулирование выводов экспертами различных специальностей. Автор считает, что существенным признаком комплексной экспертизы являются ее правовые особенности, суть которых не в различии отраслей знаний, необходимых для решения вопросов, а в одинаковости или неодинаковости компетенции экспертов. По его мнению, если комплексная экспертиза может проводиться одним лицом, никакой правовой специфики у нее нет и вопрос о ее допустимости даже не встает²⁴⁶. Такого же мнения придерживается и Ю. Г. Корухов, считающий, что комплексной экспертизой является такая, при производстве которой решение вопроса невозможно без одновременного участия различных специалистов в формулировании общего вывода. Основанием такого вывода служат частичные заключения каждого эксперта по вопросам, относящимся к его компетенции. Эти заключения должны вплотную подводить и к совместному заключению всех экспертов²⁴⁷.

Однозначен подход к данной проблеме М. Н. Ростова, который отмечает, что комплексное решение экспертной задачи и решение ее одним лицом с процессуальной точки зрения различны. Автор пишет: «Если согласиться с тем, что комплексная экспертиза может проводиться как комиссией экспертов, так и одним лицом... то понятие “комплексная экспертиза” становится таким широким, что процессуальная сторона и процессуальные особенности скрываются за признаками организационно-методических форм. На первый план выдвигается один устойчивый признак – использование специальных познаний», и далее заключает: «Комплексная экспертиза является средством и формой интеграции знаний в условиях дифференциации и базируется на коллективной деятельности... С процессуальной точки зрения необходимым условием комплексной

²⁴⁵ См.: *Арсеньев В. Д., Орлов Ю. К.* Проблемы правового регулирования экспертизы в уголовно-процессуальном и гражданско-процессуальном законодательстве союзных республик // Тр. ВНИИСЭ. М., 1973. Вып. 5. С. 87.

²⁴⁶ См.: *Орлов Ю. К., Шляхов А. Р.* Судебная экспертиза: организация и проведение // Соц. законность. 1980. № 7. С. 78.

²⁴⁷ См.: *Корухов Ю. Г.* Теоретический, методический и процессуальный аспекты комплексных экспертиз... С. 32.

экспертизы является групповой способ объединения результатов исследования»²⁴⁸.

Таким образом, сторонники характеристики комплексной экспертизы как комиссионного способа решения экспертных задач в основу своей аргументации кладут различные обоснования, в числе которых называются и коллективный способ получения обосновывающего вывода, и одинаковость правовой компетенции экспертов, и отсутствие правовой специфики комплексной экспертизы в случае производства экспертизы одним экспертом. Иными словами, вне коллективного решения экспертной задачи авторы не видят необходимости обращения к анализу правового статуса экспертизы как комплексной. Хотя, как видим из приведенной выше статьи 282 УПК РК, законодатель в нашей республике четко прописал норму, закрепляющую право производства комплексной экспертизы одним экспертом.

В предлагаемых выше вариантах комплексного производства экспертизы естественным образом возникают вопросы о способах кооперации деятельности экспертов, порядке их взаимодействия на различных этапах проводимого ими исследования, формах осуществления руководства комиссией экспертов. Перечисленные вопросы, как и иные аспекты комплексной экспертизы, также являются предметом широкого обсуждения.

Дискуссия о способах формирования выводов экспертов при производстве комплексной экспертизы

В дискуссии по данному вопросу в свое время особое внимание было уделено фигуре так называемого «эксперта-интеграциониста» или «ведущего эксперта», призванного координировать совместное решение экспертной задачи экспертами разных специальностей. Высказанные в литературе мнения о роли ведущего эксперта, его конкретных полномочиях в процессе проведения совместного исследования не всегда совпадают, а в отдельных случаях противоречат друг другу. Одно из оспариваемых суждений заключается в том, что функция ведущего эксперта рассматривается с точки зрения интегратора заключений, представленных другими экспертами, работающими в одной комиссии. В частности, И. Л. Петрухин по этому поводу отмечал, что допустимы случаи, когда ведущий эксперт не проводит никаких исследований, а на основе полученных им заключений по частным вопросам составляет заключение комплексной экспертизы²⁴⁹.

Аналогичную мысль высказали А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская, считавшие, что ведущий эксперт («интеграционист») может давать заключение «на основе анализа и синтеза ряда частных заключений

²⁴⁸ Ростов М. Н. Комплексная экспертиза как разновидность комиссионной экспертизы // Общетеорет., процессуальные и организационные основы судебных экспертиз. М., 1987. С. 54 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).

²⁴⁹ См.: Петрухин И. Л. Комплексная экспертиза в советском уголовном процессе // Правоведение. 1962. № 1. С. 104–105.

(исследований) экспертов другого профиля»²⁵⁰, а также А. В. Дулов, который полагал, что ведущий эксперт может действовать и как лицо, объединяющее результаты исследований других специалистов²⁵¹.

В свою очередь, М. Н. Ростов, поддерживая такую позицию, отмечает, что, несмотря на возникающую в этом случае процессуальную коллизию, поскольку эксперт будет использовать данные, полученные другими экспертами, целесообразность такого варианта очевидна²⁵².

С возражениями против подобной интерпретации роли ведущего эксперта выступил ряд ученых, основным аргументом которых явилось то обстоятельство, что предлагаемые варианты выделения ведущего эксперта нарушают принцип непосредственности экспертного исследования. В частности, по мнению А. Я. Палиашвили, такая трактовка роли ведущего эксперта противоречит закону, в соответствии с которым эксперт должен давать заключение по результатам проведенного им исследования. Отсюда следует, что «ведущий эксперт», как и другие эксперты, также обязан проводить непосредственное исследование объектов²⁵³.

В литературе, кроме того, отмечалось, что если эксперт не проводит самостоятельного исследования объектов экспертизы, а только оценивает результаты частных исследований, проведенных другими экспертами, то в этой деятельности отсутствует один из основных признаков, характеризующих понятие экспертизы, – исследование. Признать же объектом экспертизы заключения других экспертов, в частности их выводы, неправомерно²⁵⁴, и более того, формулирование выводов на основании экспертных заключений само по себе экспертизой не является, а целиком входит в понятие исследования и оценки доказательств²⁵⁵.

В этой связи отдельные ученые обращают внимание на то, что ведущий эксперт, если такового признавать в комиссии экспертов, выполняет организационные функции и самостоятельно проводит определенные исследования, относящиеся к его экспертной специальности, не пользуясь никакими процессуальными преимуществами при разрешении вопросов по

²⁵⁰ Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы...). С. 179.

²⁵¹ См.: Дулов А. В. Права и обязанности участников судебной экспертизы. Минск, 1962. С. 62.

²⁵² См.: Ростов М. Н. Некоторые аспекты обоснований объективной необходимости «эксперта-интегратора» // Актуал. пробл. теории и практики судебной экспертизы. М., 1989. С. 40.

²⁵³ См.: Палиашвили А. Я. Процессуальная сущность комплексной экспертизы // Пробл. орг. и проведения комплекс. эксперт. исслед.: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. С. 15–16.

²⁵⁴ См.: Ароцкер Л. Е. О «синтетической» форме производства судебных экспертиз // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1980. Вып. 20. С. 34.

²⁵⁵ См.: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики: В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Акад. МВД СССР, 1978. С. 63.

существо²⁵⁶, в силу чего нет необходимости регламентировать деятельность ведущего эксперта процессуальным законом²⁵⁷.

Таким образом, и в данном случае, как и по всем остальным аспектам процессуальной организации и производства комплексной экспертизы, специалисты не могут прийти к единому мнению.

Естественен вопрос: насколько обсуждаемые проблемы комплексной экспертизы имеют перспективу не формального (в смысле закрепления понятия в норме закона), а своего логического разрешения в процессуальном законодательстве? С точки зрения оценки процессуальной природы судебной экспертизы как таковой законодателю должен быть абсолютно безразличен способ формирования экспертного заключения – на основе одной или нескольких отраслей научного знания. И в том, и в другом случаях для формального признания акта экспертизы в качестве доказательства по делу им устанавливаются специальная процедура ее назначения, порядок ее производства экспертами и требования к оценке ее результатов субъектами доказывания. К проведению же собственно исследования на основе применения судебным экспертом (экспертами), как сказано в законе, «специальных научных знаний», получению выводного знания и составлению по его итогам письменного документа – заключения эксперта, заверенного его личной подписью, никто кроме самого эксперта (экспертов) не должен иметь непосредственного отношения, так как это будет означать вторжение в его компетенцию.

Здесь мы хотели бы подчеркнуть мысль, что понятие «комплексная экспертиза» в предлагаемой процессуальным законом Республики Казахстан интерпретации не требует специальных правовых механизмов ее регламентации. В законе в этом случае вполне достаточно было бы опираться на регламентированное определение *комиссионной* экспертизы, которую можно было бы определить как исследование обстоятельств дела, проводимое несколькими экспертами, итогом которого является совместное формулирование в едином заключении **общего вывода (выводов)**. При этом не имело бы значения использование специальных знаний одной или нескольких отраслей науки. Главное – это чтобы подписывающие заключение эксперты были компетентны в формулировании общего вывода самостоятельно проведенных исследований.

Именно с этих позиций следует признать, что приведенная в начале раздела ст. 282 УПК РК не несет с точки зрения понимания комплексности никакой содержательной нагрузки, кроме общего указания на то, что комплексная экспертиза проводится экспертами различных специальностей в

²⁵⁶ См.: *Алиев И. А.* Процессуальные и организационные вопросы... С. 63. Именно такой подход закреплен в новом УПК РФ. См.: *Безлепкин Б. Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: ООО «ВИТРЭМ», 2002.

²⁵⁷ См.: *Жгенти О. В.* Правомочия ведущего эксперта при производстве комплексной экспертизы // Пробл. орг. и проведения комплекс. эксперт. исслед.: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. С. 66.

пределах своей компетенции. Согласно данной статье, в заключении комплексной экспертизы должно быть указано, какие исследования, в каком объеме провел **каждый эксперт и к каким выводам он пришел**, подписывая ту часть заключения, в которой содержатся эти исследования. Общий же вывод (выводы) формулируют и подписывают только эксперты, **компетентные в оценке полученных результатов**.

В итоге получается, что при производстве комплексной экспертизы каждым экспертом проводится **самостоятельное исследование** и лишь только формулирование общего вывода осуществляется совместно при условии компетентности экспертов. Однако при такой формулировке нормы закона мы имеем дело не с **комплексным исследованием**, которое должно быть стержневым началом комплексной экспертизы, а лишь с **комплексной оценкой его результатов**, что далеко не одно и то же.

С позиции доказательственного права подобную оценку должен проводить либо следователь, либо суд. Вопрос в этой связи должен быть поставлен более категорично: либо мы имеем дело с действительно комплексным исследованием, необходимым компонентом которого является **совместный анализ присланных на экспертизу объектов и совместная оценка всего хода и результатов исследования**, либо ни о каком совместном комплексном исследовании при производстве экспертизы в его научном и процессуальном понимании не должно идти речи. Поскольку в анализируемой редакции статьи закона комплексность рассматривается с точки зрения только лишь совместной оценки экспертами результатов проведенных исследований, то мы имеем в данном случае вариант комплекса экспертиз.

Сказанное означает, что не только обсуждение, но и регламентация процессуальных аспектов комплексной экспертизы должны учитывать то обстоятельство, что данное понятие – это прежде всего понятие гносеологическое. При этом нельзя не принимать во внимание, что в условиях современной тенденции научного знания к интеграции само понятие «судебная экспертиза», как его разновидность, наполняется новым содержанием и, по сути, не может быть представлено вне комплексного начала. Фактически любое исследование, если оно признается судебно-экспертным, должно базироваться на комплексе знаний, привлекаемых из различных отраслей науки и техники, что дает нам основание для признания любой экспертизы, если исходить из ее понимания как *научного исследования*, в качестве *комплексного знания*. Это очевидное обстоятельство, как видно из приводимой дискуссии, игнорируется отдельными учеными ввиду различных причин, но прежде всего в силу традиционного понимания судебной экспертизы как любого, в том числе не требующего научного обоснования исследования, проводимого в рамках уголовного или гражданского дела.

Проведение водораздела между понятиями «комплексная экспертиза» и «комплексное исследование», являющимися, по существу, тождественными в силу характера специальных знаний, используемых в экспертизе, не дает

желаемого результата, поскольку в познавательном плане они должны нести одну и ту же смысловую нагрузку. Сказанное находит подтверждение при анализе практики расследования и судебного рассмотрения дел. Если с изложенных выше позиций проанализировать, к примеру, роль и место экспертных заключений в установлении обстоятельств преступлений, то, несомненно, мы приходим к выводу, что встречающееся в деятельности правоохранительных органов обращение к экспертным исследованиям, не носящим по своей сути комплексного характера, чаще всего лежит в основе назначения дополнительных и повторных экспертиз, количество которых с каждым годом возрастает. В основе назначения данных видов экспертиз лежит прежде всего неудовлетворенность субъектов доказывания результатами первичных экспертиз из-за их слабой обоснованности, малого объема привлеченных экспертом научных знаний. Сложившаяся ситуация должна в первую очередь подвигнуть законодателя к введению процессуального института комплексной экспертизы с тем, чтобы дать в руки субъектов доказывания *дополнительные возможности* по привлечению в судопроизводство специальных знаний и не должна сводиться лишь к *формальному обозначению* комплексной экспертизы, как это сделано в УПК РК. Законодатель обязан учитывать необходимость соответствия процессуального понятия данной экспертизы ее гносеологическому содержанию.

К примеру, по делам о дорожно-транспортных происшествиях при решении экспертной задачи о возможности (невозможности) его предотвращения водителем транспортного средства эксперты нередко ограничиваются анализом технических аспектов исследуемого события, игнорируя другие, сопутствующие ДТП факторы, также требующие экспертного анализа: психофизиологическое состояние участников ДТП, характер дорожной обстановки и т. п. Вполне понятно, что практическая значимость такой «экспертизы» для целей доказывания неадекватна запросам правоохранительных органов, поскольку получение максимально объективизированной информации по отдельным обстоятельствам ДТП невозможно без проведения комплексных исследований. Подход к судебной экспертизе как комплексному исследованию, в частности по делам о ДТП, обуславливается тем, что предмет исследования в данном случае представляет собой сложную функционально-динамическую систему, состоящую из взаимосвязанных элементов: водитель – автомобиль – дорога – среда и собственно ситуация, порожденная их взаимодействием. Попытки решения возникающих при исследовании данной системы вопросов вне комплексного анализа ее элементов посредством лишь одной отрасли знания не позволяют получить объективную картину происшедшего события. Именно познавательная направленность предмета исследования в процессе экспертного установления механизма и обстоятельств ДТП предопределяет необходимость *комплексного* подхода к изучаемым явлениям в целях получения научно обоснованных результатов, без которых экспертиза теряет свою изначальную значимость. То же самое можно сказать и в отношении

экспертных исследований при расследовании и судебном рассмотрении дел о пожарах, убийствах, хищениях и т. д.

Таким образом, проведенный выше анализ понятия «комплексная экспертиза» наглядно подтверждает высказанную ранее нами мысль о необходимости более критического отношения в рамках судебной экспертологии к ее терминологическому аппарату. В данном случае мы исходим из того, что содержательная основа экспертных знаний претерпевает изменение в сторону их усложнения. В связи с тем, что значительное число решаемых на практике экспертных задач имеет своей целью установление природы или состояния объектов, а внедрение в следственную и экспертную практику достижений научного знания создает условия для аксиоматизации способов их решения, упрощения исследовательской процедуры, возникает, как уже отмечалось, потребность не только профессиональной, но и *процессуальной* переориентации деятельности судебного эксперта на использование комплекса специальных знаний, достаточного как для единоличного, так и в составе комиссии решения задач.

Процессуальная регламентация комплексного начала в экспертном исследовании обуславливается также необходимостью научного установления и обоснования на основе различных отраслей знаний обстоятельств, подлежащих доказыванию, – события преступления (времени, места, способа и др.), лица, совершившего преступление, последствий преступления, его характера и причиненного ущерба, а также всех иных обстоятельств, не требующих в процессе производства экспертизы юридической интерпретации. В свою очередь, это создает основы для формирования и разработки в рамках судебной экспертологии новой систематизации экспертиз, наряду с уже существующей отраслевой по классам, родам, видам, но уже по иному критерию – целевой направленности на устанавливаемые в судебном процессе обстоятельства. Нетрудно представить практическую значимость предлагаемой систематизации, если у следователя, суда появится такой, основанный на данных науки инструмент познания, как судебная экспертиза времени совершения преступления, судебная экспертиза способа совершения преступления, судебная экспертиза ущерба, нанесенного преступлением, и т. д.

Несомненно, что работа в направлении совершенствования содержания судебных экспертиз требует разработки новых подходов к решению интеграционных экспертных задач. Именно в этом случае правовые начала регламентации комплексности судебной экспертизы должны способствовать ей в приобретении своего истинного смысла и предназначения как способа концентрации потенциала разных отраслей научного знания в проведении экспертами **единого совместного исследования**, а не просто совместной оценки самостоятельно полученных результатов, как это имеет место в законодательстве. Действующая регламентация института комплексной экспертизы приводит к тому, что на практике экспертными учреждениями нашей республики рассматриваемый институт фактически не разработан,

субъектам доказывания не показаны реальные возможности комплексных исследований, что в итоге, как подтверждает статистика, приводит лишь к единичным фактам назначения подобных экспертиз. Зато та же статистика свидетельствует о тенденции роста дополнительных и повторных экспертиз как показатель снижения качества производства первичных экспертиз.

В криминалистической литературе предложен иной вариант по формированию комплексного подхода к анализу сущности судебной экспертизы. Мы уже отмечали, что Г. Л. Грановским была исследована ситуалогическая экспертиза места происшествия, являющаяся, по существу, интеграционной. К сожалению, это предложение не нашло должной поддержки среди криминалистов и процессуалистов, несмотря на то, что в нем содержится одно из рациональных решений комплексности при производстве экспертизы. Суть этого решения заключается в том, что в процессе установления обстоятельств места происшествия судебный эксперт в случае необходимости (например, отсутствия знания в какой-либо области) мог бы в максимальной степени опереться на данные, которые поставлялись бы ему специалистами-консультантами. Подобное взаимодействие эксперта и специалистов не противоречит действующему законодательству, так как не предполагает смешения компетенций сведущих лиц – эксперт проводит собственное комплексное исследование, используя процессуально оформленные сведения специалистов из той или иной отрасли знания как справочный материал. С другой стороны, такое взаимодействие является оптимальным способом реализации по исследуемому обстоятельству совокупности специальных знаний, в том числе из разных отраслей науки и техники, в рамках единоличной экспертизы. В ином случае следователь (суд) стоит перед необходимостью самостоятельно интегрировать результаты исследований, полученных с привлечением специальных знаний, либо назначать комплексную экспертизу, поручая ее производство комиссии экспертов. Вполне естественно, что вариант, при котором результаты исследований, основанных на специальных научных знаниях, в том числе специалистов, интегрирует эксперт, а не следователь или суд, более предпочтителен в силу его продуктивности.

Как видим, анализ процессуального законодательства в части регламентации комплексной экспертизы свидетельствует о необходимости приведения его положений в соответствие с научно обоснованным пониманием института специальных знаний. В этой связи еще раз подчеркнем, что разработка в судебной экспертологии специального направления исследований по пересмотру сложившегося в данной области понятийного аппарата на основе оценки реальных потребностей судебной практики представляется весьма актуальной, ибо позволяет на новой основе взглянуть на сущность решаемых в судебной экспертизе задач, как комплексных по своей сущности и природе.

3.4. Объекты судебной экспертизы: к дискуссии о сущности понятия

Рассмотренные нами положения о сущности предмета судебной экспертизы и ее задачах имеют непосредственное отношение к оценке объекта экспертного исследования, не менее значимого понятия при анализе судебной экспертизы как практической деятельности. Его правильное уяснение в судебной экспертологии позволяет не только провести разграничение между предметом и объектом экспертного познания, как самостоятельными, но в то же время взаимосвязанными понятиями, но и как ранее указывалось, обоснованно классифицировать осуществляемые на практике различные виды судебных экспертиз.

В науке под объектом понимается философская категория, выражающая объективную реальность, противостоящую субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности²⁵⁸. Являясь выражением этой реальности, объекты не зависят в своем существовании от познающего субъекта. В свою очередь, предмет познания направлен на исследование закономерностей формирования объекта, изучение его сторон, свойств и отношений. Данное обстоятельство говорит об обусловленности предмета познания потребностью в исследовании объекта, что свидетельствует о наличии субъективного начала при определении предметной области. В этом коренное отличие предмета познания от объекта, и именно этим объясняется известный факт, что один и тот же объект может быть предметом исследования различных наук, что в итоге предопределяет непосредственную связь предмета познания с его научным (практическим) содержанием.

Разработка научных положений об объекте судебной экспертизы предполагает, как и в любой отрасли науки, всестороннее исследование гносеологического и информационного аспектов. Исследование гносеологического аспекта является отправным для уяснения понятия и сущности объекта судебной экспертизы и путей его познания экспертом. Информационный аспект позволяет исследовать закономерности извлечения информации, содержащейся в объекте, способы ее преобразования и передачи субъектам доказывания для дальнейшего использования при установлении искомых обстоятельств.

Особенностью анализа и оценки объектов судебной экспертизы в отличие от объектов, изучаемых в иных отраслях знания, является обязательность исследования их правового статуса, что связано с процессуальным режимом института судебной экспертизы, предполагающим возможность использования получаемой экспертом информации в качестве доказательства по делу. И если исследование гносеологического и информационного аспектов при изучении объекта экспертизы осуществляется с учетом положений теории и методологии познания, то исследование правового аспекта требует учета концептуальных положений процессуальной науки.

²⁵⁸ См.: Сов. энцикл. сл. 4-е изд., испр. и доп. М., 1990. С. 925.

В судебной экспертологии наличие правового аспекта при характеристике объекта иногда обуславливает его разную интерпретацию учеными. К примеру, в Словаре основных терминов судебных экспертиз под объектами понимаются «материализованные, определенные уголовно-процессуальным и гражданско-процессуальным законодательством источники информации – материалы уголовного либо гражданского дела»²⁵⁹.

По мнению Т. В. Сахновой, объекты экспертизы – это материальные предметы (их свойства, признаки), живые организмы – те предметы внешнего мира или человек, которые обладают определенным правовым статусом. Автор пишет: «Следует подчеркнуть, что объектом являются не сами вещественные или письменные доказательства (такое смешение иногда встречается), а предметы и организмы как материальные или материализованные носители информации. Такое понимание объекта соответствует критериям, заложенным в определении объекта судебной экспертизы: гносеологическому и правовому»²⁶⁰.

Утверждая в совместной публикации, что объектами экспертизы во всех случаях могут быть **только материальные объекты**, А. И. Винберг, Д. Я. Мирский и М. Н. Ростов отмечают: «Представляет интерес вопрос о том, могут ли рассматриваться в качестве объектов экспертизы нематериальные категории – сведения, голос, записанный на пленку, и т. п. По нашему мнению, в этих случаях речь идет о подлежащей исследованию информации, заключенной в определенных носителях (протоколе допроса, фонограмме), которые и должны быть признаны объектами экспертизы. Объект и содержащаяся в нем информация находятся в тесном единстве, их нельзя оторвать друг от друга, но и нельзя отождествлять; носитель исследуемой информации может содержать и другую дополнительную информацию – например признаки дописки в протоколе или монтажа звукозаписи в фонограмме. Именно поэтому объектами экспертизы во всех случаях могут быть только материальные объекты»²⁶¹.

Критически оценивая эту позицию, можно прийти к выводу, что, говоря о недопустимости разделения объекта и содержащейся в нем информации, авторы тем не менее в качестве объекта признают только материальный носитель информации (документ, фонограмму), вольно или невольно игнорируя собственно саму содержащуюся в объекте информацию.

На наш взгляд, придание при характеристике объекта экспертного исследования приоритета его материальному субстрату на основании того, что он может содержать дополнительную информацию, ограничивает понимание объекта только рамками его формы. Анализ собственно материального носителя (например, пленки) ничего не даст исследователю без воспроизведения имеющегося в объекте нематериального содержания. В

²⁵⁹ Объект // Слов. основ. терминов судебных экспертиз. М., 1980. С. 53.

²⁶⁰ Сахнова Т. В. Судебная экспертиза. М., 2000. С. 39.

²⁶¹ Винберг А. И., Мирский Д. Я., Ростов М. Н. Гносеологический, информационный и процессуальный аспекты учения об объекте судебной экспертизы // Вопр. теории и практики судебной экспертизы. М., 1983. С. 19.

этом смысле под объектами экспертного исследования должны пониматься не только материальные носители информации, но и любые зафиксированные в них идеальные отображения явлений и процессов.

Следует обратить внимание на то, что ранее в другой совместной публикации авторы высказали противоположную позицию: «Обнаружение и осмысливание связи между различными по своей природе объектами исследования, познание закономерностей этой связи, основанных на множестве отношений, в которые вступает преступник с внешней средой, привели к тому, что объектами судебной экспертизы стали не только отдельные материальные объекты и образования, но и **материальная (вещная) обстановка события преступления** (выделено нами. – *К. Ш.*), комплексное исследование которой позволяет решать интеграционные задачи, способствующие познанию механизма совершения преступления»²⁶².

Оценивая эти суждения, трудно не согласиться с В. Д. Арсеньевым, констатирующим, что объектом экспертизы обычно называют материальные носители информации, непосредственно исследуемые экспертами, которые по отношению к экспертизе в целом носят вспомогательный характер. В качестве же основного объекта экспертизы выступают те реально существующие (или существовавшие в прошлом) явления, на установление которых непосредственно направлена экспертиза (обстоятельства смерти, исполнение текста документа или подписи в нем определенным лицом и т. п.). Материальные носители информации об этих явлениях (труп, документы и др.) – их составная часть (действительная или предполагаемая)²⁶³.

Несколько иную точку зрения по рассматриваемому вопросу излагает Ю. К. Орлов, который, соглашаясь, что экспертному исследованию в принципе могут подвергаться различные процессы (события, явления, действия), в то же время считает обоснованным более узкое понимание объектов – как конкретных предметов. «Применительно к экспертному исследованию, – утверждает он, – в отличие от других видов познавательной деятельности, объект исследования является понятием не только гносеологическим, но и правовым, представляет собой единство гносеологического и правового аспектов. Правовой же режим может быть распространен лишь на реально существующие объекты. Объекты нематериального характера (факты, события прошлого) могут выступать только как гносеологическая категория, и исследование такого рода объектов может рассматриваться лишь в гносеологическом, а не правовом аспектах. Если же понимать объект экспертного исследования как единство гносеологического и правового моментов, то таковым следует признать материальные предметы». Уточняя свою мысль, автор далее пишет, что «даже в случаях, когда эксперт изучает какой-либо процесс, непосредственному исследованию обычно подвергаются

²⁶² Винберг А. И., Мирский Д. Я., Ростов М. Н. К проблеме объектов судебной экспертизы // *Общетеорет. вопр. судебной экспертизы*. М.: ВНИИСЭ, 1982. С. 3–4.

²⁶³ См.: *Арсеньев В. Д.* Соотношение понятий предмета и объекта судебной экспертизы... С. 8.

также конкретные предметы, претерпевшие при этом те или иные изменения либо находившиеся в среде, где проходил изучаемый процесс»²⁶⁴.

Нетрудно заметить, что позиция, изложенная Ю. К. Орловым, фактически разделяет приведенное выше небесспорное мнение отдельных ученых о признании за объектами исследования только материального субстрата. Действительно, осуществляя экспертное исследование, эксперт непременно имеет дело с материальными носителями информации. Однако во всех случаях проведения такого исследования следует различать его конечную цель, а если быть точнее, предмет экспертного познания. Если таковым, к примеру, является установление холодного оружия, то имеются все основания признать данное материальное образование в качестве объекта экспертного исследования. Ну а если предметом экспертного познания является выявление и изучение на основе специальных знаний информации, содержащейся в видеокассете, то говорить о данном материальном объекте только как о непосредственном объекте экспертного исследования не приходится. Видеокассета в данном случае лишь материальный носитель преобразованной информации и может в этом качестве представлять интерес для эксперта лишь с точки зрения оценки места и способа ее изготовления либо обнаружения возможных конструктивных дефектов, влияющих на воспроизведение исследуемой информации.

По нашему мнению, совершенно прав был в этом отношении Р. С. Белкин, который отмечал, что при исследовании процессов, явлений эксперт имеет дело с материальными объектами, в которых или с которыми протекали эти процессы. Однако в этом случае материальные объекты могут являться средством воспроизведения исследуемых процессов, элементами той вещной обстановки, в которой они протекают. Для познания сущности процесса может не потребоваться непосредственного исследования этих объектов, достаточным окажется лишь их наличие²⁶⁵.

С точки зрения правового аспекта законодательство нашей республики не вносит каких-либо ограничений гносеологического характера на понимание объектов экспертного исследования, что находит подтверждение прежде всего в процессуальной регламентации их перечня в действующем законе. В соответствии со ст. 280 УПК Республики Казахстан объектами экспертизы могут являться вещественные доказательства, документы, тело и состояние психики человека, трупы, животные, образцы, а также относящиеся к предмету экспертизы сведения, содержащиеся в материалах уголовного дела.

Несмотря на расширенный (фактически неограниченный), предусмотренный законом перечень объектов экспертизы, они становятся **такими** лишь в процессе экспертного исследования. Подобная оговорка подразумевает необходимость оценки объектов экспертизы с точки зрения их допустимости и относимости. Дело в том, что в литературе существует мнение, что объект приобретает свой статус в качестве экспертного при

²⁶⁴ Орлов Ю. К. Объект экспертного исследования // Тр. ВНИИСЭ. М., 1974. С. 40.

²⁶⁵ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997. С. 316–317.

вынесении постановления о назначении судебной экспертизы. С этих позиций материалы, представляемые на экспертизу, подразделяются на три самостоятельные группы: основные объекты, сравнительные материалы и материалы, содержащие справочные сведения. К основным объектам относят непосредственно материальные объекты, содержащие определенную информацию, к примеру, вещественные доказательства; вторую группу представляют образцы для экспертного исследования. Что касается материалов, представленных в третьей группе, то под ними подразумеваются сведения, содержащие информацию, необходимую для экспертного исследования (протоколы, выписки, приказы, инструкции, ГОСТы, ТУ и т. д.)²⁶⁶.

Не возражая против предложенной классификации материалов, представляемых на экспертизу, все же следует обратить внимание на то, что соблюдение правового режима представляемых эксперту объектов в конечном счете определяется как самим экспертом в процессе их предварительного изучения, так и при оценке заключения эксперта следователем или судом. Скажем, результатом подобного изучения и оценки может стать вывод о несоответствии объекта требованиям процессуального законодательства об условиях производства экспертизы. В частности, предварительный вывод эксперта о том, что представленный на экспертизу объект (документ, вещественное доказательство) не требует для его исследования применения специальных экспертных знаний, дает основание эксперту отказаться в соответствии нормами УПК от производства экспертизы. С аналогичной ситуацией мы сталкиваемся, когда происходит нарушение процессуального режима объектов экспертного исследования, вызванного игнорированием требования законодательства о недопущении со стороны эксперта самостоятельного их собирания в процессе производства экспертизы. Обнаружение подобных фактов в процессе оценки заключения эксперта следователем (судом) должно автоматически повлечь отказ от признания данного документа в качестве доказательства.

К сожалению, и теория, и практика свидетельствуют об игнорировании этого концептуального правового положения, отчасти определяющего процессуальную компетенцию эксперта, закрепленную в законе. В большей степени и наиболее наглядно это проявляется при производстве судебных экспертиз, связанных с исследованием микрообъектов.

Впервые на данную ситуацию обратил внимание Л. В. Веницкий, который, справедливо подчеркивая, что экспертиза микрообъектов в настоящее время становится одной из самых эффективных, отмечал: «В рассматриваемом вопросе мы вынуждены констатировать не только ошибки практики, но и недостаточно аргументированные рекомендации в

²⁶⁶ См.: Винберг А. И., Мирский Д. Я., Ростов М. Н. Гносеологический, информационный и процессуальный аспекты учения... С. 12–13.

специальной литературе»²⁶⁷. Развивая свою мысль и подкрепляя ее примерами из судебной практики, автор акцентировал внимание на том, что при обнаружении и исследовании объекта самим экспертом возникает проблема относимости доказательства, под которым понимается связь между содержанием последнего и обстоятельствами, устанавливаемыми по делу. Связано это с тем, что на практике имеют место факты нарушения процессуальной формы, что позволяет недобросовестным (либо малоквалифицированным) работникам встать на путь фальсификации доказательств. Микрообъекты, по мнению Л. В. Виницкого, будут отвечать требованиям допустимости в случае их надлежащего осмотра, фиксации и приобщения постановлением органа дознания, следователя, суда. В целях усиления процессуальных гарантий подлинности микрообъектов автор в качестве варианта предлагал осуществлять производство экспертных исследований, в которых предполагается обнаружить подобные объекты, двумя экспертами.

Аналогичного взгляда на проблему процессуальных гарантий в случае допустимости обнаружения микрообъектов самим экспертом придерживается и Н. И. Клименко: «В отношении микрообъектов, определяемых и фиксируемых вне процесса проведения следственных действий, возникает проблема обеспечения процессуальных гарантий введения их в уголовное судопроизводство. В итоге экспертного исследования на предмете-носителе, изъятом и исследованном следователем, с соблюдением норм УПК, выявляются новые следы, которые непосредственно не наблюдались лицами, участвующими в следственном действии, в результате которого этот объект установлен и приобщен к делу»²⁶⁸. С ее точки зрения, микрообъекты являются вещественными доказательствами и на них распространяется установленный законом порядок выявления, фиксации и приобщения к делу. Такой же подход к решению данного вопроса мы обнаруживаем у Г. И. Грамовича²⁶⁹ и В. К. Лисиченко²⁷⁰.

Однако в литературе встречается и иная точка зрения, допускающая - самостоятельное обнаружение судебным экспертом микрообъектов²⁷¹. В

²⁶⁷ Виницкий Л. В. Актуальные вопросы уголовно-процессуального регулирования судебной экспертизы // Общетеорет., правовые и организационные основы судебной экспертизы. М., 1987. С. 38.

²⁶⁸ Клименко Н. И. Использование экспертом исходных данных для производства экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1982. Вып. 25. С. 37.

²⁶⁹ См.: Грамович Г. И. Вопросы применения НТС при расследовании преступлений. Минск, 1970. С. 178–179.

²⁷⁰ См.: Лисиченко В. К. Использование данных естественных и технических наук в следственной и судебной практике. Киев, 1979. С. 25.

²⁷¹ См., например: Вандер М. Б. Понятие и значение микрочастиц в криминалистике // Правоведение. 1978. № 9. С. 8; Митричев В. С. Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий. Саратов, 1980. С. 18; Рахунов Р. Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1953. С. 13.

частности, М. Б. Вандер прямо утверждает, что поскольку микрообъекты часто обнаруживаются при производстве экспертизы, следует признать неправильными теоретические концепции, согласно которым эксперты не вправе сами обнаруживать какие-либо объекты.

Р. С. Белкин, признававший собирание доказательств экспертом противоречащим закону, все же допускал возможность положительного законодательного решения данного вопроса в части предоставления эксперту права собирать доказательства в некоторых, специально оговоренных случаях, например при исследовании предметов – возможных носителей микрообъектов и при производстве некоторых видов экспертиз, в частности судебно-медицинского исследования трупа и живых лиц²⁷².

Предлагавшийся Р. С. Белкиным и другими авторами подход к решению рассматриваемого вопроса, к сожалению, принципиально не изменит существующую на практике ситуацию, обусловленную фактами небрежности, а то и фальсификации со стороны экспертов при исследовании микрообъектов, на которые обращал внимание Л. В. Веницкий. К примеру, по делам об изнасилованиях существенным средством доказывания нередко являются заключения экспертов по вопросу о факте контактного взаимодействия (ФКВ), решаемого в отдельных случаях на основе изучения наличия взаимоперехода объектов волокнистой природы на одежде, принадлежавшей потерпевшей и подозреваемому. Здесь достаточно небрежного предварительного экспертного осмотра предметов-носителей (в одном помещении, на одном столе) для осуществления такого взаимоперехода микрообъектов и, наоборот, не составляет особого труда «удалить» эти объекты посредством элементарного встряхивания одежды. При таком варианте расследования уголовного дела фактическая ответственность за качество материалов, собираемых для производства экспертизы, должна быть возложена на самих экспертов, которые юридически таковой не обладают. Даже если законодательно ввести подобную ответственность в отношении эксперта, то доказать факт возможной фальсификации при обнаружении (не обнаружении) объекта экспертного исследования в силу его специфичности будет чрезвычайно сложно. Речь в данном случае идет не о добросовестности эксперта и соблюдении экспертной этики – в большинстве своем этот вопрос в отношении экспертных работников не возникает. Дело в другом. Принятие предлагаемого решения о допущении самостоятельного собирания экспертом доказательственной информации (а микрообъекты должны приобщаться к делу как вещественные доказательства) может лишить уголовный и гражданский процесс при назначении и производстве экспертизы удостоверительного характера, что, в свою очередь, создает потенциальную возможность и условия для совершения процессуальных нарушений.

Думается, что имеющиеся процессуальные средства для собирания доказательств себя не исчерпали, в том числе и в случаях необходимости

²⁷² См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы, рекомендации. М.: Юрист, 1997. С. 115–116.

обнаружения микрообъектов. Для законного и качественного их обнаружения и закрепления предусмотрены такие следственные действия, как осмотр, освидетельствование, получение образцов для экспертного исследования, осуществляющиеся в присутствии понятых и допускающие при необходимости привлечение специалиста. При производстве следственных действий могут применяться технические средства и использоваться научно обоснованные способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Порядок производства следственных действий, оформления их результатов, приобщения и хранения вещественных доказательств, ответственность должностных лиц за надлежащее исполнение процессуальных обязанностей подробнейшим образом регламентированы процессуальным законом, что в итоге создает предпосылки для обеспечения гарантий должного введения в процесс тех или иных объектов экспертного исследования.

Изложенное позволяет прийти к однозначному выводу, что имеющиеся в литературе предложения по изменению существующего правового режима формирования объектов, предназначенных для производства экспертизы, трудно назвать обоснованными, а существующую распространенную практику самостоятельного собирания экспертом доказательств, в частности обнаружение и приобщение к экспертному производству микрообъектов, следует признать незаконной.

Таким образом, нами рассмотрены отдельные аспекты, в том числе и дискуссионного характера, наглядно иллюстрирующие формирование в судебной экспертологии самостоятельного направления научного исследования, которое может быть обозначено как учение об объекте судебной экспертизы. Приведенный анализ свидетельствует о необходимости дальнейшей его теоретической разработки не только для познания закономерностей формирования исходной информации, используемой при производстве экспертизы, но и изучения комплекса правовых вопросов, обуславливающих реализацию в экспертном исследовании принципов относимости и допустимости объектов с учетом их возможной доказательственной значимости в уголовном и гражданском процессе.

3.5. О научной классификации судебных экспертиз: проблемные аспекты

В процессе организации осуществления судебно-экспертной деятельности важное значение имеет решение вопроса о научно обоснованной классификации судебных экспертиз. Его решение предопределяется рядом факторов, среди которых следовало бы обратить внимание на следующие. Прежде всего классификация экспертиз – это наличие сформированного наукой систематизированного представления о сфере экспертного знания. Недвусмысленное определение его направления дает возможность не только получить системное видение данной научной и

практической отрасли, но и выделить структурные элементы, через которые она реализуется на практике. В свою очередь, дифференциация структурных элементов познавательной экспертной деятельности, выражающейся в конечном счете в производстве судебных экспертиз, требует уяснения объективных критериев, обоснование которых необходимо для выделения научных знаний, используемых в судопроизводстве в качестве специальных.

Конституирование научного знания в качестве специального в сфере судопроизводства дает возможность в методическом плане определить: а) актуальность привлекаемого и используемого знания как экспертного для решения задач уголовного и гражданского процесса; б) степень его разработанности и практической значимости; в) возможные пути совершенствования; г) перечень необходимых экспертных специальностей и, соответственно, требуемое структурное построение экспертных учреждений; д) основные направления подготовки кадров для судебно-экспертной системы. В совокупности научное обоснование названных компонентов должно предопределять государственную политику в области управления судебно-экспертной деятельностью. Именно поэтому в криминалистической науке и судебной экспертологии вопросам классификации судебных экспертиз, выяснению критериев их разграничения уделяется значительное внимание.

Мы уже отмечали, что в практике судебно-экспертной деятельности нашла признание и фактически воплощена классификация судебных экспертиз, разработанная А. Р. Шляховым²⁷³. Всю совокупность судебных экспертиз автор разделил на девять классов, которые подразделены на роды, виды и подвиды. К классам судебных экспертиз отнесены следующие: криминалистические, судебные инженерно-транспортные, судебные экономические, судебные биологические, судебные инженерно-технические, судебные инженерно-технологические (материаловедческие), судебные сельскохозяйственные, судебные экологические, судебные медицинские и психофизиологические. Данная классификация основана на делении экспертиз с учетом одновременно трех оснований: предмета, объекта и методики. Такой подход, отчасти противоречащий требованиям логики, предписывающей исходить из одного критерия при построении любой классификации, был во многом обусловлен не только сложной природой судебной экспертизы, но и тем, что введение единого критерия при дифференциации экспертиз хотя и возможно, но не дает желаемого результата. В самом деле, если исходить из такого критерия, как предмет экспертизы, то приходится констатировать, что все экспертизы изначально направлены на установление определенных фактических данных (обстоятельств), имеющих значение для дела, и в этом плане не исключается совпадение предметной направленности экспертного исследования. Например, направленность на установление совершения подозреваемым определенного действия насильственного характера по отношению к

²⁷³ См.: Шляхов А. Р. Классификация судебных экспертиз и типизация их задач: Материалы к ученому совету. М.: ВНИИСЭ, 1977.

потерпевшему может быть предметом как криминалистической экспертизы (через анализ трасологических объектов), так и судебно-медицинской (посредством определения тяжести нанесенных телесных повреждений).

То же самое можно сказать, когда в качестве критерия используются объекты либо методики экспертного исследования. Один и тот же объект, как ранее отмечалось, может исследоваться различными по классу экспертизами (например, тело человека, вещная обстановка места происшествия и т. п.). Не позволяют повесно провести дифференциацию экспертиз и экспертные методики, а тем более методы исследования, поскольку в силу интеграции знания они нередко находят применение в различных отраслях судебной экспертизы. К примеру, методы физики, химии, биологии – в криминалистической экспертизе, а трасологические – в медицинской. В этой связи О. В. Жгенти справедливо пишет: «Принять методное или какое-то иное одно основание для классификации сложно, так как в настоящее время нельзя назвать ни одной экспертизы, которая применяла бы один метод исследования... Исследуя, например, природу волокнистых материалов, состоящих из искусственных волокон, эксперты применяют химические методы. Но, используя одни химические методы, можно установить только самую широкую групповую принадлежность объектов. Задачей же экспертизы является установление узкой групповой принадлежности, а еще лучше – индивидуально-конкретного тождества. Поэтому эксперты в области криминалистической экспертизы волокнистых материалов наряду с химическими методами широко применяют физические, технические и др. ...Таким образом, даже такую экспертизу, как экспертиза волокнистых материалов, по методу исследования нельзя отнести к химической или, например, физической. Нужны еще какие-то дополнительные основания для классификации»²⁷⁴.

Считая трехмерное основание, предложенное А. Р. Шляховым, полезным и правомерным, О. В. Жгенти тем не менее находит возможным упростить иерархическую лестницу судебных экспертиз с четырех до трех уровней (класс, вид, подвид), а также сократить их количество с девяти до шести классов. По его мнению, такое упрощение отвечает известному в кибернетике принципу, в соответствии с которым эффективность функционирования структуры повышается с уменьшением ее сложности. В число рекомендуемых классов судебных экспертиз автор включает следующие: криминалистические, биолого-медицинские, экономические, инженерно-технические, сельскохозяйственные, судебно-транспортные.

Надо сказать, что вопрос о пересмотре существующей классификации судебных экспертиз неоднократно поднимался на страницах специальной литературы. Более того, одной из основных причин неприятия традиционной классификации было несогласие многих криминалистов с включением в класс криминалистической экспертизы таких нетрадиционных для криминалистики объектов, как материалы, вещества и изделия, и,

²⁷⁴ Жгенти О. В. Классификация судебных экспертиз, ее роль и значение // Общетеорет. вопр. судебной экспертизы. М., 1982. С. 15 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).

соответственно, признанием в качестве криминалистической экспертизы исследований их состава и структуры. Поскольку решение данного вопроса позволяет выйти на более широкий уровень анализа, а именно определить критерии «криминалистичности» научных знаний, привлекаемых в процесс решения экспертных задач, возникающих в судопроизводстве, и, следовательно, провести их дифференциацию с позиции классификации судебных экспертиз, коснемся некоторых аспектов развернувшейся в криминалистике дискуссии.

Прежде всего отметим, что обсуждение проблемы в данном случае сводится к оценке возможности осуществления в процессе экспертного исследования идентификации объектов на основе исследования их состава и структуры и, соответственно, признания такой идентификации криминалистической. Наиболее последовательными сторонниками положительного решения данного вопроса являются ученые, в числе которых можно назвать А. Р. Шляхова, В. С. Митричева, А. Ф. Аубакирова, М. Я. Сегая, И. Д. Кучерова и др.

В частности, в свое время А. Р. Шляхов, рассматривая установление групповой принадлежности как разновидность криминалистической идентификации, пришел к выводу о возможности индивидуальной идентификации жидких и сыпучих тел, исходя при этом из ее криминалистического обоснования²⁷⁵. В свою очередь, В. С. Митричев, подразумевая под идентификацией только установление тождества индивидуально-определенного объекта, исходил из того, что при характеристике жидких и сыпучих тел применимо их понимание как единого целого, подлежащего идентификации при наличии совокупности достаточных признаков. При этом автор обращал внимание на то, что проводимая на этой основе экспертиза использует признаки, которые систематически и в совокупности не изучаются соответствующими отраслями науки и техники. И, кроме того, объединение в этой экспертизе сведений об объекте исследования и методах его изучения весьма своеобразно и представляет интерес только для установления некоторых обстоятельств уголовных и гражданских дел²⁷⁶. Характеризуя данные объекты криминалистической идентификации как индивидуально-определенные, В. С. Митричев предлагает рассматривать их как отдельно выделенные из окружающей обстановки системы качеств, представляющие особую группу объектов идентификации. В числе последних автор, в частности, называет определенное количество однородных предметов, которое по наличию в них случайных для данных обстоятельств дела признаков отличается от другой массы предметов того же рода, но имеющей

²⁷⁵ См.: Шляхов А. Р. Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР // Теория и практика криминалистической экспертизы. М., 1962. Вып. 9. С. 115–116.

²⁷⁶ См.: Митричев В. С. Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий – новая отрасль криминалистической техники // Тр. ВНИИСЭ. М., 1973. Вып. 7. С. 43.

другое происхождение, а также определенную массу жидкости или сыпучего тела²⁷⁷.

Позиция А. Р. Шляхова, В. С. Митричева и других авторов была критически проанализирована Р. С. Белкиным, который высказал резкое ее неприятие. Суть изложенного им суждения сводилась к следующему. Вопрос о *криминалистической идентификации* жидких и сыпучих тел представляется по меньшей мере спорным, независимо от того, назовем ли мы идентифицируемый объект в данном случае индивидуально-определенным телом, источником происхождения или как-либо иначе. Может ли быть осуществлена такая идентификация *практически* – это вопрос конкретного факта и современного состояния и возможностей методов исследования. Нет оснований не доверять ученым, которые утверждают, что существующие уже теперь химические, физические, биологические и некоторые другие иные естественнонаучные методы позволяют успешно решать эту задачу в ряде случаев. «Однако, – категорически утверждает Р. С. Белкин, – такая идентификация, если она и осуществляется, не является идентификацией криминалистической, так как не обладает совокупностью признаков, ее характеризующей. Помимо этого принципиального отличия, следует еще иметь в виду то, что идентификация жидких, сыпучих и газообразных тел осуществляется исключительно химическими, физическими и иными естественнонаучными, но не криминалистическими методами и преимущественно химиками, физиками, биологами и иными специалистами, но не криминалистами»²⁷⁸.

Такова аргументация Р. С. Белкина. Однозначной позиции непризнания идентификации рассматриваемых объектов как криминалистической, а следовательно, отрицания за экспертизой материалов, веществ и изделий соответствующего статуса придерживался также и ряд других ученых, обосновавших свои взгляды: характером объектов как не имеющих определенной и стабильной формы, присущей объектам традиционной криминалистической идентификации (А. И. Винберг); сомнениями в практической разрешимости криминалистическими методами подобной идентификации (Н. А. Селиванов); возможностью при исследовании данных объектов только установления групповой принадлежности (М. В. Салтевский); и т. д.

Таким образом, по данной проблематике, имеющей принципиальное значение для последующей оценки познаний, относящихся к криминалистическим, обозначились противоположные позиции, не

²⁷⁷ См.: Митричев В. С. Вопросы теории судебной идентификации // Тр. ЦНИИСЭ. М., 1970. Вып. 2. С. 6–9; Он же. К вопросу об установлении источника происхождения вещественных доказательств с помощью криминалистической экспертизы // Сов. криминалистика на службе следствия. М., 1961. Вып. 16. С. 108; Он же. Установление источника происхождения, принадлежащего единому целому предметов при расследовании преступлений // Теория и практика судебной экспертизы. Вып. 2. М., 1969. С. 13–14.

²⁷⁸ Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2. ... С. 274–276.

способствующие в итоге четкому уяснению сущности последних и, соответственно, не позволяющие на должном понятийном уровне проводить требуемую для экспертной практики дифференциацию проводимых исследований.

Попытку преодолеть сложившуюся ситуацию предприняли в совместной работе А. Ф. Аубакиров и Э. П. Ким²⁷⁹. Прежде всего они исходят из необходимости периодического обсуждения и пересмотра понятия предмета криминалистической экспертизы, что обусловлено расширением возможностей последней, отдавая при этом предпочтение определению предмета криминалистической экспертизы в формулировке А. Р. Шляхова. Преимущество данного определения перед аналогичными А. Ф. Аубакиров и Э. П. Ким усматривают в том, что автор акцентирует внимание на главном признаке – установление фактических данных в предмете криминалистической экспертизы связывается специальными знаниями в области криминалистики, опирающейся на достижения естественных и технических наук. При такой оценке предмета криминалистической экспертизы, по их мнению, нетрудно выделить ряд пограничных задач с другими классами экспертиз, требующих для своего решения интегрального подхода. Проникновение положений одного рода знаний в другой в таких случаях является лишь выражением закона дифференциации и интеграции научного знания. Именно это имеет место при характеристике исследования материалов, веществ и изделий, вот почему аргументирование положения об отнесении этих исследований к криминалистическим должно основываться на развитии теории и практики криминалистики, соответствовать ее задачам и базироваться на законах развития криминалистики. С этой концептуальной позиции А. Ф. Аубакировым и Э. П. Ким рассматриваемая экспертиза обосновывается как криминалистическая через систему законов развития криминалистики и частных криминалистических учений и теорий, достаточно подробно изложенных Р. С. Белкиным. Отмечая, что существующие терминологические неточности и базирующиеся на них обоснования криминалистической сущности новых видов экспертиз могут быть преодолены, если в определении предмета криминалистической экспертизы основу будут представлять объективные закономерности, изучаемые этой отраслью знания, авторы излагают свое видение этих закономерностей и подчеркивают, что установление индивидуально-конкретного объекта в рассматриваемом случае производится не по отображению признаков внешнего строения, а на основании закономерностей, выделяющих особенности субстанциональных свойств, обладающих качественной устойчивостью и неизменяемостью в пределах времени идентификации. Свою позицию А. Ф. Аубакиров и Э. П. Ким иллюстрируют многочисленными примерами экспертной практики.

Мы не случайно столь подробно остановились на приведенной позиции данных авторов, поскольку она, на наш взгляд, заставляет обратиться к

²⁷⁹ См.: Аубакиров А. Ф., Ким Э. П. Криминалистическая экспертиза материалов и веществ: Учеб. пособие. Алматы: ВШП “Адилет”, 2001.

вопросам более высокого уровня: что на сегодняшний день представляет собой криминалистическая экспертиза и в чем ее отличие от иных, привлекаемых в судопроизводство? Несмотря на внешнюю простоту возможных ответов на них, тем не менее возникают и другие вопросы, в том числе предложенные в вышеприведенном обсуждении: почему способ решения экспертной задачи (установление тождества индивидуально-конкретного объекта – химический, физический и т. д.), а также характеристика объекта (твердое тело, вещество, жидкость и т. п.) вдруг становятся предметом дискуссии о признании (непризнании) экспертизы криминалистической? Может ли в этой связи признание исследования как криминалистического ставиться в зависимость от способа индивидуализации объекта, более того, от характеристики изучаемых его свойств?

Думается, что поиск объективного ответа на все поставленные вопросы следует искать в оценке сущности экспертного знания, в том числе посредством выделения в нем тех фундаментальных начал, благодаря которым имеется возможность решать многочисленные практические задачи, возникающие в судопроизводстве. С этих позиций, по нашему мнению, структура научного знания, привлекаемого в экспертное исследование, объективно представлена сформированными или находящимися на стадии своего оформления познаниями в области криминалистики, медико-психофизиологических, экономических и инженерно-технических (технологических) наук. Любые другие отрасли научного знания в большей или меньшей степени находят свое применение в каждой из представленных областей, являющихся классами судебных экспертиз, в виде родов, видов или подвидов. Что касается основного вопроса, связанного с критериями выделения того или иного класса судебной экспертизы, то здесь, на наш взгляд, необходимо прежде всего отказаться от попыток применения традиционного подхода, когда в основание классификации экспертиз по отраслям знания кладутся предмет, объекты или методы (методики) экспертного исследования. В теории и практике проблемы дифференциации экспертиз на уровне классов нередко возникают в силу именно данного обстоятельства. Появление подобных проблем связано с попытками применения так называемого многомерного основания (достаточно в качестве примера привести трудности в разграничении классов судебно-биологических и судебно-медицинских экспертиз, инженерно-технических и инженерно-транспортных и т. д.).

Более продуктивным и имеющим практическое значение критерием классификации судебных экспертиз должен стать, думается, применяемый в процессе экспертного исследования характер *обосновывающего* знания, выражающийся в *методологии конкретной науки*, понимаемой как преобразованная в инструмент познавательной деятельности система идей, законов, принципов, понятий и методов, имеющая строго определенную предметную направленность на познание закономерностей объективной действительности. При этом познание закономерностей той или иной научной области, представляющей определенный класс экспертизы, может

осуществляться средствами, методами различных научных отраслей (химии, физики, биологии и др.), подчиненных основной ее задаче как научного знания.

В этом плане среди классов судебных экспертиз, имеющих непосредственную направленность предмета научного знания на содействие установлению обстоятельств уголовных и гражданских дел, выделяются лишь классы криминалистической и медико-психофизиологической экспертизы, существование которых обусловлено непосредственными потребностями практики судопроизводства. Что касается иных классов, то положенные в их основу научные знания изначально не связаны с правоприменительной деятельностью, однако потребность в их привлечении для нужд расследования либо судебного рассмотрения дел обуславливает в отдельных случаях не простой перенос этих знаний в сферу экспертного познания, но и соответствующую их трансформацию в рамках науки судебной экспертологии. Именно в этой связи появляются специфические отрасли знания или, как их называет А. И. Винберг, предметные судебные науки – судебная бухгалтерия, судебная автотехника, судебная биология и т. д., выражающие тот или иной род или вид экспертизы. Вот почему, на наш взгляд, отчасти правы А. Ф. Аубакиров и Э. П. Ким, когда аргументируют принадлежность экспертизы материалов, веществ и изделий к классу криминалистических. Авторы справедливо апеллируют в своем обосновании не к объектам, методам или даже предмету экспертизы, а к характеру научных знаний, лежащих в основе данной экспертизы, что гораздо шире понятия предмета конкретной экспертизы. Предлагаемые же в научном обсуждении доводы о том, что в процессе идентификации объектов на основе состава и структуры используются методы химии, физики, биологии и т. д., не исключают в конечном счете признания такой идентификации криминалистической, поскольку сама криминалистика как наука не может быть представлена вне названных методов, трансформированных для решения различных задач по установлению, например, механизма преступления, являющихся важным элементом предмета этой науки.

Отнесение данного вида исследования к роду криминалистической экспертизы обуславливается необходимостью систематизированного отбора, накопления и анализа сведений из различных естественных и технических наук для решения задач, возникающих перед судебной практикой, по индивидуализации объектов на основе их субстанциональных свойств. Формируемая при этом на базе криминалистики методология познания специфических для нее объектов представляет собой творческую трансформацию естественнонаучного знания посредством его интеграции в систему способов научного обоснования закономерностей объективной действительности, представляющих интерес для экспертной, следственной и судебной практики, но не являющихся актуализированными для других сфер научной и практической деятельности. Криминалистическая наука, разрабатывая на основе выявленных закономерностей и исходя из задач доказывания методологию исследования состава и структуры объектов,

предлагает экспертной практике общие и конкретные рекомендации по диагностике и классификации их признаков, условий и порядка осуществления идентификационной процедуры, решению других вопросов, возникающих не только в криминалистической, но и в иных классах (родах, видах) экспертиз. Отдельные конкретные рекомендации исследования состава и структуры объектов могут разрабатываться и другими классами и родами судебных экспертиз, скажем судебно-медицинской, судебно-биологической и т. д., однако различие в данном случае будет заключаться в способах индивидуализации объектов исследования, в частности в преобладании в данных экспертизах методов естественнонаучного, а не криминалистического обоснования результатов исследования.

Таким образом, предметная направленность научного знания, реализованная в его методологии, дает возможность на объективных началах дифференцировать специальные научные знания, применяемые в форме судебной экспертизы. Вполне понятно, что методология достижения результата на базе криминалистической науки существенно отличается от методологии, к примеру, судебно-медицинского знания, несмотря на совпадение в отдельных случаях задач, объектов и методов исследования. Методологическое содержание научного знания лежит в основе дифференциации криминалистики, экономических, инженерно-технических и любых иных наук. Включая в себя предмет, объекты, методы (методики), преобразованные в инструментарий познавательной деятельности, методология своим содержанием направлена на решение конкретных задач науки и практики и в этой связи дает возможность безошибочно выделить ту или иную область знания, лежащую в основе экспертизы.

На основе изложенных положений предлагаемая нами классификация судебных экспертиз может в общем виде выглядеть следующим образом:

Класс: Криминалистическая экспертиза

Род традиционных экспертиз:

1. Судебная экспертиза документов;
2. Судебная портретная экспертиза;
3. Судебная фототехническая экспертиза;
4. Судебная видеофонографическая экспертиза;
5. Судебная трасологическая экспертиза;
6. Судебная баллистическая экспертиза.

Род нетрадиционных экспертиз:

1. Судебная экспертиза материалов, веществ и изделий;
2. Судебная экспертиза обстоятельств места происшествия.

Класс: Судебная медико-психофизиологическая экспертиза

Род:

1. Судебно-медицинская экспертиза;
2. Судебно-биологическая экспертиза;
3. Судебно-психофизиологическая экспертиза;
4. Судебно-психиатрическая экспертиза;

5. Судебно-психологическая экспертиза.

Класс: Судебная экономическая экспертиза

Род:

1. Судебная бухгалтерская экспертиза;
2. Судебная финансово-кредитная экспертиза;
3. Судебная финансово-бюджетная экспертиза;
4. Судебная экспертиза коммерческих операций;
5. Судебная товароведческая экспертиза.

Класс: Судебная инженерно-техническая экспертиза

Род:

1. Судебная автотехническая экспертиза;
2. Судебная пожарно-техническая экспертиза;
3. Судебная строительно-техническая экспертиза;
4. Судебная взрывотехническая экспертиза;
5. Судебная инженерно-технологическая экспертиза;
6. Судебная агротехническая экспертиза;
7. Судебная экспертиза компьютерных систем и технологий;
8. Судебная экспертиза электротехнических систем и оборудования.

Сокращение классов судебных экспертиз обусловлено прежде всего реальной оценкой степени привлечения научных знаний в процесс решения экспертных задач. Естественно, что предложенный перечень классов экспертиз не окончательный и может варьироваться в зависимости от уровня разработанности той или иной отрасли знания, а также с учетом ее актуализации для нужд судопроизводства.

Подобная классификация судебных экспертиз неизменно влечет за собой структурное преобразование внутри классов экспертиз, обусловленное их расширением за счет увеличения родов, видов и подвидов. В этой связи, естественно, могут возникать вопросы о правомерности включения того или иного вида (рода) экспертиз в ту или иную классификационную категорию. В данном случае выбранный нами подход заключается в отсутствии жесткой привязки отдельных видов экспертизы к определенному классу. Это обусловлено тенденциями к интеграции научного знания в рамках определенного вида экспертизы, пока еще не оформившегося в методологию, присущую для уровня класса (рода) экспертизы. К примеру, традиционный класс судебно-экологической экспертизы в нашей конструкции может быть признан лишь *видом* всех представленных классов либо одного из родов экспертиз. В одних случаях, например при исследовании природы или состояния объектов данной экспертизы, могут применяться криминалистические познания; для оценки же возможного ущерба, нанесенного в результате событий техногенного характера, познания экономические; установление технических причин происшедшего события экологического характера может осуществляться инженерно-техническими исследованиями; и т. д. Приведенный пример наглядно характеризует факт отсутствия на сегодняшнем этапе развития экспертных учреждений

возможности и необходимости конституционального оформления данной экспертизы не только в качестве самостоятельного класса, но и рода. Именно поэтому более эффективным и практически значимым решением должно стать преобразование ее до уровня видового понятия. С аналогичных позиций нами решается вопрос в отношении таких, предлагаемых А. Р. Шляховым, классов экспертиз, как судебные инженерно-транспортные, судебные инженерно-технологические (материаловедческие), судебные сельскохозяйственные. Кроме того, в силу общности методологических основ и решаемых задач в рассматриваемой нами конструкции объединены классы судебно-медицинских, судебно-биологических и психофизиологических экспертиз. Что касается разграничения экспертиз по конкретным видам, то их наличие в той или иной классификационной категории обуславливается реальной оценкой запросов судебной практики в производстве тех или иных экспертных исследований, а также существующим их методическим и, в частности, инструментальным обеспечением. В этой связи родовая принадлежность конкретной экспертизы зависит не только от используемого в ней научного знания, но и от конкретной экспертной отрасли, трансформировавшей эти знания под способы решения задач судебной практики.

Таким образом, предлагаемая классификация, учитывая реальные запросы правоприменительной деятельности, предусматривает возможность более гибкого подхода к характеристике таких классификационных категорий, как вид или подвид судебной экспертизы. К примеру, экспертиза материалов и веществ, относясь как родовое понятие к криминалистической экспертизе, может быть признана в конкретном случае в качестве вида судебно-биологической экспертизы, скажем при исследовании объектов растительной природы. Критерием подобной видовой характеристики будет использование при исследовании объектов экспертизы методологической основы судебно-биологического знания. В процессе исследования этих же объектов, даже при совпадении привлекаемых методов, но уже используемых на базе методологии, разработанной в криминалистической науке, проводимая экспертиза должна быть признана как вид криминалистической. Думается, что подобный подход к оценке классификационной принадлежности той или иной экспертизы позволит в итоге упорядочить их структурное построение и, соответственно, оптимально решить многие вопросы организационно-методического характера, возникающие в процессе осуществления судебно-экспертной деятельности.

4. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ, ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

4.1. Понятие судебно-экспертной деятельности и принципы ее осуществления в Республике Казахстан

Основные положения осуществления судебно-экспертной деятельности в судопроизводстве Республики Казахстан изложены в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.04.2016 г.), Гражданском процессуальном кодексе Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.04.2016 г.), Кодексе Республики Казахстан об административных правонарушениях (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.04.2016 г.), Законе РК «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.12.2014 г.), вступившим в силу на территории республики 20 января 2010 года, Инструкции по организации производства судебных экспертиз в центре судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан, утвержденной приказом и.о. Министра юстиции Республики Казахстан от 24 мая 2011 года № 193 (с последующими дополнениями и изменениями), а также иных многочисленных подзаконных актах.

Вопросам рассматриваемой сферы значительное внимание уделяется и на правительственном уровне. Так, характеризуя регламентацию судебно-экспертной деятельности, И.Ш. Борчашвили отмечает, что вопросам совершенствования посвящены специальные постановления Правительства Республики Казахстан: «О создании Государственного учреждения «Центр судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан» от 11 августа 1997 г. № 1245; «Об утверждении Инструкции по использованию средств от реализации платных услуг, предоставляемых Центром судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан» от 31 марта 2000 года № 486; «О подписании Соглашения между Министерством юстиции Республики Казахстан и Министерством юстиции Республики Беларусь о сотрудничестве в области судебной экспертизы» от 26 июля 2000 года № 1122; «Некоторые вопросы судебной экспертизы» от 7 ноября 2001 года № 1414; «Об утверждении Правил обращения с объектами судебной экспертизы» от 4 июня 2010 года № 512; «Об утверждении Правил формирования и использования Государственного реестра судебных экспертов Республики Казахстан» от 4 июня 2010 года № 514; «Об утверждении Правил формирования и использования Государственного реестра методик судебно-экспертных исследований Республики Казахстан» от 4 июня 2010 года № 515; «О некоторых вопросах лицензирования судебно-экспертной деятельности» от 16 ноября 2012 года № 1454; «Об

утверждении стандарта государственной услуги по вопросам судебно-экспертной деятельности» от 31 декабря 2013 года № 1584 и другие²⁸⁰.

Сюда можно добавить и нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан, которые будут рассмотрены в настоящей главе.

В законодательстве под судебно-экспертной деятельностью понимается деятельность органов судебной экспертизы и судебных экспертов по организации и производству судебной экспертизы. Данная деятельность осуществляется как специализированными государственными органами, так и частными лицами. В последнем случае она осуществляется на основе лицензии – разрешении на занятие судебно-экспертной деятельностью, выдаваемому физическому лицу Министерством юстиции Республики Казахстан или уполномоченным органом в области здравоохранения.

Содержание судебно-экспертной деятельности включает в себя в целом производство судебной экспертизы по уголовным, гражданским делам и делам об административных правонарушениях; научные исследования в области судебной экспертизы; научно-методическое и информационное обеспечение судебной экспертизы; подбор, профессиональную подготовку и повышение квалификации судебных экспертов.

Задачей судебно-экспертной деятельности является обеспечение производства по уголовным, гражданским делам, а также по делам об административных правонарушениях результатами применения специальных научных знаний.

Судебно-экспертная деятельность основывается на следующих законодательно предусмотренных принципах:

- 1) законности;
- 2) соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, прав и законных интересов юридического лица;
- 3) независимости судебного эксперта;
- 4) допустимости использования научно-технических средств и методов при проведении судебно-экспертных исследований;
- 5) всесторонности, полноты и объективности судебно-экспертных исследований;
- б) соблюдения профессиональной этики судебного эксперта.

Кратко остановимся на них. Принцип законности подразумевает тот факт, что судебно-экспертная деятельность осуществляется при условии точного исполнения требований Конституции Республики Казахстан и иных нормативных правовых актов, составляющих правовую основу этой деятельности.

Судебно-экспертная деятельность должна осуществляться при соблюдении прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, прав и законных

²⁸⁰ *Борчашвили И.Ш.* Перспективы развития судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан // Материалы Международной научно-практической конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы» (г. Алматы, 6 ноября 2014 г.)

интересов юридического лица в соответствии с Конституцией, законами Республики Казахстан и общепризнанными принципами и нормами международного права. При этом судебно-экспертные исследования, требующие временного ограничения прав и свобод лица, проводятся только на основаниях и в порядке, установленных законом.

Важно учитывать то обстоятельство, что лицо, полагающее, что действия (бездействие) органа судебной экспертизы или судебного эксперта привели к ограничению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина либо прав и законных интересов юридического лица, вправе обжаловать указанные действия (бездействие) в порядке, установленном законом.

При производстве судебной экспертизы судебный эксперт процессуально самостоятелен, независим от органа (лица), назначившего судебную экспертизу, от руководителя органа судебной экспертизы и других лиц. Законодателем предусмотрено, что судебный эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований. При этом он самостоятелен в выборе средств и методов исследования, допустимость которых определяется законами Республики Казахстан.

Любое неправомерное воздействие на судебного эксперта и воспрепятствование его законной деятельности недопустимы и влекут ответственность, установленную законом.

Принцип законности в рассматриваемом нами случае обеспечивается также тем, что применение при производстве судебно-экспертных исследований научно-технических средств и методов допускается, если они прямо предусмотрены законами Республики Казахстан или не противоречат их нормам и принципам, научно состоятельны, обеспечивают эффективность производства по делу и безопасны.

Всесторонность, полнота и объективность судебно-экспертных исследований должна обеспечиваться тем, что при производстве судебной экспертизы судебный эксперт обязан принять все меры для всестороннего, полного и объективного исследования объектов, основанного на его специальных научных знаниях. Кроме того, заключение судебного эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

И, наконец, нельзя не отметить - действующим законом предусмотрено, что при производстве судебно-экспертных исследований должны обязательно соблюдаться нормы профессиональной этики судебного эксперта.

Как уже отмечалось, в качестве субъектов судебно-экспертной деятельности могут выступать судебный эксперт, обладающий специальными научными знаниями и являющийся сотрудником органов судебной экспертизы, а также физические лица, осуществляющие судебно-экспертную деятельность на основании лицензии. Кроме того, законом предусмотрена возможность производства судебной экспертизы иными лицами в разовом порядке. Во всех случаях названные субъекты должны соответствовать законодательно установленным квалификационным

требованиям, которые будут подробно освещены в специальном разделе, посвященном оценке их научной и процессуальной компетентности.

Научно-методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности, а также профессиональная подготовка и повышение квалификации судебных экспертов возлагаются на органы судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан или уполномоченного органа в области здравоохранения.

Освещая содержание судебно-экспертной деятельности важно отметить, что финансирование органов судебной экспертизы, в том числе производство судебной экспертизы по уголовным, гражданским делам и делам об административных правонарушениях, осуществляется за счет бюджетных средств. Государственные органы и организации обязаны сохранять за экспертом, вызванным в суд, средний заработок за все время, затраченное им по требованию органа, ведущего уголовный процесс, на участие в уголовном судопроизводстве. Эксперту возмещается также стоимость принадлежащих ему химических реактивов и других расходных материалов, истраченных им при выполнении порученной работы, а также внесенная им для выполнения работы плата за использование оборудования, коммунальные услуги и потребление машинного времени.

Расходы, понесенные при производстве по уголовному делу, подлежат возмещению по заявлению эксперта, на основании постановления органа, ведущего уголовный процесс, в размере, установленном законодательством. Порядок выплаты указанных расходов определяется Правительством Республики Казахстан. Указанные расходы могут также возмещаться за счет стороны, привлечшей эксперта к участию в следственном действии, либо в других предусмотренных Уголовным Кодексом РК случаях. Расходы могут возмещаться в соответствии с законодательством органом, ведущим уголовный процесс, по собственной инициативе.

Давая общую характеристику судебно-экспертной деятельности, важно отметить, что в соответствии с законом органы судебной экспертизы вправе устанавливать международные связи с органами и службами иностранных государств, осуществляющими судебно-экспертную деятельность, с целью проведения совместных научных исследований, обмена научной и методической информацией, профессиональной подготовки и повышения квалификации судебных экспертов. Судебная экспертиза может проводиться по поручению компетентного органа иностранного государства, с которым Республика Казахстан имеет международный договор. В этих случаях применяется законодательство Республики Казахстан, если иное не предусмотрено международным договором, ратифицированным Республикой Казахстан.

Нарушение законодательства о судебно-экспертной деятельности влечет ответственность, установленную Кодексом Республики Казахстан об административных нарушениях и Уголовным Кодексом Республики Казахстан.

4.2. Организационные вопросы назначения судебной экспертизы. Экспертные учреждения Республики Казахстан

В процессе назначения экспертиз важную роль играет решение организационных вопросов, которые ложатся в основу принятия процессуального решения, а также выбора экспертного учреждения или конкретного эксперта.

Организационные вопросы решаются при этом в зависимости от стадий назначения экспертизы, которые условно подразделяются на подготовительную и стадию поручения экспертизы.

В свою очередь **подготовительная стадия** подразделяется на следующие этапы, требующие решения организационных вопросов:

- **Принятие решения о назначении экспертизы.**

Данный этап подразумевает, что в процессе предварительного следствия либо судебного разбирательства возникает ситуация, требующая привлечения специальных научных знаний для установления обстоятельств, имеющих значение для дела. Иными словами, если субъектами доказывания будут исчерпаны возможности использования имеющихся способов получения доказательственной информации для установления искомых обстоятельств, то тогда следователь либо суд могут принять решение о назначении экспертизы. Сказанное относится к фактическому основанию назначения экспертизы, существующем наряду с юридическим, выражением которого является постановление о ее проведении.

- **Определение конкретного вида экспертизы.**

Решение данного вопроса предопределяет эффективность привлечения экспертных знаний. В этой связи следователь либо суд должны профессионально ориентироваться в существующих классификациях экспертиз и их возможностях. К примеру неправильное определение процессуального вида экспертизы (дополнительная, повторная) может привести к процессуальным нарушениям при их назначении, а неверная оценка возможностей привлечения научных знаний в рамках определенного вида экспертизы может привести к отказу эксперта от ее производства.

- **Определения задач, требующих экспертного разрешения.**

Следователь (суд) должны четко определиться с конкретными задачами предстоящего исследования, что подразумевает конкретизацию целей экспертного исследования и условий, необходимых и достаточных для производства экспертизы.

- **Формулирование вопросов эксперту.**

После определения вида экспертизы и конкретизации ее задач следователь (суд) должны приступить к формулированию вопросов, выносимых на разрешение эксперта. Субъектам доказывания важно при этом руководствоваться методическими и процессуальными требованиями к их постановке. В частности вопросы не должны выходить за пределы компетенции экспертизы и специальности выбранного эксперта.

Вопросы к эксперту должны ставиться в логической последовательности, что предполагает их построение с учетом установления вначале фактов (обстоятельств) общего порядка с переходом к более конкретным, интересующим следствие (суд).

По своему содержанию вопросы к эксперту должны содержать четкие и ясные формулировки и быть понятными всем участникам процесса.

Очень важно учитывать, что законодатель не разрешает постановку перед судебным экспертом вопросов правового характера.

- **Подготовка исходных данных для производства экспертизы.**

В данном случае следователь (суд) должны четко определиться с перечнем материалов, направляемых на экспертизу. К таковым относятся объекты исследования, образцы для экспертного исследования, материалы уголовного, гражданского, административного дела и в частности, содержащиеся в них вещественные доказательства и документы, обеспечивающие возможность проведения исследования экспертом.

При представлении исходных данных следователь (суд) должны учитывать процессуальные требования, предъявляемые к объектам и образцам для экспертного исследования, в числе которых следовало бы назвать требования относимости, допустимости и достоверности.

Важной стадией при решении организационных вопросов при назначении экспертизы является, как уже указывалось ранее, **стадия поручения производства судебной экспертизы**, которая включает в себя:

- вынесение постановления о ее назначении;
- выбор эксперта либо экспертного учреждения;
- передачу материалов назначаемой экспертизы эксперту либо органу судебной экспертизы.

Форма и содержание постановления о назначении судебной экспертизы как процессуального документа станет предметом специального рассмотрения очередной темы, здесь же необходимо отметить, что решение всех вышеперечисленных организационных вопросов влияет на качество исполнения данного документа и возможность полной реализации его положений экспертом или экспертным учреждением.

Передача материалов назначаемой экспертизы осуществляется субъектом доказывания непосредственно (лично) либо по почте. Не исключена ситуация когда следователь, суд не могут передать объекты вместе с постановлением в силу их громоздкости либо других причин. В этом случае обеспечивается охрана объектов и доставка эксперта к нему, предусмотренные процессуальным законом. Во всех случаях органу, ведущему процесс, необходимо фиксировать дату передачи постановления о назначении экспертизы эксперту или экспертному учреждению.

По итогам передачи материалов органу судебной экспертизы или судебному эксперту необходимо при назначении экспертизы иметь в виду, что законодатель определяет **сроки производства судебной экспертизы**. Данный организационный вопрос подробно регламентирован статьей 25

Закона РК «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан», которая определяет следующие нормативные положения:

- Срок производства судебной экспертизы исчисляется со дня принятия органом судебной экспертизы либо лицом, не являющимся сотрудником органа судебной экспертизы, привлеченным в качестве судебного эксперта, к производству постановления, определения о назначении судебной экспертизы и ее объектов.
- Срок производства судебной экспертизы не должен превышать тридцать суток, кроме исключительных случаев, предусмотренных Министерством юстиции Республики Казахстан и уполномоченным органом в области здравоохранения Республики Казахстан.
- Продление срока производства судебной экспертизы осуществляется органом (лицом), назначившим судебную экспертизу, по мотивированному ходатайству руководителя органа судебной экспертизы либо судебного эксперта (судебных экспертов), не являющегося сотрудником органа судебной экспертизы.
- Продление срока пребывания в медицинской организации для лиц, принудительно в нее помещенных для производства судебной экспертизы либо лиц, подвергающихся судебной экспертизе в добровольном порядке, осуществляется по мотивированному ходатайству руководителя органа судебной экспертизы либо судебного эксперта (судебных экспертов), не являющегося сотрудником органа судебной экспертизы.
- Общие критерии определения категорий сложности судебных экспертиз, порядок исчисления сроков производства судебных экспертиз в зависимости от категории их сложности, а также порядок продления срока производства судебной экспертизы устанавливаются Министерством юстиции Республики Казахстан и уполномоченным органом в области здравоохранения Республики Казахстан.
- Приостановление производства судебной экспертизы в случае, установленном настоящим Законом, производится до устранения обстоятельств, явившихся основанием для приостановления, но не более чем на десять суток. Если обстоятельства, явившиеся основанием для приостановления производства судебной экспертизы, не будут устранены в течение указанного срока, в адрес органа (лица), назначившего судебную экспертизу, направляется сообщение о невозможности дать заключение.
- Заключение судебного эксперта либо сообщение о невозможности дать заключение направляется органу (лицу), назначившему судебную экспертизу, в течение трех суток после их составления.

Экспертные учреждения Республики Казахстан

Производство судебной экспертизы в Республике Казахстан согласно действующему законодательству может осуществляться как специально предусмотренными органами, так и частными экспертами.

В соответствии со ст. 20 Закона РК «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан» в систему государственных организаций судебной экспертизы включены:

- органы судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан;
- органы судебной экспертизы уполномоченного органа в области здравоохранения Республики Казахстан, в том числе специализированные психиатрические и наркологические организации местных органов государственного управления здравоохранения, к функциям которых отнесено производство судебно-психиатрических, судебно-наркологических экспертиз.

В настоящее время официального перечня специализированных госорганов не существует, что следует отнести к пробелам законодательства. В связи с чем, мы полагаем, что в законе должен быть приведен исчерпывающий перечень государственных органов, осуществляющих судебно-экспертную деятельность с указанием на осуществляемые ими функции.

В специальной литературе (Кузнецов О.Г.) к названным органам отнесены:

1. Центр судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан и его территориальные подразделения, к функциям которых относятся:

1) судебно-экспертная деятельность в сфере уголовного, гражданского, административного судопроизводства в соответствии с перечнем видов экспертиз, производимых в ЦСЭ МЮ РК, и экспертных специальностей, квалификация по которым присваивается Министерством юстиции Республики Казахстан;

2) учебно-методическая работа с сотрудниками правоохранительных органов и судьями по вопросам подготовки, назначения и оценки результатов судебной экспертизы;

3) международное сотрудничество в области судебной экспертизы;

4) научно-методическое обеспечение осуществляемых, в соответствии с Перечнем, видов судебных экспертиз;

5) подбор, профессиональная подготовка и повышение квалификации судебных экспертов по направлениям деятельности.

2. Центр судебной медицины Министерства здравоохранения Республики Казахстан и его территориальные подразделения, к функциям которых относятся:

1) судебно-экспертная деятельность в сфере уголовного, гражданского, административного судопроизводства по производству следующих видов судебно-медицинских экспертиз:

а) экспертиза живых лиц;

б) трупа;

в) вещественных доказательств биологического происхождения;

г) по материалам дела;

д) судебно-химические

е) судебно-токсикологические

- ж) криминалистическая физико-техническая экспертиза
- 2) учебно-методическая работа с сотрудниками правоохранительных органов и судьями по вопросам подготовки, назначения и оценки результатов судебной экспертизы;
- 3) международное сотрудничество в области судебно-медицинской экспертизы.
- 4) научно-методическое обеспечение осуществляемых видов судебных экспертиз;
- 5) подбор, профессиональная подготовка и повышение квалификации судебных экспертов по направлениям деятельности.

3. Центральная лаборатория судебных экспертиз Министерства обороны Республики Казахстан и её территориальные подразделения (далее ЦЛЭСЭ МО РК), к функциям которых относятся:

1) судебно-экспертная деятельность в сфере уголовного, гражданского, административного судопроизводства по производству следующих видов судебно-медицинских экспертиз:

- а) экспертиза живых лиц;
- б) трупа;
- в) вещественных доказательств биологического происхождения;
- г) по материалам дела;
- д) судебно-химические
- е) психиатрические;
- ж) наркологическая и токсикологическая

2) учебно-методическая работа с сотрудниками правоохранительных органов и судьями по вопросам подготовки, назначения и оценки результатов судебной экспертизы;

3) международное сотрудничество в области судебно-медицинской экспертизы.

4. Республиканское государственное казенное предприятие «Республиканский научно-практический центр психиатрии, психотерапии и наркологии» Министерства здравоохранения Республики Казахстан, к функциям которого относятся:

1) судебно-экспертная деятельность в сфере уголовного, гражданского, административного судопроизводства по производству следующих видов судебных экспертиз живых лиц:

- а) психиатрических;
- б) психологических;
- в) психолого-психиатрических;
- б) наркологических.

2) научно-методическое обеспечение судебно-психиатрической экспертизы;

3) подбор, профессиональная подготовка и повышение квалификации судебных экспертов психиатров, психологов и наркологов;

4) международное сотрудничество в области судебно-медицинской психиатрической экспертизы.

При поручении судебной экспертизы в экспертное учреждение постановление о ее назначении направляется его руководителю, чьи полномочия предусмотрены в законе. В соответствии со ст. 21 Закона РК «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан» руководитель органа судебной экспертизы вправе:

- вернуть органу (лицу), назначившему судебную экспертизу, без исполнения постановления, определение о назначении судебной экспертизы и представленные на исследование объекты с указанием соответствующих мотивов в случаях, если:
 - материалы, представленные для производства судебной экспертизы, не соответствуют требованиям закона;
 - в данном органе судебной экспертизы отсутствует судебный эксперт, обладающий необходимыми специальными научными знаниями;
 - вопросы, поставленные перед судебным экспертом, указанным в постановлении, определении о назначении судебной экспертизы, выходят за пределы его компетенции;
 - материально-техническая база данного органа судебной экспертизы не позволяет производить необходимые судебно-экспертные исследования;
- ходатайствовать перед органом (лицом), назначившим судебную экспертизу, о включении в состав комиссии судебных экспертов лиц, не являющихся сотрудниками данного органа судебной экспертизы, если их специальные научные знания необходимы для дачи заключения;
- ходатайствовать перед органом (лицом), назначившим судебную экспертизу, о привлечении судебного эксперта иностранного государства;
- заявлять перед органом (лицом), назначившим судебную экспертизу, мотивированное ходатайство о продлении срока производства судебной экспертизы.

Руководитель органа судебной экспертизы не вправе:

- самостоятельно истребовать объекты, необходимые для производства судебной экспертизы;
- без согласования с органом (лицом), назначившим судебную экспертизу, привлекать к ее производству лиц, не являющихся сотрудниками данного органа судебной экспертизы;
- давать судебному эксперту указания, предрешающие содержание выводов по конкретной судебной экспертизе.

Наряду с отмеченными правами, статья 22 названного Закона очерчивает следующий перечень обязанностей руководителя органа судебной экспертизы:

- при получении постановления, определения о назначении судебной экспертизы и объектов исследования поручить производство конкретному судебному эксперту или комиссии судебных экспертов данного органа судебной экспертизы с учетом требований закона;
- не нарушая принципа независимости судебного эксперта, обеспечить контроль за соблюдением срока производства судебной экспертизы,

всесторонностью, полнотой и объективностью проводимых исследований, сохранностью объектов судебной экспертизы;

- не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с организацией производства судебной экспертизы;
- обеспечить условия, необходимые для проведения исследований.

Особые требования законодатель предъявляет при назначении экспертизы вне экспертного учреждения. В частности, лицо, назначающее экспертизу, должно:

- удостовериться в личности предполагаемого эксперта, его компетентности;
- выяснить его отношения со всеми участниками процесса;
- проверить, нет ли оснований к отводу эксперта;
- вынести постановление о назначении судебной экспертизы;
- разъяснить эксперту права и обязанности, предусмотренные законодательством;
- предупредить об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- сделать в постановлении отметку о выполнении названных действий, удостоверив ее подписью эксперта;
- зафиксировать заявление, сделанные экспертом, и его ходатайства;
- в случае отклонения ходатайства вынести мотивированное постановление.

4.3. Процессуальные аспекты назначения и производства судебных экспертиз

Судебная экспертиза представляет собой институт процессуального права, поэтому все вопросы ее назначения и производства подробнейшим образом регламентированы нормами процессуального законодательства. Это в частности относится и к регламентации в уголовном процессе всех случаев привлечения экспертных знаний в уголовном судопроизводстве.

В соответствии со статьей 270 УПК РК экспертиза назначается в случаях, когда обстоятельства, имеющие значение для дела, могут быть получены в результате исследования материалов, проводимого экспертом на основе специальных научных знаний. Наличие таких знаний у иных лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, не освобождает лицо, ведущее уголовный процесс, от необходимости в соответствующих случаях назначить экспертизу.

В установленных законом случаях для органа, ведущего уголовный процесс, не предусматривается возможность выбора в принятии или непринятии решения о назначении экспертизы, иными словами экспертиза должна быть назначена **в обязательном порядке**.

В частности в соответствии со статьей 271 УПК РК назначение и производство экспертизы обязательны, если по делу необходимо установить:

- 1) причины смерти;

- 2) характер и степень тяжести причиненного вреда здоровью;
- 3) возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для дела, а документы о возрасте отсутствуют или вызывают сомнение;
- 4) психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникают сомнения по поводу их вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе;
- 5) психическое или физическое состояние потерпевшего, свидетеля в случаях, когда возникают сомнения по поводу их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания;
- б) иные обстоятельства дела, которые не могут быть достоверно установлены другими доказательствами.

2. Назначение и производство судебно-психиатрической экспертизы обязательны, если возникают сомнения в психическом состоянии подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, за которое Уголовным кодексом Республики Казахстан предусмотрено наказание в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы.

По перечисленным в пунктах 4) и 5) части первой приводимой статьи основаниям в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля назначается и проводится амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза. Если эксперт заявит о невозможности дачи заключения без проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы и помещения испытуемого на стационарное обследование, то по уголовному делу в порядке, предусмотренном статьей 279 настоящего Кодекса, назначается стационарная судебно-психиатрическая экспертиза.

Отдельные положения обязательного назначения судебных экспертиз также рассмотрены в следующих документах: Нормативное постановление Верховного Суда РК от 26 ноября 2004 года № 16 «О судебной экспертизе по уголовным делам», Постановление Пленума Верховного суда РК от 9 июля 1999 года «О судебной практике по применению принудительных мер медицинского характера», Нормативное постановление Верховного суда РК от 6 декабря 2002 г. № 26 «О практике применения уголовно-процессуального законодательства, регулирующего право на защиту».

Закон устанавливает, что наличие в деле актов ревизий, проверок, заключений ведомственных инспекций, а также официальных документов, составленных по результатам исследований, проводимых специалистами в ходе процессуальных действий, не исключает возможности назначения судебной экспертизы по тем же вопросам.

Во всех случаях обращения к институту судебной экспертизы необходимо исходить из наличия оснований для ее производства. К таковым относятся фактические и юридические. Фактическим основанием назначения судебной экспертизы является потребность привлечения в досудебном производстве по уголовному делу специальных научных знаний, носителями которых по

процессуальному статусу являются судебные эксперты. Юридическим же основанием производства судебной экспертизы является постановление либо определение о ее назначении. Так в соответствии со статьей 23 Закона РК «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан» основанием производства судебной экспертизы служат постановление, определение о назначении судебной экспертизы органа, ведущего уголовный процесс, суда, органа (должностного лица), в производстве которого находится дело об административном правонарушении, вынесенное в порядке, установленном законом.

Статья 272 УПК РК подробнейшим образом регламентирует порядок назначения экспертизы. В частности, признав необходимым назначение судебной экспертизы, орган, ведущий уголовный процесс, следственный судья выносит об этом постановление, в котором указываются:

- наименование органа, назначившего экспертизу;
- время, место назначения экспертизы;
- вид экспертизы;
- основания для назначения экспертизы;
- объекты, направляемые на экспертизу, и информация об их происхождении;
- разрешение на возможное полное или частичное уничтожение указанных объектов, изменение их внешнего вида или основных свойств в ходе исследования;
- наименование органа судебной экспертизы и (или) фамилия, имя, отчество (при его наличии) лица, которому поручено производство судебной экспертизы.

Постановление органа, ведущего уголовный процесс, следственного судьи о назначении экспертизы обязательно для исполнения органами или лицами, которым оно адресовано и входит в их компетенцию.

Судебная экспертиза в отношении потерпевшего, свидетеля производится с их согласия или согласия их законных представителей, которые даются указанными лицами в письменном виде, за исключением случаев, когда необходимо установить:

- характер и степень тяжести причиненного вреда здоровью;
- возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для дела, а документы о возрасте отсутствуют или вызывают сомнение;
- психическое или физическое состояние потерпевшего, свидетеля в случаях, когда возникают сомнения по поводу их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания (п.п. 2), 3), 5) ч.1 ст. 271 УПК РК).

Лицо, назначившее экспертизу, знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя, а также подвергающегося экспертизе свидетеля, его законного представителя и разъясняет им права, предусмотренные статьей 274 УПК РК. Об этом составляется протокол,

подписываемый лицом, назначившим экспертизу, и лицами, которые ознакомлены с постановлением.

Очень важно отметить, что экспертиза может быть назначена по инициативе участников процесса, защищающих свои или представляемые права и интересы. Участники процесса, защищающие свои или представляемые права и интересы, в письменном виде представляют органу, ведущему уголовный процесс, вопросы, по которым, по их мнению, должно быть дано заключение эксперта, указывают объекты исследования, а также называют лицо, которое может быть приглашено в качестве эксперта.

При этом орган, ведущий уголовный процесс, не вправе отказать в назначении экспертизы, за исключением случаев, когда вопросы, представленные на ее разрешение, не относятся к уголовному делу или предмету судебной экспертизы. Об отказе в удовлетворении ходатайства лицо, осуществляющее досудебное расследование, выносит мотивированное постановление в течение трех суток с момента поступления ходатайства.

В ходе досудебного производства следственный судья в предусмотренных УПК РК случаях рассматривает вопрос о назначении экспертизы по мотивированному ходатайству адвоката, участвующего в качестве защитника, если органом уголовного преследования в удовлетворении такого ходатайства было необоснованно отказано либо по нему не принято решение в течение трех суток (п. 7 части 2 статьи 55 УПК РК). При решении вопроса о назначении экспертизы в данном порядке следственный судья предлагает стороне защиты представить в письменной форме вопросы, которые необходимо поставить перед экспертом, и заслушивает по ним мнение участников процесса. При этом стороны вправе указать, какие объекты подлежат экспертному исследованию, а также кому может быть поручено производство экспертизы и заявить отвод эксперту. При назначении следственным судьей экспертизы лицо, осуществляющее досудебное расследование, предоставляет необходимые предметы, материалы, находящиеся в его производстве, в распоряжение эксперта.

О направлении запроса защитника или представителя потерпевшего о даче экспертного заключения в порядке, предусмотренном данной нормой, одновременно уведомляется лицо, осуществляющее досудебное расследование, которое при необходимости направляет эксперту дополнительные вопросы. Заключение эксперта, данное на основании запроса защитника или представителя потерпевшего, составляется в двух экземплярах, одно из которых направляется лицу, осуществляющему досудебное расследование.

Экспертиза в уголовном процессе в порядке, предусмотренном пунктом 3) части третьей статьи 122 УПК РК, на основании адвокатского запроса о даче экспертного заключения проводится в случае отсутствия необходимости в истребовании объектов исследования из органа, ведущего уголовный

процесс. Стороны вправе указать, какие объекты подлежат экспертному исследованию, а также кому может быть поручено производство экспертизы и заявить отвод эксперту.

Участник процесса, по инициативе которого назначается экспертиза, может представить в качестве объектов экспертного исследования предметы, документы. Орган, ведущий уголовный процесс, вправе мотивированным постановлением исключить их из числа таковых. Рассмотрев представленные вопросы, орган, ведущий уголовный процесс, отклоняет те из них, которые не относятся к уголовному делу или предмету судебной экспертизы, выясняет, нет ли оснований для отвода эксперта, после чего выносит постановление о назначении экспертизы с соблюдением требований, указанных в части первой настоящей статьи.

Законодателем предусмотрены случаи назначения судебных экспертиз в разовом порядке, когда назначение экспертизы в установленном порядке в силу определенных причин становится невозможным.

В частности Закон РК “О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан” предусматривает возможность и случаи поручения судебной экспертизы **в разовом порядке**, в числе которых названы:

- назначение экспертизы, не предусмотренной определенным законодательством в перечне видов экспертиз;
- привлечение в предусмотренных законом случаях в качестве эксперта специалиста иностранного государства в области судебной экспертизы, При этом проведение судебной экспертизы с участием судебных экспертов иностранных государств осуществляется в порядке, установленном Уголовно-процессуальным, Гражданским процессуальным кодексами Республики Казахстан и Кодексом Республики Казахстан об административных правонарушениях, а также приводимым Законом;
- удовлетворения отводов всем судебным экспертам соответствующей специальности, являющимся сотрудниками органов судебной экспертизы, а также осуществляющим судебно-экспертную деятельность на основании лицензии, либо мотивированного отстранения от производства судебной экспертизы органа судебной экспертизы в целом.

Таким образом, закон регламентирует поручение экспертиз в разовом порядке лишь в исключительных случаях.

Как отмечалось, юридическим основанием производства экспертизы является постановление (определение) о ее назначении, в котором в соответствии с частью 1 ст. 272 УПК РК обязательно указываются: наименование органа, назначившего экспертизу, время, место назначения экспертизы; вид экспертизы; основания для назначения экспертизы; объекты, направляемые на экспертизу, и информация об их происхождении, а также разрешение на возможное полное или частичное уничтожение указанных объектов, изменение их внешнего вида или основных свойств в ходе исследования; наименование органа судебной экспертизы и (или) фамилия, имя, отчество (при его наличии) лица, которому поручено производство судебной экспертизы.

Кроме указанной информации в постановлении требуется указать наличие имевшихся ходатайств со стороны участников процесса при вынесении постановления и степень их удовлетворения. В постановлении желательно указать на возможность присутствия при производстве экспертизы лиц, в отношении которых она производится, а также лиц, ведущих уголовный процесс.

При вынесении постановления о назначении той или иной экспертизы в наиболее сложных случаях субъектам доказывания рекомендуется обращение за консультацией к специалистам. В частности их помощь может быть существенной при определении конкретного вида экспертизы, в процессе обнаружения, фиксации, изучения и оценке объектов и образцов для экспертного исследования, при формулировке вопросов, выносимых на экспертизу. Для решения вышеназванных вопросов законом не запрещается предварительное взаимодействие с судебными экспертами, привлекаемыми к подготовке постановления в качестве специалистов.

В соответствии со статьей 273 УПК РК производство судебной экспертизы может быть поручено:

- сотрудникам органов судебной экспертизы;
- лицам, осуществляющим судебно-экспертную деятельность на основании лицензии;
- в разовом порядке иным лицам в порядке и на условиях, предусмотренных законом;
- производство экспертизы может быть поручено лицу из числа предложенных участниками процесса.

Согласно статье 276 УПК РК требование органа, ведущего уголовный процесс, следственного судьи о вызове лица, которому поручено производство экспертизы, обязательно для руководителя организации, где работает указанное лицо.

При оценке значимости постановления о назначении судебной экспертизы как процессуального документа важно иметь в виду, что согласно уголовно-процессуальному законодательству оно обязательно для исполнения органами и лицами, которым адресовано и входит в их компетенцию.

При поручении экспертизы органу судебной экспертизы орган, ведущий уголовный процесс, следственный судья направляют постановление о назначении экспертизы и необходимые материалы его руководителю. Экспертиза производится тем сотрудником органа судебной экспертизы, который указан в постановлении. Если конкретный эксперт в постановлении не указан, выбор эксперта осуществляет руководитель органа судебной экспертизы, о чем сообщает лицу, назначившему экспертизу, в трехдневный срок.

Законом предусмотрено, что в случае, когда производство экспертизы назначено постановлением следственного судьи, орган, ведущий уголовный процесс, направляет необходимые материалы, предметы руководителю органа судебной экспертизы.

В случае производства экспертизы по запросу защитника или представителя потерпевшего необходимые материалы предоставляются защитником или представителем потерпевшего.

УПК РК, характеризуя правовой статус руководителя органа судебной экспертизы, отмечает, что он вправе:

- указав мотивы, возратить органу, ведущему уголовный процесс, без исполнения постановление о назначении судебной экспертизы и представленные на исследование объекты в случаях, если:
 - в данном органе судебной экспертизы отсутствует эксперт, обладающий необходимыми специальными научными знаниями;
 - материально-техническая база и условия данного органа судебной экспертизы не позволяют решить конкретные экспертные задачи;
 - вопросы, поставленные перед судебным экспертом, выходят за пределы его компетенции; материалы для производства экспертизы представлены с нарушением требований настоящего Кодекса;
- ходатайствовать перед лицом, ведущим уголовный процесс, о включении в состав комиссии судебных экспертов лиц, не работающих в данном органе судебной экспертизы, если их специальные научные знания необходимы для дачи заключения;
- имеет также иные права, предусмотренные законом.

В то же время руководитель органа судебной экспертизы не вправе:

- самостоятельно истребовать объекты, необходимые для производства экспертизы;
- без согласования с органом, ведущим уголовный процесс, привлекать к ее производству лиц, не являющихся сотрудниками данного органа судебной экспертизы;
- давать эксперту указания, предрешающие содержание выводов по конкретной экспертизе.

В обязанности руководителя органа судебной экспертизы входит:

- по получении постановления о назначении судебной экспертизы и объектов исследования поручить производство конкретному эксперту или комиссии экспертов данного органа судебной экспертизы с учетом требований части первой статьи 272 УПК РК;
- не нарушая принципа независимости судебного эксперта, обеспечить контроль за соблюдением срока производства судебной экспертизы, сохранность объектов судебной экспертизы;
- не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с организацией производства экспертизы;
- обеспечить условия, необходимые для проведения исследований.

Статьей 277 УПК РК особенно регламентируется производство экспертизы вне органа судебной экспертизы. Так, если производство экспертизы предполагается поручить лицу, не являющемуся сотрудником органа судебной экспертизы, орган, ведущий уголовный процесс, до вынесения постановления о ее назначении должен удостовериться в личности лица,

которому он намерен поручить экспертизу, и проверить, нет ли оснований к отводу эксперта, предусмотренных статьей 93 УПК РК.

При этом орган, ведущий уголовный процесс, следственный судья выносят постановление о назначении экспертизы, вручают его эксперту, разъясняют ему права и обязанности, предусмотренные статьей 79 УПК РК, и предупреждают об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. О выполнении этих действий орган, ведущий уголовный процесс, следственный судья делают отметку в постановлении о назначении экспертизы, которая удостоверяется подписью эксперта. Таким же образом фиксируются заявления, сделанные экспертом, и его ходатайства. Об отклонении ходатайства эксперта лицо, назначившее экспертизу, выносит мотивированное постановление

В ходе осуществление судебно-экспертной деятельности предусматривается возможность назначения отдельных видов судебных экспертиз различающихся по своему процессуальному статусу. К таковым относятся единоличная, комиссионная, комплексная, дополнительная и повторная экспертизы.

Рассмотрим их подробнее. Статья 281 УПК РК предусматривает, что производство экспертизы осуществляется экспертом единолично либо комиссией экспертов.

Комиссионная экспертиза назначается в случаях необходимости производства сложных экспертных исследований и проводится не менее чем двумя экспертами одной специальности. Для производства же судебно-психиатрической экспертизы по вопросу о вменяемости назначается не менее трех экспертов.

При производстве комиссионной судебной экспертизы каждый из судебных экспертов независимо и самостоятельно проводит судебно-экспертное исследование в полном объеме. Члены экспертной комиссии совместно анализируют полученные результаты и, придя к общему мнению, подписывают заключение либо сообщение о невозможности дать заключение. В случае разногласий между экспертами каждый из них или часть экспертов дает отдельное заключение либо эксперт, мнение которого расходится с выводами остальных членов комиссии, формулирует его в заключении отдельно.

Постановление органа, ведущего уголовный процесс, следственного судьи о производстве комиссионной экспертизы обязательно для руководителя органа судебной экспертизы. Руководитель органа судебной экспертизы вправе самостоятельно принять решение о проведении по представленным материалам комиссионной экспертизы и организовать ее производство.

В соответствии со статьей 282 УПК РК **комплексная экспертиза**, правовые аспекты регламентации которой были подробно рассмотрены нами в предыдущем разделе. Здесь важно отметить, что организация производства комплексной экспертизы, порученной органу судебной экспертизы, возлагается на его руководителя. Руководитель органа судебной экспертизы вправе также самостоятельно принять решение о проведении экспертизы по

представленным материалам комплексной экспертизы и организовать ее производство.

Дополнительная экспертиза согласно статье 287 УПК РК назначается при недостаточной ясности или полноте заключения, а также возникновении необходимости решения дополнительных вопросов, связанных с предыдущим исследованием. Производство дополнительной экспертизы может быть поручено тому же или иному эксперту.

В то же время **повторная экспертиза** назначается для исследования тех же объектов и решения тех же вопросов в случаях, когда предыдущее заключение эксперта недостаточно обоснованно, либо его выводы вызывают сомнение, либо были существенно нарушены процессуальные нормы о назначении и производстве экспертизы.

В постановлении о назначении повторной экспертизы должны быть приведены мотивы несогласия с результатами предыдущей экспертизы. Производство повторной экспертизы поручается комиссии экспертов. Эксперты, проводившие предыдущую экспертизу, могут присутствовать при производстве повторной экспертизы и давать комиссии пояснения, однако в экспертном исследовании и составлении заключения они не участвуют.

При поручении производства дополнительной и повторной экспертиз эксперту (экспертам) должны быть представлены заключения предыдущих экспертиз. Дополнительная и повторная экспертизы назначаются и проводятся с соблюдением требований статей 270, 272 - 284 УПК РК.

Если же вторая или последующая по счету экспертиза назначается по нескольким основаниям, одни из которых относятся к дополнительной экспертизе, а другие - к повторной, такая экспертиза производится по правилам производства повторной.

Назначение и производство судебной экспертизы в суде проводится по общим правилам, предусматриваемым главой 35 УПК РК, однако имеет свои особенности. Данные особенности учитывают не только различные задачи и порядок организации и проведения судебного разбирательства в уголовном, гражданском и административном процессе, но и различие таких стадий уголовного процесса как досудебное следствие и судебное рассмотрение дела. Если экспертиза на досудебном следствии не была проведена, а потребность ее проведения не вызывает сомнения, то судом принимается решение о ее назначении и вызове в главное судебное разбирательство эксперта для поручения ему ее производства.

В суде первой инстанции необходимость назначения экспертизы устанавливается как в ходе предварительного слушания дела, так и в главном судебном разбирательстве. Верховным судом РК в нормативном постановлении № 16 от 26.11.2004 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» сделано четкое пояснение, что в ходе предварительного слушания дела постановление о назначении экспертизы может быть вынесено судом только в определенных случаях, а именно:

- по ходатайству сторон;
- когда назначение экспертизы не связано с оценкой доказательств;

- ее производство в соответствии с уголовно-процессуальным законом является обязательным.

Экспертиза в судебном разбирательстве регламентируется статьей 373 УПК. В частности суд вправе назначить экспертизу, как по ходатайству сторон, так и по собственной инициативе. При этом экспертизу проводит эксперт (эксперты), давший заключение в ходе **досудебного** расследования, либо другой эксперт (эксперты), назначенный судом. В последнем случае председательствующий должен сообщить, кому предполагается поручить производство экспертизы, после чего при отсутствии ходатайств об отводе и самоотводе указанного лица суд выносит постановление о привлечении его в качестве эксперта по делу без удаления суда в совещательную комнату. Далее эксперту разъясняются его процессуальные полномочия, он предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, о чем дает подписку.

В судебном заседании эксперт с разрешения председательствующего вправе участвовать в исследовании обстоятельств, относящихся к предмету экспертизы: задавать вопросы допрашиваемым лицам, знакомиться с материалами уголовного дела, участвовать во всех судебных действиях, касающихся предмета экспертизы.

По выяснении всех обстоятельств, имеющих значение для дела, председательствующий предлагает сторонам представить в письменном виде вопросы эксперту. Поставленные вопросы должны быть оглашены и по ним заслушаны мнения участников судебного разбирательства.

Стороны вправе представить в качестве объектов экспертного исследования предметы, документы. Исключая их из числа таковых, суд обязан вынести мотивированное постановление. Рассмотрев вопросы и заслушав мнения по ним сторон, суд своим постановлением устраняет те из них, которые не относятся к делу или компетенции эксперта, формулирует новые вопросы.

Лицу, назначенному экспертом, вручается копия постановления суда о назначении экспертизы и разъясняются его права и обязанности. Суд, выслушав мнения сторон, вправе отложить судебное заседание на время, необходимое для проведения исследования.

Эксперт дает заключение в письменном виде и оглашает его в судебном заседании, после чего может быть произведен его допрос по правилам, предусмотренным статьей 374 УПК РК. Заключение эксперта приобщается к делу.

После проведения экспертизы в судебном разбирательстве в случаях, предусмотренных статьей 287 УПК РК настоящего Кодекса, суд вправе назначить дополнительную либо повторную экспертизу. В случае вызова в суд эксперта, давшего заключение в ходе досудебного производства по делу, суд после оглашения заключения, если оно не вызывает возражения сторон, вправе не назначать экспертизу и ограничиться допросом эксперта.

Допрос эксперта согласно статьи 374 УПК РК может быть произведен только после оглашения заключения для его разъяснения, уточнения или

дополнения с учетом требований части четвертой статьи 285 УПК РК. Первым эксперта допрашивает сторона, по ходатайству которой назначена экспертиза. Если экспертиза произведена по соглашению между сторонами или инициативе органа, ведущего уголовный процесс, первой допрашивает эксперта сторона обвинения затем сторона защиты. Суд вправе задавать эксперту вопросы в любой момент допроса.

Что касается допроса эксперта в соответствии со статьей 285 УПК РК, то он проводится с целью:

- выяснения связанных с заключением эксперта или специалиста существенных для дела вопросов, не требующих дополнительных исследований;
- уточнения примененных экспертом, специалистом методов и использованных терминов;
- получения информации о других фактах и обстоятельствах, не являющихся составной частью заключения, но связанных с участием в досудебном процессе эксперта или специалиста;
- выяснения квалификации эксперта или специалиста.

Допрос эксперта и специалиста проводится по общим правилам статьи 210 УПК РК, при этом запрещается допрос эксперта до дачи им заключения. Кроме того эксперт не может быть допрошен по поводу обстоятельств, не относящихся к его заключению, ставших ему известными в связи с производством судебно-психиатрической, а также судебно-медицинской экспертизы в отношении живых лиц.

4.4. Правовая регламентация объектов судебной экспертизы в законодательстве Республики Казахстан

Особенностью анализа и оценки объектов судебной экспертизы в отличие от объектов, изучаемых в иных отраслях знания, является обязательность исследования их правового статуса, что связано с процессуальным режимом института судебной экспертизы, предполагающим возможность использования получаемой экспертом информации в качестве доказательства по делу. В этой связи кратко остановимся на отдельных положениях, закрепленных в новом уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан, регламентирующих правовой статус объектов экспертного исследования.

Под объектами экспертного исследования понимаются определенные процессуальным законодательством источники информации - материалы дела, необходимые для решения экспертных задач. Порядок обращения с объектами судебной экспертизы устанавливается законодательством Республики Казахстан, при этом лицо или орган, назначивший экспертизу, обязаны гарантировать их достоверность. Объекты экспертного исследования, если их габариты и свойства это позволяют, передаются эксперту в упакованном и опечатанном виде. В остальных случаях они должны обеспечить доставку эксперта к месту нахождения объектов

исследования, беспрепятственный доступ к ним и условия, необходимые для проведения исследования.

При производстве экспертизы ее объекты с разрешения органа, назначившего экспертизу, могут быть повреждены или использованы только в той мере, в какой это необходимо для проведения исследований и дачи заключения. Указанное разрешение должно содержаться в постановлении о назначении судебной экспертизы или мотивированном постановлении об удовлетворении ходатайства судебного эксперта либо частичном отказе в его удовлетворении.

В соответствии со статьей 272 УПК РК участник процесса, по инициативе которого назначается экспертиза, может представить в качестве объектов экспертного исследования предметы, документы. Орган, ведущий уголовный процесс, в свою очередь вправе мотивированным постановлением исключить их из числа таковых.

Важное значение при производстве экспертного исследования приобретают **образцы для сравнительного исследования**, особенно в тех случаях, когда непосредственное исследование свойств оригинала невозможно либо нецелесообразно. Образцы для экспертного исследования – это материальные объекты, представляемые эксперту для сравнения с диагностируемыми, классифицируемыми или идентифицируемыми объектами (как правило, вещественными доказательствами). В отличие от вещественных доказательств они не связаны с расследуемым событием и сами доказательствами не являются. Их отличительный признак – несомненность происхождения от проверяемого объекта.

В соответствии со статьей 262 УПК РК орган, ведущий уголовный процесс, вправе получить образцы, отображающие свойства живого человека, трупа, животного, растения, предмета, материала или вещества, если их экспертное исследование необходимо для разрешения поставленных перед экспертом вопросов.

В качестве образцов могут быть, в частности, получены:

- кровь, сперма, волосы, обрезки ногтей, микроскопические соскобы внешних покровов тела;
- слюна, пот и другие выделения;
- отпечатки кожного узора, слепки зубов;
- рукописный текст, изделия, другие материалы, отражающие навыки человека;
- фонограммы голоса;
- пробы материалов, веществ, сырья, готовой продукции;
- образцы гильз, пуль, следов орудий и механизмов.

Во всех случаях при получении образцов выносится мотивированное постановление, в котором должны быть указаны:

- лицо, которое будет получать образцы;
- лицо (организация), у которого следует получить образцы;

- какие именно образцы и в каком количестве должны быть получены;
- когда и к кому должно явиться лицо для получения у него образцов;
- когда и кому должны быть представлены образцы после их получения.

Статья 263 УПК РК определяет, что лицо, осуществляющее досудебное расследование лично, а при необходимости, с участием врача, иного специалиста вправе получить образцы, если это не сопряжено с обнажением лица противоположного пола, у которого берутся образцы, и не требует особых профессиональных навыков. В иных случаях образцы могут быть получены по поручению лица, осуществляющего досудебное расследование, врачом или специалистом. В случаях же, когда получение образцов является частью экспертного исследования, оно может быть произведено экспертом. При этом экспертом могут быть изготовлены экспериментальные образцы, о чем сообщается в заключении. Орган, ведущий уголовный процесс, вправе присутствовать при изготовлении таких образцов, что отражается в составляемом им протоколе. После проведения исследования эксперт прилагает образцы к своему заключению в упакованном и опечатанном виде.

В свою очередь статья 264 УПК РК определяет лиц, у которых допускается получение образцов. Так, образцы могут быть получены у подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также у лица, в отношении которого ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера.

При наличии же достаточных данных о том, что следы на месте происшествия или на вещественных доказательствах могли быть оставлены иным лицом, образцы могут быть получены у этого лица, но не иначе, как после его допроса в качестве свидетеля (потерпевшего) об обстоятельствах, при которых могли образоваться указанные следы.

Статья 265 УПК РК устанавливает следующий порядок получения образцов. Лицо, осуществляющее досудебное расследование:

- вызывает лицо к себе или прибывает к месту, где оно находится
- знакомит его под роспись с постановлением или поступившим к нему постановлением суда о получении образцов
- разъясняет этому лицу, специалисту их права и обязанности
- решает вопрос об отводах, если они были заявлены.

Затем лицо, осуществляющее досудебное расследование, или прокурор производят необходимые действия и получают образцы для экспертного исследования. При этом могут применяться научно-технические средства, не причиняющие боль и не опасные для жизни и здоровья человека.

Получение образцов у трупа, а также изъятие в качестве образцов проб сырья, продукции, других материалов осуществляются путем производства соответственно эксгумации, выемки или обыска.

Полученные образцы упаковываются, опечатываются и заверяются подписью лица, получившего образцы. Затем лицо, осуществляющее досудебное расследование, или прокурор направляет их вместе с протоколом получения образцов соответствующему эксперту, и они заверяются подписью лица, получившего образцы.

Если же получение образцов осуществлялось **по постановлению суда**, то следователь, дознаватель или прокурор, выполнявшие данное постановление, направляют образцы в суд вместе с протоколом их получения. Суд с участием сторон осматривает образцы, удостоверяется в их подлинности и сохранности, после чего передает образцы вместе с этим постановлением и протоколом их получения соответствующему эксперту.

Особый порядок предусмотрен при получении образцов врачом или другим специалистом (статья 266 УПК РК). В этом случае:

- орган, ведущий уголовный процесс, направляет к врачу или другому специалисту соответствующее лицо, а также постановление о получении у него образцов при этом вопрос об отводах врачу, другому специалисту решает орган, вынесший постановление;
- врач или другой специалист производит необходимые действия и получает образцы для экспертного исследования. При этом могут применяться научно-технические средства, не причиняющие боль и не опасные для жизни и здоровья человека;
- образцы упаковываются, опечатываются, удостоверяются подписью лица, получившего образцы, и направляются органу, ведущему уголовный процесс.

Если возникает необходимость получить образцы для исследования у животных, орган, ведущий уголовный процесс, направляет соответствующее постановление ветеринару или другому специалисту.

При получении образцов важно обратить внимание на то, что методы и научно-технические средства получения образцов должны быть безопасны для жизни и здоровья человека. Применение сложных медицинских процедур или методов, вызывающих болевые ощущения, допускается лишь с письменного согласия на это лица, у которого должны быть получены образцы, а если оно не достигло совершеннолетия или страдает психическим заболеванием, то и с согласия его законных представителей (статья 267 УПК РК).

Заслуживает внимания статья 268 УПК РК, предусматривающая обязательность исполнения постановления о получении образцов. Так в частности:

- у подозреваемого, обвиняемого образцы могут быть получены принудительно;
- у потерпевшего и свидетеля образцы могут быть получены только с их согласия, за исключением случаев, когда:
 - на данном действии настаивают подозреваемый, обвиняемый, для проверки показаний, изобличающих их в совершении уголовных правонарушений;
 - при необходимости получить образцы для диагностики венерических и иных инфекционных заболеваний, если такая диагностика имеет значение для дела;
- принудительное получение образцов у потерпевшего, свидетеля в указанных случаях, а также у заявителя и лица, на которого заявитель

прямо указывает как на лицо, совершившее уголовное правонарушение, допускается только с санкции прокурора или по решению суда.

Лицо, осуществляющее досудебное расследование, получив образцы, составляет протокол, в котором описываются все действия, предпринятые для получения образцов, в той последовательности, в которой они производились, примененные при этом научно-исследовательские и другие методы и процедуры, а также сами образцы.

Если образцы получены по поручению органа, ведущего уголовный процесс, врачом или другим специалистом, то он составляет об этом официальный документ, который подписывается всеми участниками указанного действия и передается органу, ведущему уголовный процесс, для приобщения к уголовному делу в порядке, установленном частью девятой статьи 199 УПК РК, а именно, - если в ходе производства следственного действия по результатам исследования специалиста им был составлен официальный документ, он прилагается к протоколу, о чем в протоколе делается соответствующая запись. К протоколу прилагаются полученные образцы в упакованном и опечатанном виде (статья 269 УПК РК).

Важно учитывать, что соблюдение правового режима представляемых эксперту объектов в конечном счете осуществляется как самим экспертом в процессе их предварительного изучения, так и при оценке заключения эксперта следователем или судом. Результатом подобного изучения и оценки может стать вывод о несоответствии объекта требованиям процессуального законодательства об условиях производства экспертизы. В частности, в случае вывода эксперта о том, что представленные ему объекты исследования либо материалы непригодны или недостаточны для дачи заключения и не могут быть восполнены, он составляет сообщение о невозможности дать заключение и направляет его лицу, назначившему экспертизу. С аналогичной ситуацией приходится сталкиваться, когда происходит нарушение процессуального режима объектов экспертного исследования, вызванного игнорированием требования законодательства (п.2 ч. 2. ст.18 ЗРК «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан») о недопущении со стороны эксперта самостоятельного их собирания в процессе производства экспертизы. Обнаружение подобных фактов в процессе оценки заключения эксперта следователем (судом) должно автоматически повлечь отказ от признания данного документа в качестве доказательства.

Таким образом, соблюдение научных рекомендаций и процессуальных процедур при обращении с объектами экспертного исследования, является важным условием законности проведения судебной экспертизы.

4.5. Правовой статус судебного эксперта и иных участников уголовного судопроизводства при назначении и производстве судебной экспертизы

Судебная экспертиза, являясь одной из наиболее квалифицированных форм привлечения в судопроизводство специальных знаний, как институт процессуального права имеет отличительные признаки, регламентирующие порядок ее назначения, проведения исследования, оформления результатов экспертизы и их оценку. К таковым в итоге относятся:

- наличие задания следователя (суда) в виде постановления (определения) о назначении судебной экспертизы;
- проведение исследования специальным субъектом – судебным экспертом;
- процессуальная регламентация правового статуса судебного эксперта, предусматривающая его права и обязанности;
- наличие в законе правовых гарантий независимости эксперта и правовых гарантий правильности его заключения;
- обязательное использование судебным экспертом в отличие от других субъектов права специальных научных знаний, подразумевающего получение выводного знания строго на основе научной интерпретации фактов;
- несогласие с выводами, содержащимися в заключении эксперта, должно быть мотивировано субъектом доказывания;
- возможность назначения дополнительной, повторной экспертизы и обращения к другим экспертам в случаях, если заключение первичной экспертизы недостаточно обосновано, его правильность вызывает сомнение либо существенно нарушены процессуальные нормы производства экспертизы.

Согласно ст.1 Закона Республики Казахстан "О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан" судебный эксперт – лицо, соответствующее требованиям настоящего закона, которому органом (лицом), ведущим уголовный процесс, судом либо органом (должностным лицом), уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях, в порядке, установленном законом, поручено производство судебной экспертизы.

Знание основных положений правового регулирования его статуса позволяет на практике успешно и своевременно решать вопросы о выборе конкретного эксперта для проведения требуемых по уголовным делам исследований, на основе привлечения в судопроизводство научных знаний.

Учитывая процессуальную значимость участия эксперта в судопроизводстве, выражающуюся в том, что результаты его исследования могут быть признаны доказательством по делу в форме заключения эксперта, законодатель определил основные требования, предъявляемые к нему как процессуальной фигуре. В частности во всех случаях привлечения лица в качестве судебного эксперта оно должно обладать высшим образованием и иметь специальные научные знания в области определенного вида

экспертизы. Присвоение квалификации судебного эксперта осуществляется путем сдачи им квалификационного экзамена с выдачей квалификационного свидетельства судебного эксперта на право производства определенного вида судебной экспертизы.

Прием квалификационных экзаменов и выдача квалификационного свидетельства судебного эксперта на право производства определенного вида судебной экспертизы осуществляются квалификационными комиссиями Министерства юстиции Республики Казахстан и уполномоченного органа в области здравоохранения Республики Казахстан. Кроме того, в отношении судебных экспертов, осуществляющих свою деятельность в Казахстане на постоянной профессиональной основе, предъявляются требования подтверждения своей квалификации аттестационной комиссией Минюста РК, а также внесения их данных в государственный реестр судебных экспертов, утвержденный Постановлением Правительства Республики Казахстан.

Ранее мы нами был рассмотрен круг лиц, имеющий право на привлечение в качестве судебного эксперта. Особенностью казахстанского законодательства является указание на конкретные случаи, согласно которым лицо не может принимать участия в производстве судебной экспертизы. К ним законодатель относит лиц признанных в судебном порядке ограниченно дееспособными или недееспособными либо имеющим непогашенную или неснятую судимость. Кроме того, в течение трех лет со дня соответствующего юридического факта судебным экспертом не может быть лицо:

- судимость которого погашена или снята в установленном законом порядке;
- освобожденное от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям за совершение умышленного преступления;
- уволенное по отрицательным мотивам с государственной службы, из органов прокуратуры, иных правоохранительных органов, судов, органов судебной экспертизы;
- лишенное лицензии на занятие судебно-экспертной деятельностью;
- действие лицензии на занятие судебно-экспертной деятельностью которого прекращено в судебном порядке по иску Министерства юстиции Республики Казахстан в случаях:
 - грубого либо неоднократного нарушения лицом законодательства Республики Казахстан при осуществлении судебно-экспертной деятельности;
 - невозможности исполнения лицом обязанностей судебного эксперта вследствие недостаточного уровня профессиональной подготовки, подтвержденного результатами его аттестации;
 - уклонения лица от прохождения аттестации.

Иные случаи, когда лицо не может быть привлечено в качестве эксперта нашли отражение в процессуальном законодательстве. К примеру, к ним относятся общие основания для отвода, предусмотренные в статьях 87, 93

УПК РК. Согласно нормам этих статей эксперт не может участвовать по делу если он:

- принимал участие по данному уголовному делу в качестве следственного судьи, рассматривал жалобы, протесты на постановления следственного судьи;
- является по данному делу потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, вызывался либо может быть вызван в качестве свидетеля;
- участвовал в производстве по данному уголовному делу в качестве специалиста, переводчика, понятого, секретаря судебного заседания, дознавателя, следователя, прокурора, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика;
- является родственником потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей, родственником подозреваемого, обвиняемого или его законного представителя, родственником прокурора, защитника, следователя или дознавателя либо свойственником кого-либо из участников процесса;
- если имеются иные обстоятельства, дающие основание считать, что эксперт лично, прямо или косвенно заинтересован в данном деле.

Эксперт не может участвовать в производстве по уголовному делу:

- если он находился или находится в служебной или иной зависимости от дознавателя, следователя, прокурора, судьи, подозреваемого, обвиняемого, их защитников, законных представителей, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или представителей;
- если он проводил ревизию или другие проверочные действия, результаты которых послужили основаниями для начала уголовного преследования;
- если обнаружилась его некомпетентность;
- если он участвовал в деле в качестве специалиста, за исключением случаев участия врача-специалиста в области судебной медицины в осмотре трупа человека в соответствии со статьей 222 УПК РК.

В производстве экспертизы живого лица, а также трупа в качестве эксперта не может участвовать врач, который до назначения экспертизы оказывал соответствующему лицу медицинскую помощь.

Предыдущее участие лица в данном деле в качестве эксперта не является обстоятельством, исключающим поручение ему производства экспертизы по делу, кроме случаев, когда она назначается повторно после экспертизы, проведенной с его участием.

Отвод должен быть заявлен, когда стало известно об обстоятельствах, исключающих участие эксперта в деле в любой стадии уголовного процесса. Вопрос об отводе эксперта, а также подлежащих отводу участников судебного разбирательства разрешается судом в совещательной комнате с вынесением постановления. Постановление об отклонении или удовлетворении отвода обжалованию (опротестованию) не подлежит.

Доводы о несогласии с постановлением могут быть включены в апелляционную жалобу или в ходатайство о пересмотре судебных актов в кассационном порядке, протест.

Непременным атрибутом процессуального статуса судебного эксперта являются его полномочия и определенные ограничения в процессе их реализации, установленные законом. Данный аспект наглядно иллюстрируется требованиями закона к осуществлению судебно-экспертной деятельности.

Так в соответствии со статьей 79 УПК РК эксперт имеет право:

1) знакомиться с материалами (материалами дела), относящимися к предмету экспертизы;

2) заявлять ходатайства о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, а также принятия мер безопасности;

3) участвовать в производстве процессуальных действий и судебном заседании с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, и задавать участвующим в них лицам вопросы, относящиеся к предмету экспертизы;

4) знакомиться с протоколом процессуального действия, в котором он участвовал, а также в соответствующей части с протоколом судебного заседания и делать подлежащие внесению в протоколы замечания относительно полноты и правильности фиксации его действий и показаний;

5) по согласованию с органом, назначившим экспертизу, давать в пределах своей компетенции заключение по выявленным в ходе судебно-экспертного исследования обстоятельствам, имеющим значение для дела, выходящим за пределы вопросов, содержащихся в постановлении о назначении судебной экспертизы;

6) представлять заключение и давать показания на родном языке или языке, которым владеет; пользоваться бесплатной помощью переводчика; заявлять отвод переводчику;

7) обжаловать решения и действия органа, ведущего уголовный процесс, и иных лиц, участвующих в производстве по делу, ущемляющие его права при производстве экспертизы;

8) получать возмещение расходов, понесенных при производстве экспертизы, и вознаграждение за выполненную работу, если производство судебной экспертизы не входит в круг его должностных обязанностей.

Эксперт согласно данной статьи не вправе:

1) вести переговоры с участниками процесса по вопросам, связанным с производством экспертизы, без ведома органа, ведущего уголовный процесс;

2) самостоятельно собирать материалы для исследования;

3) проводить исследования, которые могут повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств, если на это не было специального разрешения органа, назначившего экспертизу.

При этом эксперт обязан:

1) явиться по вызову органа, ведущего уголовный процесс;

2) провести всестороннее, полное и объективное исследование представленных ему объектов, дать обоснованное и объективное письменное заключение по поставленным вопросам;

3) отказаться от дачи заключения и составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить его в орган, ведущий уголовный процесс, в случаях, предусмотренных статьей 284 УПК РК, а именно - если эксперт до проведения исследования убеждается, что поставленные перед ним вопросы выходят за пределы его специальных научных знаний или представленные ему объекты исследования либо материалы непригодны или недостаточны для дачи заключения и не могут быть восполнены, либо состояние науки и судебно-экспертной практики не позволяет ответить на поставленные вопросы;

4) давать показания по вопросам, связанным с проведенным исследованием и данным заключением;

5) обеспечивать сохранность представленных на исследование объектов;

6) не разглашать сведения об обстоятельствах дела и иные сведения, ставшие ему известными в связи с производством экспертизы;

7) представлять органу, назначившему экспертизу, смету расходов и отчет о расходах, понесенных в связи с производством экспертизы.

За дачу заведомо ложного заключения эксперт несет уголовную ответственность, установленную статьей 420 Уголовного Кодекса Республики Казахстан, а именно - наказывается ограничением свободы на срок до шести лет либо лишением свободы на тот же срок. За те же деяния, совершенные по уголовному делу о коррупционном, тяжком или особо тяжком преступлении либо из корыстных побуждений, эксперт может быть наказан лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

Эксперт, являющийся сотрудником органов судебной экспертизы, считается по роду своей деятельности ознакомленным с его правами и обязанностями и предупрежденным об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Законодательством республики также детально закреплены гарантии прав и свобод личности, участвующей в процессе организации и производства судебной экспертизы, что можно проследить по нормам УПК РК. Данные гарантии учитывают общие нормы процессуального права, такие как уважение чести и достоинства личности (ст. 13 УПК), неприкосновенность личности (ст.14), требование охраны прав и свобод граждан (ст. 15), неприкосновенность частной жизни и тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 16), презумпция невиновности (ст. 19), осуществление правосудия на основах состязательности и равноправия сторон (ст. 23) и др.

Так, в уголовном процессе при назначении экспертизы и ее производстве подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, а также лицо, в отношении которого осуществляется производство по применению медицинских мер принудительного характера, если это позволяет его

психическое состояние, имеют следующий перечень прав, защищающих их интересы (статья 274):

1) до проведения экспертизы знакомиться с постановлением о ее назначении и получать разъяснение принадлежащих им прав, о чем составляется протокол;

2) заявлять отвод эксперту или ходатайство об отстранении от производства экспертизы органа судебной экспертизы;

3) ходатайствовать о назначении в качестве экспертов указанных ими лиц или сотрудников конкретных органов судебной экспертизы, а также проведения экспертизы комиссией экспертов;

4) ходатайствовать о постановке перед экспертом дополнительных вопросов или уточнении поставленных;

5) присутствовать при производстве экспертизы в порядке, предусмотренном статьей 278 УПК РК, с разрешения органа, ведущего уголовный процесс. Здесь необходимо обратить внимание на следующие моменты:

- ✓ При производстве экспертизы с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, могут присутствовать участники процесса, защищающие свои или представляемые права и интересы. В этом случае участие органа, ведущего уголовный процесс, обязательно.
- ✓ При удовлетворении органом, ведущим уголовный процесс, соответствующего ходатайства лицо, его заявившее, извещается о месте и времени производства экспертизы. Неявка извещенного лица не препятствует производству экспертизы.
- ✓ Участники процесса, присутствующие при производстве судебной экспертизы, не вправе вмешиваться в ход исследований, но могут давать объяснения, относящиеся к предмету судебной экспертизы.
- ✓ Если участник процесса, присутствующий при производстве судебной экспертизы, препятствует деятельности судебного эксперта, последний вправе приостановить исследование и ходатайствовать перед органом, ведущим уголовный процесс, либо лицом, назначившим экспертизу, об отмене разрешения указанному участнику процесса присутствовать при производстве судебной экспертизы.
- ✓ При составлении судебным экспертом заключения, а также на стадии совещания судебных экспертов и формулирования выводов, если судебная экспертиза производится комиссией судебных экспертов, присутствие участников процесса не допускается.
- ✓ Производство судебной психиатрической и судебной психолого-психиатрической экспертизы осуществляется в условиях конфиденциальности.
- ✓ При проведении судебно-экспертных исследований в отношении лица, сопровождающихся его обнажением, могут присутствовать только лица того же пола. Данное ограничение не распространяется на врачей и других медицинских работников, участвующих в проведении указанных исследований.

б) знакомиться с заключением эксперта либо сообщением о невозможности дать заключение в порядке, предусмотренном статьей 284 УПК РК.

Если экспертиза была проведена до признания лица подозреваемым или вынесения постановления о квалификации деяния подозреваемого, орган уголовного преследования обязан ознакомить его с постановлением о назначении экспертизы, заключением эксперта и разъяснить ему его права, предусмотренные статьей 286 УПК РК, которая определяет следующие положения:

- ✓ Заключение эксперта или его сообщение о невозможности дать заключение, а также протокол допроса эксперта до окончания досудебного расследования по делу предъявляются подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему либо иным лицам, указанным в частях первой и второй настоящей статьи, которые вправе представлять свои замечания, заявлять возражения по выводам эксперта, заявлять ходатайства о допросе эксперта, назначении дополнительной или повторной экспертизы, а также новых экспертиз.
- ✓ В случае удовлетворения или отклонения такого ходатайства орган уголовного преследования выносит соответствующее постановление, которое под расписку объявляется лицу, заявившему ходатайство.
- ✓ Об ознакомлении указанных лиц с заключением эксперта и протоколом его допроса составляется протокол, в котором отражаются сделанные ими заявления или возражения.

Правила данной статьи применяются и в случаях, когда экспертиза была произведена до вынесения постановления о квалификации деяния подозреваемого или постановления о признании подозреваемым, потерпевшим.

Экспертиза потерпевших и свидетелей, а также лица, пострадавшего от совершения уголовного правонарушения, и лица, в отношении которого решается вопрос о признании подозреваемым, производится только с их письменного согласия. Если эти лица не достигли совершеннолетия или признаны судом недееспособными, письменное согласие на проведение экспертизы дается их законными представителями. Указанное правило не распространяется на проведение экспертизы в случаях обязательного назначения судебной экспертизы, предусмотренных статьей 271 УПК РК.

В случае удовлетворения ходатайства, заявленного лицами, указанными в частях первой и второй настоящей статьи, орган, ведущий уголовный процесс, соответственно, изменяет или дополняет свое постановление о назначении экспертизы. В случае отказа от удовлетворения ходатайств он выносит мотивированное постановление, которое объявляется под расписку лицу, заявившему ходатайство.

Определяя права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, а также лица, в отношении которого осуществляется производство по применению медицинских мер принудительного характера, уголовно-процессуальное законодательство предусмотрело в статье 275 УПК РК

гарантии прав и законных интересов лиц, в отношении которых производится судебная экспертиза. В частности при производстве судебной экспертизы живых лиц запрещаются:

- лишение или стеснение их прав, гарантированных законом (в том числе путем обмана, применения пыток, жестокого обращения, насилия, угроз и иных незаконных мер), в целях получения от них сведений;
- использование указанных лиц в качестве субъектов клинических исследований медицинских технологий, фармакологических и лекарственных средств;
- применение методов исследования, предусматривающих хирургическое вмешательство.

Лицо, в отношении которого производится судебная экспертиза, должно быть информировано в доступной для него форме органом, назначившим судебную экспертизу, об используемых методах судебно-экспертных исследований, включая альтернативные, о возможных болевых ощущениях и побочных явлениях. Указанная информация предоставляется также законному представителю лица, в отношении которого производится судебная экспертиза, по его ходатайству.

При этом медицинская помощь лицу, в отношении которого производится судебная экспертиза, может оказываться только по основаниям и в порядке, предусмотренным законом.

Лицу, помещенному в медицинскую организацию, предоставляется возможность подачи жалоб и ходатайств. Жалобы и ходатайства, поданные в порядке, предусмотренном УПК РК, направляются администрацией медицинской организации адресату в течение двадцати четырех часов и не подлежат цензуре.

Судебная экспертиза, производимая в отношении лица с его согласия, может быть прекращена на любой ее стадии по инициативе указанного лица.

Судебная экспертиза **живых лиц** может производиться в добровольном или принудительном порядке.

В случае, если судебная экспертиза производится **в добровольном порядке**, в орган судебной экспертизы должно быть представлено письменное согласие лица подвергнуться судебно-экспертным исследованиям.

Если лицо, в отношении которого назначена судебная экспертиза, не достигло совершеннолетия или признано судом недееспособным, письменное согласие на производство судебной экспертизы в отношении этого лица дается его законным представителем или органом опеки и попечительства.

Производство судебной экспертизы живых лиц **в принудительном порядке** допускается только в случаях, прямо предусмотренных законом.

Статья 279 УПК РК регламентирует порядок помещения лиц в медицинскую организацию для производства экспертизы. В частности, если производство судебной экспертизы в отношении лица предполагает проведение судебно-экспертных исследований в условиях стационара, то

подозреваемый, потерпевший, свидетель могут быть помещены в медицинскую организацию на основании постановления о назначении экспертизы.

Помещение в медицинскую организацию потерпевшего, свидетеля допускается только с его письменного согласия, за исключением случаев, предусмотренных статьей 271 УПК, регламентирующей случаи обязательного назначения судебной экспертизы. Если указанное лицо не достигло совершеннолетия или признано судом недееспособным, письменное согласие дается законным представителем. В случае возражения или отсутствия законного представителя письменное согласие дается органом опеки и попечительства.

Направление в медицинскую организацию для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы подозреваемого, не содержащегося под стражей, а также потерпевшего, свидетеля производится в порядке, предусмотренном частью второй статьи 14 УПК РК, предусматривающей возможность принудительного помещения не содержащегося под стражей лица в медицинскую организацию для производства судебно-психиатрической и (или) судебно-медицинской экспертиз только по решению суда.

При помещении подозреваемого в медицинскую организацию для проведения стационарной судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы срок, в течение которого ему должно быть объявлено постановление о квалификации деяния подозреваемого, прерывается со дня получения санкции до получения заключения комиссии экспертов о психическом состоянии подозреваемого.

Общий срок пребывания лица, в отношении которого проводится судебно-медицинская или судебно-психиатрическая экспертиза, в медицинской организации составляет до тридцати суток. Согласно части 5 статьи 279 УПК РК в случае невозможности завершения судебно-экспертных исследований указанный срок может быть продлен на тридцать суток по мотивированному ходатайству эксперта (комиссии экспертов) в соответствии с требованиями части второй статьи 14 УПК РК.

Ходатайство должно быть представлено в суд не позднее чем за трое суток до истечения срока производства экспертизы и разрешено в течение трех суток со дня получения. В случае отказа суда в продлении срока лицо должно быть выписано из медицинской организации. О заявленном ходатайстве и результатах его рассмотрения судом руководитель медицинской организации извещает лицо, в отношении которого производится экспертиза, его защитника, законного представителя, представителя, а также орган, ведущий уголовный процесс.

Лицо, в отношении которого проводится судебная экспертиза в медицинской организации, его защитник, законный представитель, представитель вправе обжаловать постановление о продлении срока ее производства в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством.

Важно при этом иметь в виду разъяснение Верховного Суда РК № 16 от 26 ноября 2004 г. о том, что если у лица, в отношении которого необходимо производство судебно-психиатрической экспертизы, обнаружено временное психическое расстройство (реактивное состояние), которое препятствует проведению экспертизы, в связи с чем и требуется его лечение, то помещение такого лица для принудительного лечения в психиатрический стационар может осуществляться только по постановлению суда. В этом случае в соответствии с нормами УПК РК производство по уголовному делу прекращается.

В подобных случаях орган (лицо), назначивший судебную экспертизу, обязан в течение двадцати четырех часов уведомить о местонахождении лица, принудительно помещенного в медицинскую организацию для производства судебной экспертизы, кого-либо из совершеннолетних членов его семьи, других родственников или близких лиц, а при отсутствии таковых – орган внутренних дел по месту жительства указанного лица.

В Законе РК «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан» оговорены сроки пребывания лица в медицинской организации при производстве судебной экспертизы (ст. 37). При этом нарушение срока пребывания в медицинской организации лица, принудительно помещенного в нее для производства судебной экспертизы, а также порядка продления этого срока может быть обжаловано указанным лицом, его защитником, законным представителем или иными представителями, допущенными к участию в деле, в порядке, предусмотренном законом.

Данным законом (ст. 38) оговариваются гарантии прав и законных интересов лиц, в отношении которых производится судебная экспертиза, аналогичные тем, что указаны в 275 УПК РК.

Судебно-психиатрическая экспертиза в отношении лиц, *не содержащихся под стражей*, производится в психиатрических стационарах. В период производства в психиатрических стационарах судебно-психиатрической экспертизы лиц, не содержащихся под стражей, на них распространяется действие норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. Указанные лица пользуются правами пациентов психиатрических стационаров, установленными законодательством Республики Казахстан о здравоохранении.

Судебно-психиатрическая экспертиза в отношении лиц, *содержащихся под стражей*, производится в психиатрических стационарах, специально предназначенных для помещения в них указанных лиц. На них также распространяется действие норм УПК РК и они пользуются правами пациентов психиатрических стационаров с предусмотренными для них особенностями, установленными законодательством Республики Казахстан о здравоохранении.

Производство судебно-психиатрической и судебной психолого-психиатрической экспертизы осуществляется в условиях конфиденциальности. При проведении судебно-экспертных исследований лица, сопровождающихся его обнажением, могут присутствовать только

лица того же пола. Данное ограничение не распространяется на врачей и других медицинских работников, участвующих в проведении указанных исследований.

Вопросы охраны прав личности при назначении экспертизы приобретают особое значение при получении образцов для экспертного исследования. В связи с этим методы и научно-технические средства получения образцов для экспертного исследования должны быть безопасны для жизни и здоровья человека. Применение сложных медицинских процедур или методов, вызывающих сильные болевые ощущения, допускается лишь с согласия на это лица, у которого должны быть получены образцы, а если оно не достигло совершеннолетия или страдает психическим заболеванием, то и с согласия его законных представителей, опекунов или попечителей (ст. 267 УПК РК).

Поскольку получение образцов является следственным действием, исполнение соответствующего постановления является обязательным для лиц, которых оно касается. Подозреваемый и обвиняемый, уклоняющиеся от явки для получения у них образцов, могут быть подвергнуты приводу, и тогда образцы у них могут быть получены принудительно. У потерпевшего и свидетеля образцы не могут быть получены принудительно, за исключением случаев, когда на данном действии настаивает подозреваемый или обвиняемый для проверки показаний, изобличающих его в преступлении, а также при необходимости получить образцы для диагностики венерических и иных инфекционных заболеваний.

Говоря о роли установленных законом гарантий защиты прав участников, привлекаемых в процесс, следует иметь в виду, что согласно нормативному постановлению Верховного Суда № 16 от 26.11.2004 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» существенные нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные при обнаружении, фиксации и изъятии объектов для экспертного исследования, назначении и проведении экспертизы, могут влечь признание заключения эксперта **недопустимым доказательством**. Среди перечня таковых постановление называет нарушение прав участников процесса при назначении и производстве экспертизы.

Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан № 4 от 20 апреля 2006 года предусматривает, что заключение эксперта, полученное по результатам экспертизы, назначенной неуполномоченным лицом или проведенной без постановления либо в нарушение иных требований закона (не соблюдена последовательность проведения видов экспертизы и т.д.), не может быть признано допустимым доказательством. Очень важно, что данное постановление разъясняет и то, что пояснения обвиняемого, признавшего вину в совершенном преступлении, данные при проведении экспертизы и отраженные в заключении эксперта, не должны признаваться в качестве доказательства.

Таким образом, нормативное регулирование правового статуса судебного эксперта и иных участников процесса в законодательстве Республики Казахстан предусматривает значительный комплекс норм, обеспечивающий

гарантии защиты прав и законных интересов приведенных процессуальных лиц в ходе организации и проведения судебной экспертизы.

4.6. Заключение эксперта как источник доказательств: структура, содержание и оценка

В соответствии со статьей 1 Закона Республики Казахстан «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан» заключение эксперта – это оформленный в соответствии с требованиями закона документ, отражающий ход и результаты судебно-экспертного исследования.

В судопроизводстве заключение эксперта имеет двойное значение, как вид судебного доказательства и как процессуальный акт, в котором это доказательство изложено.

С точки зрения оценки заключения эксперта как процессуального акта необходимо учитывать ряд процессуальных требований к оформлению данного документа. Оформление результатов производства экспертизы осуществляется в соответствии с процессуальным законодательством, Законом Республики Казахстан «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан», а также иными нормативными актами.

По своему содержанию и форме заключение эксперта отражает процессуальный статус проводимой экспертизы (первичная, дополнительная, повторная, комиссионная, комплексная), структурно представляется вводной, исследовательской, синтезирующей частями и выводами и сопровождается необходимыми текстовыми приложениями либо иллюстративным материалом в виде фототаблиц, ксерокопий, чертежей, таблиц, схем, графиков, иллюстрирующих ход исследования и полученные результаты.

Содержание заключения эксперта в соответствии со статьей 283 УПК РК включает в себя следующие положения.

1. После производства необходимых исследований с учетом их результатов эксперт (эксперты) от своего имени составляет заключение, удостоверяет его своей подписью и личной печатью, направляет лицу, назначившему экспертизу. В случае проведения экспертизы органом судебной экспертизы подпись эксперта (экспертов) заверяется печатью указанного органа.

2. В заключении эксперта должны быть указаны:

- дата его оформления, сроки и место производства экспертизы;
- основания производства судебной экспертизы; сведения об органе, назначившем экспертизу;
- сведения об органе судебной экспертизы и (или) эксперте (экспертах), которым поручено производство экспертизы (фамилия, имя, отчество (при его наличии), образование, экспертная специальность, стаж работы по специальности, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность);
- отметка, удостоверенная подписью эксперта (экспертов) о том, что он предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного

заключения; вопросы, поставленные перед судебным экспертом (экспертами); сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве экспертизы, и данных ими пояснениях;

- объекты исследования, их состояние, упаковка, скрепление печатью, заверение подписями понятых при их участии;
- содержание и результаты исследований с указанием использованных методик; оценка результатов проведенных исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным перед экспертом (экспертами) вопросам.

3. Заключение должно содержать обоснование невозможности ответить на все или некоторые из поставленных вопросов, если обстоятельства, указанные в статье 284 УПК РК, выявлены в ходе исследования. В соответствии с данной статьей, если эксперт до проведения исследования убеждается, что поставленные перед ним вопросы выходят за пределы его специальных научных знаний или представленные ему объекты исследования либо материалы непригодны или недостаточны для дачи заключения и не могут быть восполнены, либо состояние науки и судебно-экспертной практики не позволяет ответить на поставленные вопросы, он составляет сообщение о невозможности дать заключение и направляет его лицу, назначившему экспертизу.

4. Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта (фототаблицы, схемы, графики, таблицы и другие материалы), удостоверенные в порядке, предусмотренном частью первой настоящей статьи, прилагаются к заключению и являются его составной частью. К заключению также должны быть приложены оставшиеся после исследования объекты, в том числе образцы.

Вводная часть заключения эксперта отражает организационно-управленческий аспект проводимого экспертного исследования. Во вводной части заключения указываются:

- орган и лицо, назначившее экспертизу;
- основание для производства экспертизы (постановление или определение, когда оно вынесено, по какому делу);
- перечень объектов исследования (вещественные доказательства, сравнительные образцы, их состояние);
- способ доставки поступивших на исследование объектов;
- сведения о лицах, присутствующих при производстве экспертизы (фамилия, инициалы, процессуальное положение);
- вопросы, поставленные на разрешение эксперта;

При наличии нескольких вопросов эксперт, вправе сгруппировать их, изложить в той последовательности, которая обеспечивает наиболее целесообразный порядок проведения исследования, но без изменения их смыслового содержания. Если вопрос в постановлении или определении сформулирован не в соответствии с принятыми рекомендациями, но его смысл эксперту понятен, то после приведения вопроса в первоначальной

формулировке эксперт должен пояснить, как этот вопрос им понимается в соответствии с его специальными знаниями.

В примечаниях эксперт: поясняет обстоятельства, по которым указывает на невозможность ответа на вопрос, требующий правовой оценки фактов; после вопросов, указанных в постановлении (определении) о назначении экспертизы, по согласованию с органом (лицом), назначившим экспертизу, и в соответствии с требованием законодательства по своей инициативе ставит вопрос, результаты ответа на который будут способствовать установлению обстоятельств, существенных для дела;

- срок приостановки производства экспертизы по гражданскому делу в связи с ее оплатой;
- ходатайства эксперта о предоставлении дополнительных материалов с указанием даты их заявления и получения ответа, результата их рассмотрения;
- сведения об эксперте (экспертах): фамилия, имя, отчество, образование, ученая степень и звание, должность, экспертная специальность, стаж экспертной работы;
- информация о предупреждении эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения (при производстве специализированных исследований данный пункт отсутствует);

При производстве дополнительной, повторной, комиссионной, комплексной экспертизы во вводной части заключения эксперта, помимо сведений, указанных выше, особо отмечается вид экспертизы, сообщаются сведения о первичной экспертизе: номер и дата выпуска заключения, фамилия и инициалы эксперта, наименование экспертного учреждения, указываются фактические данные и выводы, установленные первичной экспертизой, а также основания назначения новой.

В исследовательской части заключения излагается весь процесс исследования и его результаты, дается научное обоснование установленным фактам и в частности указываются:

- обстоятельства дела, имеющие существенное значение для дачи заключения и принятые экспертом в качестве исходных данных;
- внешний осмотр: описание состояния объектов экспертного исследования, упаковка;
- цель, условия и результаты проведения экспертного осмотра, экспериментов и получения образцов для сравнительного исследования;
- описание использованных методов экспертного исследования, технические условия их применения, полученные результаты;
- ссылки на справочно-нормативные материалы, которыми эксперт руководствовался при разрешении поставленных вопросов, специальные литературные источники, использовавшиеся при проведении исследования, а также ссылки на иллюстрации, приложения и необходимые пояснения к ним;

- результаты следственных действий (допросов, осмотров, экспериментов), если они имеют значение, исходных данных при обосновании выводов;
- экспертная оценка отдельных этапов исследования и всех полученных результатов в целом в качестве оснований для формулирования соответствующих выводов по экспертизе.

Если на некоторые из поставленных вопросов не представилось возможным дать ответы, в исследовательской части указываются причины этого.

Исследовательская часть излагается в терминах и понятиях, не требующих дополнительного разъяснения и толкования, языком, понятным для лиц, не имеющих экспертных знаний. Примененная методика исследования описывается таким образом, чтобы можно было оценить полноту применения ее экспертом, а при необходимости проверки правильности выводов, все исследования можно было бы повторить.

Синтезирующая часть заключения отражает общий итог всего проведенного исследования и выделяется в отдельный раздел в случаях:

- исследования значительного количества объектов;
- исследования сложных объектов;
- использования комплекса методов;
- проведения комплексных и комиссионных повторных экспертиз.

В выводах заключения эксперта излагаются ответы на поставленные перед экспертом вопросы. Выводы излагаются в соответствии с нормами литературного языка, не допускающими различных толкований.

Заключение эксперта как процессуальный акт подписывается экспертом либо комиссией экспертов, проводивших экспертизу. Подписи удостоверяются печатью учреждения.

Экспертное заключение оглашается в суде и может иллюстрироваться путем применения современных средств воспроизведения аудио-, видеоинформации (кино-, видеозапись, фотоснимки, схемы, таблицы). После оглашения заключения суд и другие участники процесса могут задавать эксперту вопросы для уточнения и выяснения деталей заключения. При этом допрос эксперта по результатам исследования объектов и следующих из него выводов, требующих уточнения, разъяснения, дополнения, проводится только после дачи заключения и в пределах проводимого им исследования.

В уголовном судопроизводстве заключение эксперта приобретает особое значение в качестве одного из средств доказывания, вот почему следует обратить внимание на ряд положений, относящихся к его оценке как источника доказательственной информации.

Прежде всего необходимо учитывать следующую особенность его оценки: заключение эксперта как доказательство не является обязательным для субъектов доказывания, но несогласие с заключением должно быть ими мотивировано.

Несмотря на общие правила оценки заключения эксперта как доказательства она имеет и другую особенность, так как органу, ведущему

процесс, предстоит оценивать результаты исследования, имеющего в своей основе научное обоснование. В данной ситуации, в наиболее сложных случаях, требующих разъяснения, не исключено обращение к помощи специалиста или непосредственно судебного эксперта, прибегая к его допросу.

Оценка заключения эксперта в процессе расследования или судебного рассмотрения дела включает в себя определение его относимости, допустимости, достоверности и доказательственного значения.

Решение вопроса об **относимости заключения эксперта** к делу как доказательства особых затруднений на практике не вызывает, так как появлению этого документа в деле способствует определенная процедура, обусловленная необходимостью привлечения в процесс специальных научных знаний.

Оценка **допустимости заключения эксперта** предполагает проверку соблюдения требований закона при назначении и производстве судебной экспертизы.

Она включает в себя решение вопросов:

- о законности назначения и производства экспертизы с точки зрения установленных процедур;
- о соблюдении прав участников процесса при назначении и производстве экспертизы;
- о соблюдении процедуры постановки вопросов перед экспертом в судебном разбирательстве;
- о соответствии компетенции эксперта и отсутствии превышения ее пределов;
- о соответствии требованиям закона примененных экспертом приемов, методов и технических средств экспертного исследования;
- о правильности оформления заключения эксперта;
- о наличии всех реквизитов заключения эксперта и сопровождающих экспертизу документов и материалов;
- об отсутствии оснований для отвода эксперта.

Оценивая выводы эксперта, следователь и суд должны обратить внимание на то, какими материалами располагал эксперт, были ли они достоверными и относящимися к делу, насколько законно получены экспертом образцы для экспертного исследования, на достаточность представленного и использованного в производстве экспертизы исследовательского материала, т.е. объектов экспертного исследования. Недостаточное количество объектов – предпосылка совершения экспертных ошибок.

Таким образом, заключение эксперта прежде чем стать доказательством должно пройти сквозь призму внутреннего убеждения лица, производящего его оценку. Законодатель определяет, что доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться при доказывании любого обстоятельства, входящего в предмет доказывания. Это положение в полной мере относится и к заключению эксперта.

Строгое соблюдение рассмотренных выше требований закона - лишь одна из сторон формирования внутреннего убеждения следователя и суда при оценке заключения эксперта. Ее можно назвать **правовым** условием оценки.

Не меньшее значение имеют и такие условия (стороны) оценки заключения эксперта, как процессуально - организационная, фактическая, методическая, логическая, грамматическая и иллюстрационная, позволяющие следователю и суду в полной мере уяснить сущность стоявших перед экспертом задач, характер примененных для их решения специальных знаний, способы реализации специальных знаний и другие вопросы, дающие ответ на вопрос о достоверности, обоснованности и допустимости заключения эксперта как доказательства.

Так, к процессуально - организационным условиям производства судебной экспертизы относятся следующие элементы, которые находят отражение в заключении и подлежат оценке.

- **Время проведения экспертизы.**

Оценка данного элемента имеет важное значение для уяснения вопроса о сроках производства экспертизы, отсутствии при этом нарушений.

- **Место проведения экспертизы.**

Закон предусматривает возможность проведения экспертизы, как в экспертных учреждениях, так и вне органа судебной экспертизы. Данное обстоятельство подлежит учету при оценке заключения эксперта, поскольку закон однозначно требует обязательного осуществления ознакомления с правами, обязанностями и ответственностью эксперта при вручении ему постановления о назначении экспертизы в случае ее производства вне органа судебной экспертизы.

- **Сведения об эксперте** – (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы по специальности, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность).

Ознакомление с названным элементом предполагает прежде всего оценку компетентности эксперта, то есть наличие у него специальных научных знаний. Данный вопрос возникает уже при назначении экспертизы, однако это не освобождает следователя и суд от обязанности вернуться к его анализу при получении заключения эксперта. Оценка научной компетенции эксперта не сводится только к изучению его анкетных данных, а предполагает глубокое изучение обстоятельств, установленных экспертизой, обоснованности примененных экспертом методов исследования и полученных результатов, позволяющим в итоге судить об уровне его профессионализма.

- **Основания производства экспертизы.**

Данный элемент подразумевает оценку следователем и судом наличия оснований для производства экспертизы, которые условно подразделяются на юридические и фактические. Что касается процессуальных оснований, то таковым является постановление (определение) о назначении экспертизы. Содержание данного документа должно найти отражение в заключении эксперта – от указания лица, назначившего экспертизу, до выносимых на ее разрешение вопросов и представляемых материалов.

Фактическим основанием назначения экспертизы является потребность решения экспертом вопросов, возникающих перед следствием и судом, требующих привлечения специальных научных знаний.

- **Разъяснение прав и обязанностей, удостоверенных подписью эксперта;** отметка, удостоверенная подписью эксперта о том, что он предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения; а также подпись эксперта являются обязательными структурными компонентами заключения эксперта как доказательства и подлежат обязательной проверке следователем и судом на предмет их наличия в оцениваемом документе.

- **Вопросы, поставленные перед экспертом.**

Ознакомление с данной составляющей позволяет следователю и суду выяснить в процессе проводимой оценки, указал ли эксперт в заключении все поставленные вопросы, правильно ли он их понял, даны ли на них ответы, не вышел ли он за пределы своей компетенции, не содержатся ли в заключении положения, указывающие на решение экспертом вопросов, не входящих в его полномочия и т.п. В этой связи, нельзя не обратить внимание на то, что в обобщении судебной практики, проведенном Верховным Судом Республики Казахстан, приводятся многочисленные примеры, свидетельствующие о встречающихся недостатках при постановке вопросов на экспертизу, явившихся результатом отсутствия на практике должной оценки заключения эксперта²⁸¹.

- **Кто присутствовал при производстве экспертизы и какие давал пояснения.**

Оценка данного условия связана с решением вопроса об обоснованности приглашения лица на экспертизу, характере его участия в экспертном исследовании, сущности даваемых лицом показаний и их интерпретации экспертом.

Таким образом, оценка следователем, судом процессуально - организационной составляющей заключения эксперта является важным элементом, обуславливающим на практике проверку реализации принципа законности судебно-экспертной деятельности.

Не меньшее значение при оценке заключения эксперта имеет и оценка соблюдения принципа всесторонности, полноты и объективности в процессе производства экспертизы.

Следователем и судом эта оценка может быть дана при анализе **фактической** и **методической** сторон экспертного исследования, которые включают в себя ответы на такие вопросы, как:

- какие задачи решались экспертом;
- какие материалы уголовного дела эксперт использовал;
- какие объекты были подвергнуты исследованию;
- какие исследования произведены и на основе каких знаний;

²⁸¹ Обобщение судебной практики по оценке экспертных заключений и по производству экспертизы в судах / Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан. - Алматы, 2004, №8. С.37-38.

- обоснованы ли ответы на поставленные вопросы;
- обоснование невозможности ответить на все или некоторые из поставленных вопросов;
- обоснованы ли примененные методы исследования и какова степень их надежности.

Решение каждой из приведенных подзадач отражает стадии экспертного исследования и должно последовательно фиксироваться в структуре заключения эксперта, состоящей, как было отмечено, из вводной, исследовательской и заключительной частей²⁸².

Так, в **вводной части** заключения эксперта следователю и суду необходимо обращать внимание на полноту и доброкачественность представленных на экспертизу материалов. Под доброкачественностью исходных материалов понимается их подлинность, обеспечиваемая соблюдением требований закона о правилах изъятия объектов и получения образцов для экспертного исследования.

В **исследовательской части** заключения эксперта подробно описываются ход и промежуточные результаты экспертного исследования. Задача следователя и суда заключается в проверке достоверности и обоснованности выводов, к которым пришел эксперт, на основе анализа полноты проведенного экспертом исследования.

Полнота экспертного исследования находится в непосредственной зависимости от охвата исследованием всего присланного на экспертизу материала и подразумевает полноту ответов на поставленные перед экспертизой вопросы. Не в меньшей степени полнота исследования эксперта зависит от использования разнообразных, дополняющих друг друга методов исследования.

Проверка научной обоснованности и надежности примененных экспертом методик – важная составляющая методической стороны оценки, проводимой следователем и судом. Методики должны быть научно разработанными, официально апробированы и утверждены. Эксперт может полно провести исследование и установить достаточные для правильного вывода факты, но они могут быть неверно объяснены им, и, следовательно, его заключение, несмотря на кажущуюся убедительность, будет необоснованным.

При проверке фактической и методической стороны исследовательской части заключения эксперта следователь и суд должны более подробно выяснить:

- какие признаки объектов выявил эксперт и на основании каких примененных методов;
- соответствует ли их описание в заключении;

²⁸² Подробно о содержании каждой из частей заключения эксперта см.: Инструкция по организации производства судебных экспертиз в центре судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан. Утверждена приказом и.о. министра юстиции Республики Казахстан от 24 мая 2011 года № 193// <http://www.sudexpert.adilet.gov.kz/ru>

- правильно ли избрана методика экспертного исследования;
- полно ли она описана в заключении. Следует обратить внимание на то, приводят ли эксперты перечень использованной научной и методической литературы, в которой описаны методы и методики;
- обеспечивает ли примененная методика решение поставленных задач;
- описаны ли применявшиеся приемы и технические средства и если да, то насколько полно и достаточно для их объективной оценки;
- соответствуют ли проведенные исследования уровню развития специальных знаний, возможностям данного вида экспертизы.

Оценка результатов исследования, формулирования выводов и их обоснование может быть произведена при ознакомлении с **заключительной частью** заключения эксперта. Эта оценка дается следователем или судом на основе анализа конкретных данных, которыми оперировал эксперт, приходя к тому или иному выводу.

Для правильной оценки обоснованности выводов необходимо проверить насколько достоверно вытекают промежуточные выводы из отдельных этапов исследования, соответствуют ли основные выводы эксперта промежуточным, а также ходу всего проведенного исследования.

Во многом этому способствует не только оценка хода экспертного исследования, но анализ прилагаемого к нему иллюстративного материала.

Иллюстрационная сторона оценки требует проверки следователем (судом) приложений заключению эксперта, к которым относятся оставшиеся после исследования объекты, в том числе образцы, а также фототаблицы, схемы, графики и другие материалы, подтверждающие выводы эксперта.

Таким образом, предусмотренная законодателем структура заключения эксперта позволяет следователю и суду последовательно и системно проанализировать и оценить вводную, исследовательскую и заключительную части экспертного исследования, характеризующие его результаты, отраженные в итоговом документе, как доказательство. В случаях же возникновения сложностей при оценке заключения эксперта, последний, как уже ранее указывалось, может быть вызван на допрос для разъяснения результатов проведенного исследования. Не исключает законодатель в данном случае и возможность приглашения специалиста.

Использованные источники

1. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1971. № 1.
2. О мерах по дальнейшему реформированию системы правоохранительных органов Республики Казахстан: Указ Президента РК от 22 апреля 1997 г. // Казахстанская правда. 1997. 23 апр.
3. Обобщение судебной практики по оценке экспертных заключений и по производству экспертизы в судах / Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан. - Алматы, 2004, №8. // <http://sud.gov.kz/rus/legislation/CAT01/79695/2004>.
4. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 18 июня 2004 года № 15 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного суда Казахской ССР №14 от 22 декабря 1989 года «Об экспертизе по гражданским делам»// <http://sud.gov.kz/rus/legislation/CAT01/79695/2004>.
5. Правила разработки, апробирования и внедрения методик судебно-экспертных исследований. Утверждены приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 20 апреля 2010 года № 124. // <http://www.sudexpert.adilet.gov.kz/ru>
6. Инструкция по организации производства судебных экспертиз в центре судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан. Утверждена приказом и.о. министра юстиции Республики Казахстан от 24 мая 2011 года № 193// <http://www.sudexpert.adilet.gov.kz/ru>
7. Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 года № 380-IV «О правоохранительной службе» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.12.2014 г.) // Параграф [www. http://online.zakon.kz](http://online.zakon.kz).
8. Закон Республики Казахстан от 13 февраля 2012 года № 552-IV «О специальных государственных органах Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.01.2015 г.) // ИС Параграф [www. http://online.zakon.kz](http://online.zakon.kz).
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.11.2014 г.). // ИС Параграф [www. http://online.zakon.kz](http://online.zakon.kz).
10. Закон Республики Казахстан «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.12.2014 г.) // ИС Параграф [www. http://online.zakon.kz](http://online.zakon.kz).
11. Правила формирования и использования Государственного реестра судебных экспертов Республики Казахстан. Утверждены приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 26 января 2015 года № 51// <http://www.sudexpert.adilet.gov.kz/ru>
12. Судебная экспертиза: Сб. законодательных актов. Алматы: Юрист, 2012.
13. *Аверьянова Т. В.* Содержание и характеристика методов судебно-экспертных исследований. Алма-Ата, 1991.
14. *Аверьянова Т. В., Россинская Е. Р.* Энциклопедия судебной экспертизы М.: Юристъ, 1999.
15. *Аверьянова Т.В.* Субъекты экспертной деятельности. Журн. «Вестник криминалистики». Вып. 2. М.: «Спарк». 2001.
16. *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории. - М.: Норма, 2009.

17. *Алиев А. И.* Проблемы экспертной профилактики. Баку, 1991.
18. *Алиев И. А.* Проблемы судебно-экспертной профилактики: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1989.
19. *Алиев И. А.* Проблемы судебно-экспертной профилактики: Дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1989.
20. *Алиев И. А.* Процессуальные и организационные вопросы проведения комплексных исследований // Пробл. орг. и проведения комплекс. эксперт. исслед.: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. 1989.
21. *Алиев И. А., Аверьянова Т. В.* Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы. Баку, 1991.
22. *Андреев И. Д.* Теория как форма организации научного знания. М., 1979.
23. *Ароцкер Л. Е.* О “синтетической” форме производства судебных экспертиз // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1980. Вып. 20.
24. *Ароцкер Л. Е.* Организационные и процессуальные вопросы использования электронно-вычислительных машин в экспертной практике // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: РИО МВД УССР, 1969. Вып. 6.
25. *Арсеньев В. Д.* Вопросы экспертной идентификации в судебном доказывании / Тр. ВНИИСЭ. М., 1974. Вып. 8.
26. *Арсеньев В. Д.* Соотношение понятий предмета и объекта судебной экспертизы // Пробл. теории судебной экспертизы. М., 1980. С. 12, 14 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 44).
27. *Арсеньев В. Д.* Соотношение понятий предмета и объекта судебной экспертизы // Пробл. теории судебной экспертизы. М., 1980. С. 9–10 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 44).
28. *Арсеньев В. Д.* Процессуальные проблемы комплексной судебной экспертизы // Теорет. вопр. судебной экспертизы. М., 1981. С. 72 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 48).
29. *Арсеньев В. Д.* О процессуальной природе производства исследований с применением ЭВМ и процессуальном положении участвующих в них лиц // Тез. докл. и сообщ. на Всесоюз. науч.-практ. конф.: “Проблемы информационного и математического обеспечения экспертных исследований в целях решения задач судебной экспертизы”. М.: ВНИИСЭ, 1983.
30. *Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. Г.* Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986.
31. *Арсеньев В. Д., Орлов Ю. К.* Проблемы правового регулирования экспертизы в уголовно-процессуальном и гражданско-процессуальном законодательстве союзных республик // Тр. ВНИИСЭ. М., 1973. Вып. 5.
32. *Аубакиров А. Ф.* Теория и практика моделирования в криминалистической экспертизе: Дис. ... д-ра юрид. наук. Алма-Ата, 1986.
33. *Аубакиров А. Ф., Ким Э. П.* Криминалистическая экспертиза материалов и веществ: Учеб. пособие. Алматы: ВШП “Адилет”, 2001.
34. *Баженов Л. Б.* Строение и функции естественнонаучной теории. Синтез современного научного знания. М., 1973.
35. *Бахин В. П.* Следственная практика: проблемы изучения и совершенствования. Киев, 1991.
36. *Бахин В. П., Ищенко А. В.* Наукометрические исследования проблем судебной экспертизы // Общетеорет., правовые и организационные основы судебной экспертизы. М., 1987. С. 123–129 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).
37. *Безлепкин Б. Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: ООО “ВИТРЭМ”, 2002.
38. *Белкин Р. С.* Понятие методологии советской криминалистики в свете ленинской теории отражения // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: РИО МВД УССР, 1969. Вып. 6.

39. *Белкин Р. С.* Общая теория криминалистики. Саратов, 1986.
40. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М.: Юрид. лит., 1988.
41. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма, 2001.
42. *Белкин Р. С.* Криминалистическая энциклопедия. М.: Изд-во БЕК, 1997.
43. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: В 3-х т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997.
44. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: В 3-х т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997.
45. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: В 3-х т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы, рекомендации. М.: Юристъ, 1997.
46. *Белкин Р. С., Лившиц Е. М.* Правовое регулирование математических методов и ЭВМ в судебной экспертизе // Пробл. автоматизации, создания информ.-поисковых систем и применения мат. методов в судебной экспертизе. С. 95–102 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ). М., 1987.
47. *Бешелев С. Д., Гурвич Ф. Г.* Экспертные оценки. М.: Наука, 1973.
48. *Бишманов Б.М.* Правовые, организационные и научно-методические основы экспертно-криминалистической деятельности в органах внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2004.
49. *Борчашвили И.Ш.* Перспективы развития судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан // Материалы Международной научно-практической конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы» (г. Алматы, 6 ноября 2014 г.)
50. *Бычкова С. Ф.* Становление и тенденции развития науки о судебной экспертизе. Алматы, 1994.
51. *Бычкова С. Ф.* Судебная экспертиза: научные, организационно-правовые и методические основы: Учеб. пособие. Алматы: Жеті жарғы, 2002.
52. *Вандер М. Б.* Понятие и значение микрочастиц в криминалистике // Правоведение. 1978. № 9.
53. *Васильев А. Н.* Вопросы теоретических основ криминалистики, ее предмета и системы // Предмет, система и теорет. основы криминалистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
54. *Васильев А. Н.* Советская криминалистика. М.: Юрид. лит., 1970.
55. *Винберг А. И.* Насущные вопросы теории и практики судебной экспертизы // Сов. государство и право. 1961. № 6.
56. *Винберг А. И.* Специалист в процессе предварительного следствия // Соц. законность. 1961. № 9.
57. *Винберг А. И.* К вопросу о методе системного (структурного) анализа при определении предмета криминалистики и соотношения ее разделов // Вопр. теории криминалистики и судебной экспертизы: Материалы науч. конф., декабрь 1969 г. М., 1969. С. 15–20 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).
58. *Винберг А. И., Малаховская Н. Т.* Судебная экспертология – новая отрасль науки // Соц. законность. 1973. № 11.
59. *Винберг А. И., Малаховская Н. Т.* Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград: ВШ МВД СССР, 1979.
60. *Винберг А. И.* Роль учения Е. Ф. Буринского в формировании отечественной криминалистики. Волгоград: ВШ МВД СССР, 1981.
61. *Винберг А. И., Мирский Д. Я., Ростов М. Н.* К проблеме объектов судебной экспертизы // Общетеорет. вопр. судебной экспертизы. М.: ВНИИСЭ, 1982.

62. *Винберг А. И., Мирский Д. Я., Ростов М. Н.* Гносеологический, информационный и процессуальный аспекты учения об объекте судебной экспертизы // *Вопр. теории и практики судебной экспертизы.* М., 1983.
63. *Винберг А.И., Шляхов А.Р.* Общая характеристика методов экспертного исследования // *Общее учение о методах судебной экспертизы.* М., 1977.
64. *Виницкий Л. В.* Актуальные вопросы уголовно-процессуального регулирования судебной экспертизы // *Общетеорет., правовые и организационные основы судебной экспертизы.* М., 1987.
65. *Ворожцов В. П., Москаленко А. Т., Шубина М. П.* Гносеологическая природа и методологическая функция научной теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.
66. *Выдря М. М., Любарский М. Н.* Место криминалистики в системе юридических наук // *Вопр. сов. криминалистики (Реф. Всесоюз. совещ. по криминалистике).* Алма-Ата: Изд-во Казах. ун-та, 1959.
67. *Галкин В. М.* Средства доказывания в уголовном процессе. М., 1968. Ч. 2.
68. *Гвишиани Д. М.* Диалектико-методологический фундамент системных исследований // *Диалектика и системный анализ.* М.: Наука, 1986.
69. *Гиляревский С. А., Тарасов К. Е.* Диалектический материализм и медицинская диагностика. М.: Медицина, 1979.
70. *Глазовский Н. Ф.* Проблемы эколого-географической экспертизы // *Новое мышление в географии.* М., 1991.
71. *Гончаренко В. И.* Криминалистика и криминалистическая экспертиза // *Общетеорет., правовые и организационные основы судебной экспертизы.* М., 1967. С. 142–148 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).
72. *Гончаренко В. И.* Процессуальные и общеметодические вопросы использования кибернетики в судебных экспертизах // *Криминалистика и судебная экспертиза.* Киев: Вища шк., 1984. Вып. 29.
73. *Гордон Б. Е.* К вопросу о системе судебной экспертологии // *Криминалистика и судебная экспертиза.* Киев, 1985. Вып. 31.
74. *Грамович Г. И.* Вопросы применения НТС при расследовании преступлений. Минск, 1970.
75. *Грановский Г. Л.* Криминалистическая ситуационная экспертиза места происшествия // *Реф. науч. сообщ. на теорет. семинаре – криминалистических чтениях (21 апреля 1977 г.).*
76. *Грановский Г. Л.* Ситуалогические исследования места происшествия // *Программированные методики трасологических исслед.* М., 1979. С. 115 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 37).
77. *Грановский Г. Л.* Алгоритмические и эвристические методы решения экспертных задач // *Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР.* М., 1980. (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 42).
78. *Грановский Г. Л.* О понятиях и основах классификации задач комплексной экспертизы // *Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР.* М., 1980. (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 42).
79. *Грановский Г. Л.* Экспертные задачи: понятие, структура, стратегия решения // *Теорет. и метод. вопр. судебной экспертизы.* М., 1985. С. 57 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).
80. *Гуманитарная экспертиза: Возможности и перспективы.* Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992.
81. *Джангельдин Н. А.* Место криминалистической экспертизы в системе курса криминалистики // *Вопр. сов. криминалистики (Реф. Всесоюз. совещ. по криминалистике).* Алма-Ата: Изд-во Казах. ун-та, 1959.
82. *Дидковская С. П., Клименко Н. И., Лисиченко В. К.* Подготовка и проведение отдельных видов судебной экспертизы. Киев: Вища шк., 1977.

83. Дулов А. В. Разграничение пределов использования криминалистической техники следователем и экспертом // *Вопр. судебной экспертизы*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960.
84. Дулов А. В. Разграничение пределов использования криминалистической техники следователем и экспертом // *Вопр. судебной экспертизы*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960.
85. Дулов А. В. *Права и обязанности участников судебной экспертизы*. Минск, 1962.
86. Жгенти О. В. Классификация судебных экспертиз, ее роль и значение // *Общетеорет. вопр. судебной экспертизы*. М., 1982. С. 15 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).
87. Жгенти О. В. Правомочия ведущего эксперта при производстве комплексной экспертизы // *Пробл. орг. и проведения комплекс. эксперт. исслед.*: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1985.
88. Зорин Г. А. *Криминалистическая методология*. Минск, 2000.
89. Зуев Е. И. *Непроцессуальная помощь сотрудника криминалистического подразделения следователю*. М., 1975.
90. Исаев А. А. *Теоретические и правовые проблемы применения специальных познаний для квалификации преступлений*. Алматы: Жеті жарғы, 1999.
91. Исаев А. А. Роль научных исследований в судебной экспертизе и проблемы организации судебно-экспертной деятельности в Казахстане // *Право и государство*, № 1 (70), 2016.
92. Ищенко П. П. *Специалист в следственных действиях (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты)*. М., 1990.
93. Кедров Б. М. *Предмет и взаимосвязь естественных наук*. М., 1967.
94. Кентлер Р. А. *О сущности идентификации вообще и юридической в особенности* // *Вопр. криминалистики и судебной экспертизы*. Душанбе: НИИСЭ, 1962.
95. Ким О. Д. *Проблемы и пути совершенствования расследования дорожно-транспортных происшествий на основе научных знаний*: Дис. ... д-ра юрид. наук. Бишкек, 1998.
96. Кирсанов З. М. *Криминалистическое распознавание и диагностика* // *Современные пробл. судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений*: Тез. респ. конф. Киев, 1983.
97. *Классификация судебных экспертиз и типизация их задач*: Материалы к ученому совету / Под ред. А. Р. Шляхова. М.: ВНИИСЭ, 1977.
98. *Классифицирование* // *Большая сов. энцикл.* 3-е изд. М., 1973.
99. Клименко Н. И. *Использование экспертом исходных данных для производства экспертизы* // *Криминалистика и судебная экспертиза*. Киев: Вища шк., 1982. Вып. 25..
100. Колдин В. Я. *Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
101. Комаринец Б. М. *Участие экспертов-криминалистов в проведении следственных действий по особо опасным преступлениям против личности* // *Теория и практика судебной экспертизы*. М.: Юрид. лит., 1964.
102. Копнин П. В. *Диалектика, логика, наука*. М.: Наука, 1973.
103. Копнин П. В. *Логика научного исследования*. М.: Наука, 1965.
104. Корноухов В. Е. *Правовое регулирование комплексных экспертных исследований* // *Общетеорет. вопр. судебных экспертиз*. М., 1992. С. 43 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).
105. Корухов Ю. Г. *Экспертные и неэкспертные трасологические исследования в уголовном процессе* // *Пробл. трасол. исслед.* М., 1978. С. 5–6 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 35).
106. Корухов Ю. Г. *Соотношение категорий экспертных задач: идентификационных, классификационных, диагностических* // *Актуал. пробл. теории судебной экспертизы*. М., 1984. С. 99 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).

107. *Корухов Ю. Г.* Теоретический, методический и процессуальный аспекты комплексных экспертиз и комплексных исследований // Пробл. орг. и проведения комплекс. эксперт. исслед.: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1985.
108. *Корухов Ю. Г.* Формирование общей теории судебной экспертизы: Материал для ученого совета ВНИИСЭ. М., 1990.
109. *Корухов Ю. Г.* Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: Науч.-практ. пособие. М.: Норма-Инфра, 1998.
110. *Котарбинский Т.* Трактат о хорошей работе. М., 1975.
111. *Кубицкий Ю. М.* Пограничные вопросы судебной медицины и криминалистической экспертизы // Вопр. криминалистики и судебной экспертизы. Алма-Ата, 1959.
112. *Кузнецов И. В.* Избранные труды по методологии физики. М., 1975.
113. *Кузнецов О.Г.* Предмет, объект и задача судебной экспертизы // Вестник КРСУ. Т.8. № 3. Бишкек. 2008.
114. *Лекторский В. А., Швырев В. С.* Методологический анализ науки: Типы и уровни // Философия. Методология. Наука. М., 1972.
115. *Лисиченко В. К.* К вопросу о предмете и системе криминалистической экспертизы // Материалы 4-й расш. конф. судебных медиков и криминалистов. Киев, 1959.
116. *Лисиченко В. К.* Значение и место методов естественных и технических наук в криминалистической экспертизе // Вопр. судебной экспертизы и криминалистики. Алма-Ата, 1959.
117. *Лисиченко В. К.* Криминалистическое исследование документов. Киев: Вища шк., 1971.
118. *Лисиченко В. К.* Использование данных естественных и технических наук в следственной и судебной практике. Киев, 1979.
119. *Лисиченко В. К., Циркаль В. В.* Использование специальных знаний в следственной и судебной практике: Учеб. пособие. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1987.
120. *Малаховская Н. Т.* Понятие экспертных задач и возможность построения их иерархической системы (применительно к дактилоскопической экспертизе) // Теорет. и метод. вопр. судебной экспертизы. М., 1985. С. 84 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).
121. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные письма. М., 1947.
122. *Мельникова Э. Б.* Компетенция криминалистической экспертизы и оценка заключения // Вопр. криминалистики. М., 1963. Вып. 3.
123. *Мельникова Э. Б.* Участие специалистов в следственных действиях. М., 1964.
124. *Мирский Д. Я.* Предмет и система фототехнической экспертизы // Теорет. вопр. судебной экспертизы. М., 1981. С. 57 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 48).
125. *Мирский Э. М.* Системные исследования. М., 1972.
126. *Мирский Э. М.* Методика // Новая филос. энцикл.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001.
127. *Митричев В. С.* Вопросы теории судебной идентификации // Тр. ЦНИИСЭ. М., 1970. Вып. 2.
128. *Митричев В. С.* К вопросу об установлении источника происхождения вещественных доказательств с помощью криминалистической экспертизы // Сов. криминалистика на службе следствия. М., 1961. Вып. 16.
129. *Митричев В. С.* Установление источника происхождения, принадлежащего единому целому предметов при расследовании преступлений // Теория и практика судебной экспертизы. Вып. 2. М., 1969.
130. *Митричев В. С.* Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий – новая отрасль криминалистической техники // Тр. ВНИИСЭ. М., 1973.
131. *Митричев В. С.* Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий. Саратов, 1980.
132. *Митричев В. С.* Судебная экспертиза и смежные отрасли знаний. Проблемы общей и судебной экспертологии в связи с судебно-экспертной деятельностью // Экспертные

- задачи и пути их решения в свете НТР. М., 1980. С. 93–99 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 42).
134. *Митричев С. П.* Советская криминалистика и ее место в системе юридического образования // Тез. докл. на Всесоюз. семинаре преп. криминалистики высш. юрид. учеб. заведений. М., 1958.
 135. *Москаленко А. Т., Погорадзе А. А., Чечулин А. А.* и др. Методология в сфере теории и практики. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988.
 136. *Надгорный Г. М.* Гносеологические аспекты понятия “специальные знания” // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1980. Вып. 21.
 137. *Надгорный Г. М.* Уголовно-процессуальное законодательство о судебной экспертизе и понятие специальных знаний // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1981. Вып. 22.
 138. *Надгорный Г. М.* К вопросу о понятии судебно-экспертной отрасли знаний // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1982. Вып. 25.
 139. *Надгорный Г. М.* Понятие судебной экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1984. Вып. 29.
 140. *Надгорный Г. М.* О понятии предмета судебной экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1989. Вып. 38.
 141. *Общетеоретические, правовые и организационные основы судебной экспертизы.* М., 1987 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).
 142. *Объект* // Слов. основ. терминов судебных экспертиз. М., 1980.
 143. *Овчинников Н. Ф.* Особенности развития и тенденции к единству научного знания // Пробл. истории и методол. науч. познания. М.: Наука, 1974.
 144. *Орлов Ю. К.* Объект экспертного исследования // Тр. ВНИИСЭ. М., 1974.
 145. *Орлов Ю. К.* Спорные вопросы теории идентификации // Пробл. теории судебной экспертизы. М., 1980. С. 42–58 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 44).
 146. *Орлов Ю. К.* Производство экспертизы в уголовном процессе. М.: ВЮЗИ, 1982.
 147. *Орлов Ю. К., Шляхов А. Р.* Судебная экспертиза: организация и проведение // Соц. законность. 1980. № 7.
 148. *Орлова В. Ф., Шляхов А. Р.* Принципы классификации задач криминалистической экспертизы // Актуал. пробл. теории судебной экспертизы. М., 1984. С. 55 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).
 149. *Основы естественнонаучных знаний для юристов: Учебник для вузов / Под ред. Е.Р. Россинской.* М.: Норма, 1999.
 150. *Палиашвили А. Я.* Экспертиза в суде по уголовным делам. М., 1973.
 151. *Палиашвили А. Я.* Процессуальная сущность комплексной экспертизы // Пробл. орг. и проведения комплекс. эксперт. исслед.: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1985.
 152. *Палий В. М.* Классификация экспертных задач в свете теории распознавания образов // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1988. Вып. 37.
 153. *Петрухин И. Л.* Комплексная экспертиза в советском уголовном процессе // Правоведение. 1962. № 1.
 154. *Петрухин И. Л.* Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964.
 155. *Позаченюк Е. А.* Экспертология // Учен. зап. Саратов. гос. ун-та, 1997. Вып. 6.
 156. *Предмет познания* // Филос. слов. 4-е изд. М.: Политиздат, 1980.
 157. *Ракитов А. И.* Философские проблемы науки: системный подход. М., 1977.
 158. *Рахунов Р. Д.* Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1953.
 159. *Розенталь М. М.* Ленин и диалектика. М., 1963.
 160. *Романов Н. С.* Диагностика как метод и задача судебно-экспертного исследования // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1985. Вып. 31.

161. *Россинская Е.Р.* Современная концепция судебной экспертологии как науки о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности. - Кұқық және мемлекет, № 2 (63), Астана 2014.
162. *Ростов М. Н.* О комплексных экспертных исследованиях и их организационно-процессуальных формах // Организационно-правовые пробл. судебных экспертиз. М., 1982. С. 24 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).
163. *Ростов М. Н.* Комплексная экспертиза как разновидность комиссионной экспертизы // Общетеорет., процессуальные и организационные основы судебных экспертиз. М., 1987. С. 54 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ).
164. *Ростов М. Н.* Некоторые аспекты обоснований объективной необходимости “эксперта-интегратора” // Актуал. пробл. теории и практики судебной экспертизы. М., 1989.
165. *Рудиченко А. И.* Классификация и структура диагностических экспертных задач судебной экспертизы // Теорет. вопр. судебной экспертизы. М., 1981. С. 100 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 48).
166. *Рузавин Г. И.* Научная теория: логико-методологический анализ. М., 1978.
167. С трибуны читательской конференции // Теорет. вопр. судебной экспертизы. М., 1981. С. 177–181 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 48).
168. *Салтевский М. В.* Объекты идентификации и установление групповой принадлежности. Киев: РИО МВД УССР, 1965. Вып. 2.
169. *Сахнова Т.В.* Судебная экспертиза. М.: Городец. 1999.
170. *Сахнова Т. В.* Судебная экспертиза. М., 2000.
171. *Сегай М. Я.* Некоторые вопросы судебной экспертизы вещественных доказательств // Теорет. и процессуальные вопр. судебной экспертизы. М., 1961. Вып. 1.
172. *Сегай М. Я., Стринжа В. К.* О структуре экспертного познания // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1985. Вып. 31.
173. *Сегай М. Я., Стринжа В. К.* Типология экспертных задач: методологические аспекты // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1988. Вып. 37.
174. *Седова Т. А.* Проблемы методологии и практики нетрадиционной криминалистической идентификации. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
175. *Селиванов Н. А.* Спорные вопросы судебной экспертизы // Соц. законность. 1978. № 6.
176. *Селиванов Н. А.* Нужна ли криминалистике такая “диагностика”? // Соц. законность. 1988. № 6.
177. *Снетков В. А.* Экспертная криминалистическая диагностика // Диагностика при производстве криминалистических экспертиз. М.: ВНИИ МВД СССР, 1984. Сов. энцикл. сл. 4-е изд., испр. и доп. М., 1990.
178. *Соколовский З. М.* О так называемых комплексных исследованиях в судебном доказывании и криминалистической экспертизе: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1972. Ч. 1.
179. Специалист // Большая сов. энцикл. М., 1976.
180. Специалист // Криминалистическая энцикл. Алматы: Казахстан, 1995.
181. *Степуненкова В. К.* Предмет судебной экспертизы и экспертное исследование обстоятельств, образующих основание уголовной ответственности // Актуальные теорет. и общеметод. пробл. судебной экспертизы. М., 1975. С. 35–65 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 16).
182. *Степуненкова В. К.* Судебная экспертиза и исследование обстоятельств, образующих состав преступления // Теорет. вопр. судебной экспертизы. М., 1975. С. 251 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 20).
183. *Стефанов Н.* Общественные науки и социальная технология. М., 1976.
184. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки уголовного процесса. М., 1968.
185. *Терзиев Н. В.* Лекции по криминалистике. М.: ВЮЗИ, 1951.

186. *Тюхтин В. С.* Гносеология, теория отражения и методология научного исследования в системе материалистической диалектики // Диалектика. Познание. Наука. М.: Наука, 1988.
187. *Урсул А. Д.* Философия и интегративно-общенаучные процессы. М., 1981.
188. *Чавчанидзе М. П.* Комплексная экспертиза как одна из форм комиссионной экспертизы // Пробл. организации и проведения комплекс. эксперт. исслед.: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1985.
189. *Шакиров К.Н., Тапалова Р.Б., Мергембаева Н.Б.* Қазақстан Республикасындағы сот сараптамасы: ұйымдастырылуы және өндірісі. Оқу-әдістемелік құрал: - Алматы: эл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2014 ж. – 269 б.
190. *Шакиров К.Н., Тапалова Р.Б.* Судебная экспертиза в Республике Казахстан: организация и производство. Учебно-методическое пособие. – Алматы: Казак университеті, 2012. – 260 с.
191. *Шакиров К. Н.* Теоретические вопросы и возможности автоматизированного решения задач криминалистической экспертизы: Дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1990.
192. *Шакиров К.Н.* Судебная экспертиза: проблемы теории и практики. - Алматы: Изд-во Аркаим. 2002. 288 с.
193. *Швырев В. С.* Научное познание как деятельность. М.: Политиздат, 1984.
194. *Швырев В. С.* Метод // Новая филос. энцикл.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001.
195. *Шиканов В. И.* Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978.
196. *Шиманова З. Е.* Пожарно-техническая экспертиза. М., 1963.
197. *Шляхов А. Р.* Предмет, метод и система советской науки криминалистической экспертизы // Вопр. криминалистики и судебной экспертизы. Алма-Ата: Изд-во Казах. ун-та, 1959. *Шляхов А. Р.* О предмете судебной экспертизы // Вопр. судебной экспертизы. Тбилиси, 1962.
198. *Шляхов А. Р.* Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР // Теория и практика криминалистической экспертизы. М., 1962. Вып. 9.
199. *Шляхов А. Р.* Организация производства новых видов судебных экспертиз // Вопр. криминалистики и судебной экспертизы. Душанбе, 1963. Вып. 3.
200. *Шляхов А. Р.* Предмет некоторых видов судебной экспертизы // Вопросы криминалистики. М.: Госюриздат, 1963. № 8–9.
201. *Шляхов А. Р.* Предмет, метод и система советской науки криминалистической экспертизы // Вопр. криминалистики и судебной экспертизы. Алма-Ата: Изд-во Казах. ун-та, 1959. *Шляхов А. Р.* Предмет и система криминалистической экспертизы // Вопр. криминалистической экспертизы и правовой кибернетики. М., 1971. С. 11–38 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 3).
202. *Шляхов А. Р.* Пути совершенствования судебной экспертизы // Пробл. совершенствования следственных действий и оперативно-розыск. мероприятий в аспекте ликвидации преступности в СССР: Материалы Всесоюз. конф. криминалистов и судебных психологов. Алма-Ата: Изд-во Казах. ун-та, 1974.
203. *Шляхов А. Р.* Классификация судебных экспертиз и типизация их задач: Материалы к ученому совету. М.: ВНИИСЭ, 1977.
204. *Шляхов А. Р.* Классификация судебной экспертизы // Общее учение о методах судебной экспертизы. М., 1977. С. 9–53 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 28).
205. *Шляхов А. Р.* Судебная экспертиза. Организация и проведение. М.: Юрид. лит., 1979. *Шляхов А. Р.* Понятие задач судебной экспертизы. Соотношение задач, предмета и объекта экспертизы // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР. М., 1980. С. 3–26 (Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ; Вып. 42).
206. *Шляхов А. Р.* Теория и практика комплексных исследований в судебно-экспертных учреждениях МЮ СССР // Пробл. орг. и проведения комплекс. эксперт. исслед.: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1985.

207. *Шляхов А. Р.* Предмет, объекты, методика и правовые основы судебных экспертиз // Назначение и производство судебных экспертиз: Пособие для следователей, судей и экспертов. М.: Юрид. лит., 1988. Гл. 1.
208. *Штофф В. А.* Введение в методологию научного познания. М., 1972.
209. *Эджубов Л. Г.* Теоретические, правовые и организационные проблемы автоматизации судебной экспертизы: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1989.
210. *Эйсман А. А.* Заключение эксперта (Структура и научное обоснование). М.: Юрид. лит., 1967.
211. *Эксархопуло А.А.* Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы. Журн. «Вестник криминалистики». Вып. 2. М.: «Спарк». 2001.
212. Экспертизы в судебной практике: Учеб. пособие для студентов юрид. ин-тов и факультетов / Авт. кол.: В. И. Гончаренко (руководитель), В. Е. Бергер, Т. В. Варфоломеева и др. Киев: Вища шк., 1987.
213. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.
214. *Яблоков Н. П.* Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

Содержание

1. Введение

1. Институт специальных знаний в судопроизводстве Республики Казахстан: законодательные новации и дискуссионные вопросы

- 1.1. Институт специальных знаний в судопроизводстве Республики Казахстан: законодательные новации
- 1.2. К дискуссии о сущности специальных знаний в судопроизводстве
- 1.3. О дифференциации специальных знаний сведущих лиц

2. Научные основы судебной экспертологии: общая характеристика и проблемные аспекты формирования и развития

- 2.1. О становлении теоретических основ судебной экспертизы
- 2.2. Судебная экспертология как научная основа судебно-экспертной деятельности
- 2.3. О формировании закономерностей предмета судебной экспертологии
- 2.4. О системно-структурном построении судебной экспертологии
- 2.5. Методология судебной экспертологии и ее функции как инструмента познавательной деятельности

3. Дискуссионные вопросы судебной экспертизы как сферы практической деятельности

- 3.1. Предмет судебной экспертизы как практической деятельности
- 3.2. Задачи судебной экспертизы: понятие, система и обоснование
- 3.3. К вопросу о комплексных исследованиях при решении задач судебной экспертизы
- 3.4. Объекты судебной экспертизы: к дискуссии о сущности понятия
- 3.5. О научной классификации судебных экспертиз: проблемные аспекты

4. Организационные, процессуальные и методические вопросы назначения и производства судебной экспертизы в Республике Казахстан

- 4.1. Понятие судебно-экспертной деятельности и принципы ее осуществления в Республике Казахстан
- 4.2. Организационные вопросы назначения и производства судебной экспертизы. Экспертные учреждения Республики Казахстан
- 4.3. Процессуальные аспекты назначения и производства судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве
- 4.4. Правовая регламентация объектов экспертного исследования в законодательстве Республики Казахстан
- 4.5. Правовой статус судебного эксперта и иных участников процесса при назначении и производстве судебной экспертизы
- 4.6. Заключение эксперта как источник доказательств: структура, содержание и оценка

Использованные источники